

**Г.А.ФАТТАХОВА
Р.К.ВАЛЕЕВ**

Академический центр Татарии: 1920-е годы

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002

УДК 947.0
ББК 63.3(2 Рос=Тат)
Ф 27

Фаттахова Г.А., Валеев Р.К.

Академический центр Татарии: 1920-е годы. — Казань: Татар.кн.изд-во,
2002. 95 с.

Монография посвящена исследованию деятельности Академического центра Татнаркомпроса. Определены годы его существования, впервые вскрыты и обоснованы причины потери Академцентром своего главенствующего положения, выявлены и проанализированы основные этапы и направления его деятельности. В книге обобщается значительный исторический материал из архивов, периодической печати и монографий. Многие из архивных материалов вводятся в научный оборот впервые.

Монография адресована ученым, преподавателям, студентам высших учебных заведений, всем, кто интересуется вопросами науки и культуры нашего края.

ISBN 5-298-01251-5

© Татарское книжное издательство, 2002

Введение

Современный период развития отечественной историографии отмечен повышенным вниманием исследователей к проблемам истории двадцатых годов XX века, показательной тем, что именно в этот период были заложены основы советского государственного и общественного строя. Одним из стержневых элементов Российского государства в связи с его полиэтничным характером выступали и выступают межнациональные отношения и этнонациональная политика. Воссоздание объективной картины, складывавшейся в этой сфере, предполагает изучение целого ряда этнокультурных проблем на территориях национальных регионов, среди которых немалый интерес представляет Татарская республика, являющаяся достаточно репрезентативным объектом исследования в этой области. Именно поэтому, а также учитывая особую значимость духовного фактора в решении национальных проблем, серьезный интерес представляет изучение деятельности Академического центра Татнаркомпроса (Академцентра), игравшего одну из основных ролей в ходе национального и культурного строительства в Татарской республике.

Двадцатые годы характеризовались разнообразием научных обществ, развитием сложного процесса духовного возрождения татарского народа и его интеллигенции, привлечением новых научных сил для изучения национальной культуры. В этих условиях произошло становление Академцентра в качестве координирующего органа, являвшегося «руководящим идейным средоточием развития национальной культуры»¹. Академцентр занимался решением проблем, которые имели огромное значение. Он ведал всей учебно-методической работой, регулировал издательское дело по всем отраслям науки и культуры. В его ведении находились научные общества, музеи и библиотеки академического характера. Наконец, он налаживал краеведческую работу. Таким образом, Академцентр представлял собой взаимосвязанную многоуровневую систему.

Однако история Академцентра до сих пор не изучена. Вместе с тем на современном этапе в условиях развития и обновления федеративного устройства России, тех сложносоставных по характеру процессов, что происходят в национальных регионах, этот опыт не лишен праксеологического потенциала. В самом деле, Академцентр выполнял функции, присущие в настоящее время целому ряду различных министерств и ведомств (Министерство культуры, Министерство образования, Академия наук, Институт повышения квалификации учителей и др.)...

В настоящее время российская историография неоднозначно оценивает развитие краеведческого направления в науке в 20-е годы. Если одни считают, что, по сравнению с 30-ми годами, тогда происходил расцвет науки, ее новое осмысление, то другие характеризуют то время как начало трагедии.

Следует отметить, что исторические работы, написанные в различные периоды времени, характеризуются рядом существенных особенностей, обусловленных общественно-политическими причинами. Так, литература 20 — первой половины 30-х годов занимает особое место в силу того, что создавалась современниками, а зачастую и непосредственными участниками описываемых процессов. Она может рассматриваться и как специфический источник изучения темы. Создававшаяся видными политическими и общественными деятелями того времени, она несет на себе его очевидный отпечаток, выражавшийся в преувеличении роли коммунистической партии в развитии науки и культуры. Литература второй половины 30 — середины 50-х годов находилась в жестких политических и идеологических рамках, что было обусловлено влиянием догматов сталинского режима. В исследованиях ученых отчетливо отражался отпечаток концепции «Краткого курса истории ВКП(б)». В исторической литературе второй половины 50—80-х годов под влиянием процессов «оттепели», перестройки происходит освобождение исторической науки от целого ряда одиозных догматов и переход к плюралистическому рассмотрению отечественной истории. На современном этапе развития исторической науки наблюдаются серьезные изменения, характеризующиеся постепенным отказом от дискредитировавших себя принципов написания истории и оценок прошлого. Главным направлением становится разработка ранее запретных тем и раскрытие «белых пятен» истории.

Следует подчеркнуть, что непосредственное обращение к работам показывает, что степень изученности в них деятельности Академцентра весьма незначительна. Поэтому наиболее целесообразно, на наш взгляд, сгруппировать исследования отечественных историков по проблемному признаку.

К первой группе относятся работы, изучающие вопросы, связанные с культурным строительством России в целом и Татарстана в частности. Историю и специфические особенности местных культурных учреждений необходимо рассматривать в общей связи с развитием культуры России данного периода. Культурная жизнь республики не могла развиваться обособленно, поэтому общероссийские наблюдения и выводы общего характера имеют для данного исследования большое значение². Особый интерес представляет коллективная монография «Советская культура в реконструктивный период», в которой рассматриваются проблемы развития материально-технической базы культуры, общего и

специального образования, советской художественной культуры³. Ее авторы предприняли попытку комплексного подхода к изучению культурной революции в СССР. Культура стала пониматься не только как одна из четко ограниченных сфер общественной жизни, но и как выражение духовной сущности человека, проявляющейся во всех сферах его жизни. Это позволило поднять на новый уровень осмысления традиционную «отраслевую» тематику. Так, комплексное изучение развития народного образования, культурно-просветительной работы и т.п., которое ранее велось разрозненно, дало в совокупности представление о динамике «общей культуры» как духовной основы общественного развития.

В ряде работ местных историков были предприняты попытки обобщить накопленный материал, подвести некоторые итоги развития в 20-е годы культуры в целом и науки в частности⁴.

Большую пользу в качестве вспомогательной литературы при изучении поставленной проблемы оказывают различные учебные пособия и книги по истории края, помогающие воссоздать целостное представление об экономическом, политическом, социальном и культурном развитии края как о едином многогранном процессе⁵.

Вторую группу составляют работы, представляющие краткий фактический материал об Академцентре. В свою очередь они подразделяются на две подгруппы: а) работы, уделяющие внимание состоянию национальной культуры в 20-е годы и упоминающие Академцентр; б) работы, посвященные отдельным историческим личностям, внесшим определенный вклад в деятельность Академцентра (например, Г.Ибрагимову).

В категорию работ, упоминающих Академцентр и его деятельность, входит не так много литературы⁶. Так, в статье М.З.Закиева создание Академцентра определяется как большое событие в научной жизни Татарстана⁷. Однако автор ошибочно предполагает, что «с самого начала его бессменным руководителем стал... Галимджан Ибрагимов»⁸. Председателем Академцентра до Галимджана Ибрагимова был Гаяз Максудов, немало сделавший для налаживания научно-методической и культурной работы в первые годы существования Татарской республики. Другое дело, что самый плодотворный период в деятельности учреждения приходился на годы пребывания Г.Ибрагимова во главе Академцентра. Сведения о создании Академцентра приводит в своей работе и Ф.Г.-Х. Нурутдинов. Однако автор допустил фактологическую ошибку, неправильно указав год создания Академцентра,— 1925 год вместо 1921 года⁹. Указанные неточности, содержащиеся в работах, еще раз подтверждают факт недостаточной изученности темы, что нередко приводит к использованию исследователями непроверенных данных.

Определенная роль отводится Академцентру в работах, посвященных жизни и деятельности Г.Ибрагимова¹⁰. Из всех этих работ наиболее значительна монография М.Х.Хасанова¹¹. В ней подробно анализируется творческий путь, общественно-политические взгляды и деятельность одного из видных представителей татарской литературы, в том числе и в период работы в Академцентре. Особо отмечается вклад писателя в подготовку научных кадров, непосредственное участие в работе по подготовке к 20-летию юбилею Татарского академического театра, который был отмечен в начале 1926 года, улучшение издательского дела в республике (по его инициативе было положено начало изданию серии «Библиотечка татарской литературы») и т.д.

К третьей группе относится литература, посвященная отдельным звеньям Академцентра. Так, некоторые моменты педагогической деятельности Академцентра нашли отражение в работе М.З.Тутаева¹². Важным этапом перестройки образования в советской школе явилось введение в 1923/24 году комплексных программ главного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР. По мнению автора, взявшийся за основу принцип комплексности вместо традиционного предметного не позволил обеспечить необходимый уровень общеобразовательной подготовки учащихся и выработать у них соответствующие умения и навыки. Однако вне внимания М.З.Тутаева остались многие вопросы, отражающие педагогическую деятельность Академцентра. Автор ограничился лишь их перечислением (учебные программы, организация методбюро и т.п.). Отметим, что большинство работ, затрагивающих проблемы просвещения, отличаются общей постановкой проблемы, что не дает нам возможность проследить конкретную роль Академцентра в данных процессах¹³.

Среди работ, посвященных издательскому делу, выделяется работа Т.С.Курбангалеевой¹⁴. Автор определяет роль Академцентра в развитии издательского дела, проанализировав для примера объем его работ за 1922/23 год. Работа посвящена рассмотрению книгоиздательского дела в целом, что не позволило автору выделить в этом роль Академцентра. Зачастую автор повествует о проделанной работе, не указывая, что это входило в компетенцию Академцентра.

Краеведческий аспект занимает в работе значительное место, и это не случайно. Еще в середине 20-х годов в периодических изданиях появляются статьи, анализирующие состояние краеведения и пути дальнейшего его развития¹⁵.

Среди всей этой массы публикаций хотелось бы выделить несколько. Во-первых, обширную работу Н.Федоровича, имеющую своей целью подведение общих итогов научно-исследовательской работы в

ТАССР за 10 лет¹⁶. Главная ценность статьи заключается в том, что автор собрал вместе и представил краткую информацию о проделанной за этот период работе по разным областям науки. Во-вторых, работу Н.-Б.З.Веклина, в которой содержится большой фактический материал и данные об изданных за 10 лет научных трудах, о периодических изданиях, хроника деятельности научных обществ¹⁷. Указанные статьи можно охарактеризовать как первые попытки обзора состояния науки в республике.

Наиболее крупными центрами краеведения в исследуемый нами период являлись научное Общество татароведения и Общество изучения Татарстана. Поэтому понятен тот факт, что в историографии полнее изучены вопросы, связанные с их деятельностью¹⁸. В статье К.Р.Синицыной «Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20 — начале 30-х годов» рассматривается деятельность названных обществ (НОТ, ОИТ), отдела по делам музеев и основной упор делается на экспедиционную, исследовательскую и собирательскую работу, что привело к созданию республиканского музейного фонда¹⁹. В ее работе была изучена деятельность районных музеев.

Эти же вопросы нашли отражение в работе Р.У.Амирханова и З.Г.Гариповой. Авторы прослеживают преемственность между существовавшими в 20-е годы научными обществами и учреждениями и научно-исследовательской деятельностью Академии наук Республики Татарстан²⁰.

Среди публикаций, направленных на изучение деятельности Книжной палаты, наибольший интерес вызывают две статьи. Первая — обзорная статья директора Книжной палаты А.Булатова, в которой довольно подробно освещается ряд моментов²¹, в частности процесс создания Книжной палаты, основные направления ее деятельности. Следующая статья посвящена 50-летию Книжной палаты Татарстана²². Она представлена в тезисной форме и содержит краткую информацию о создании палаты и ее значении как центра по учету всей печатной продукции в республике и изданию библиографии на татарском языке. В целом названные статьи представляют общую картину деятельности Книжной палаты. В то же время, будучи по своему существу «юбилейными» (40- и 50-я годовщина), они содержат главным образом краткий фактический материал об интересующем нас периоде.

Таким образом, анализ литературы свидетельствует о том, что, несмотря на наличие ряда работ, касающихся изучения той или иной области функционирования Академцентра или отдельных его звеньев, комплексных исследований деятельности Академцентра нет.

Различные стороны процесса развития Академцентра нашли отражение в документах, хранящихся в фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ). В первую очередь это следующие фонды: Восточная академия (Ф.Р-225); Дом татарской культуры (Ф.Р-439); Общество изучения Татарстана (Ф.Р-447); Татарский Центральный исполнительный Комитет (Ф.Р-732); фонд Наркомпроса ТАССР (Ф.Р-3682); фонд Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции (Ф.Р-990). В данных фондах сосредоточены документы, раскрывающие разноплановую деятельность Академцентра: постановления, распоряжения, циркулярные письма Академцентра; протоколы заседаний научно-педагогической комиссии, редакционных коллегий; отчеты как самого Академцентра, так и кантонных и волостных методических бюро.

Значительную ценность для исследования представляют документы Наркомпроса ТАССР, отражающие деятельность Академцентра в планах, годовых отчетах и докладах о его работе за период с 1922 по 1928 год. В них представлены сведения о научно-исследовательской работе в ТАССР по краеведению, издательской и педагогической деятельности. В отчетах за 1925—1928 годы перечислены темы разрабатываемых научных работ по истории Татарии, сведения о работе научного Общества татароведения, бюро краеведения, отдела по охране памятников, о музейном строительстве. Кроме того, в отчетах имеются данные об организации историко-этнографических экспедиций, краеведческих конференций; о педагогическо-методической работе Академцентра: создание учебных программ, учебников и пособий для русских, татарских школ и школ других национальностей, для курсов по переподготовке учителей и т.п.

В работу включены также материалы Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), прежде всего сосредоточенные в ф.15 Татарского областного комитета ВКП(б). Используются протоколы партийных конференций, пленумов, заседаний бюро обкома партии. Они раскрывают сложившуюся обстановку вокруг Академцентра в 1927 году, дают возможность представить и понять отношение партийных работников к данному учреждению, наконец, раскрывают политическую ситуацию в республике в 20-е годы, проливают свет на причины закрытия Академцентра.

Обозначенный круг архивных материалов имеет свои особенности. Большинство документов носят отчетный характер. С одной стороны, это дает возможность проследить динамику деятельности учреждения. С другой — затруднена оценка реального выполнения тех или иных постановлений и указаний, касающихся Академцентра. Известные сложности связаны с противоречивыми цифровыми данными, относящимися к одному и тому же времени (например, по издательской деятельности). В подобных случаях приходилось выяснять истоки этих ошибок, привлекать новые дополнительные

материалы, сопоставлять их с другими документами, и прежде всего с документами первичной отчетности. Поэтому сам процесс отбора источников, критический подход к ним и всестороннее их рассмотрение являлись важной и наиболее трудоемкой частью исследования.

Вторую группу источников составляют работы, изданные Татнаркомпросом и непосредственно Академцентром. Это методические письма²³, учебные программы²⁴, сборники статей²⁵. Данная группа представляет для нас большой интерес и важную часть источниковой базы. Изучение этих источников позволяет более детально разобраться в той или иной сфере деятельности Академцентра, выявить специфику работы, например, научно-педагогической комиссии. Авторами вышеуказанных работ являлись видные специалисты, принимавшие непосредственное участие в работе Академцентра Татнаркомпроса (М.Камшилов, Н.Мухитдинов, Г.Садретдинов и др.).

Особое значение для раскрытия темы имеет местная печать: газеты («Красная Татария», «Кызыл Татарстан») и журналы («Вестник научного Общества татароведения», «Музейный вестник», «Вестник просвещения Татнаркомпроса» и т.д.). Издававшиеся в указанный период газеты помогают представить состояние культуры в крае, выявить общие и специфические черты, а также понять местный колорит и динамику времени. Однако не стоит забывать о критическом подходе к содержащимся в них материалам в силу их политизированности.

Зачастую научные общества имели свои печатные органы (например, «Вестник научного Общества татароведения», «Известия ОИТ»). Значительное место в них занимали тематические статьи, отчеты о проделанной работе, производственные планы, раскрывающие основные направления деятельности данных обществ, структуру и состав участников.

Таким образом, к изучению отдельных аспектов развития науки в 20-е годы исследователи обращались не раз. Однако деятельность Академцентра, как одного из важнейших государственно-научных учреждений, до сих пор оставалась неизученной. Настоящая работа представляет собой первое специальное исследование деятельности Академцентра Татнаркомпроса в 20-е годы. Определены годы его существования, впервые вскрыты и обоснованы причины потери Академцентром своего главенствующего положения, выявлены и проанализированы основные этапы и направления деятельности Академцентра, наконец, впервые введен в научный оборот комплекс документов, ранее не использованных и не публиковавшихся.

Глава I. Образование Академцентра Татнаркомпроса

§1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ОТДЕЛА КАК УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ АКАДЕМЦЕНТРА

История Татарстана послеоктябрьского периода ознаменовалась событиями, наложившими отпечаток на все сферы политической, экономической и культурной жизни татарского народа. В свою очередь это открыло множество новых неразрешенных вопросов. Для дальнейшего развития ТАССР были необходимы исследования местного края, его исторического прошлого и настоящего. Таким образом, краеведение должно было подняться на новую ступень развития.

Нельзя сказать, что ученые Волжско-Камского края до Октябрьской революции вообще не занимались изучением местного региона. Эта работа проводилась и была сконцентрирована главным образом в Казани, где существовали различные кружки и общества: например, Общество естествоиспытателей, Общество врачей, Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Последнее было создано в 1887 году и являлось лидером по археологическим и этнографическим исследованиям Поволжья в России; к 1917 году оно являлось одним из наиболее важных центров востоковедения¹. В сложный период 1918—1920 годов научная деятельность обществ и казанских вузов практически прекратилась, и лишь ОАИЭ смогло продолжить вышеуказанную деятельность².

Кроме того, развитие исторической науки было связано в первую очередь с Казанским университетом, крупнейшим и старейшим высшим учебным заведением региона. Во многом благодаря университету Казань была средоточием духовной, культурной и научной жизни края³. Здесь работали ведущие специалисты, сформировались свои научные школы, богатые исследовательские традиции, воспиталась целая плеяда талантливых ученых, исследователей⁴. Однако имелись свои существенные недочеты. Краеведческая работа, ведущаяся в глубине университетских научных обществ, была слишком слабо связана с работниками на местах, местным населением, поэтому носила в основном академический характер. К разряду же благоприятных условий для работы следует отнести наличие в Казани значительных фондов музейного и архивного материалов как исторического, так и этнографического характера, представляющих важный объект для исследования.

В изучении Казанского края были заинтересованы не только местные ученые, но и российские историки, которые не могли игнорировать значительного культурного влияния татар на Россию, например, в эпоху средневековья. К сожалению, эта работа шла очень медленно: российские ученые обращали недостаточное внимание на изучение татарской культуры, сами же татары не обладали для этого достаточными кадрами научно подготовленных работников. Кроме того, государственная политика была направлена на поддержание и развитие господствующей роли русского языка. Основная масса научных работников казанских вузов по своему социальному и национальному составу соответствовала этой установке. Научные работники коренной национальности края, насчитывавшиеся единицами, использовались преимущественно в области гуманитарных наук как собиратели материала по этнографии, языку, фольклору и т.д. (Г.Ахмеров, К.Насыри)⁵.

Таким образом, приходится признать, что краеведческие организации дореволюционного периода существовали благодаря энергии наиболее активных и подготовленных работников, проводивших крупную научно-исследовательскую работу. В то же время недостаток материальных средств, подготовленных кадров тормозил работу. Со стороны руководящих органов и людей со средствами помощь носила эпизодический характер и была совершенно недостаточной. Для подавляющей же массы населения общества в целом такого рода работа была чужда, непонятна, и нередко встречала ироническое отношение.

События 1917 года не решили разом всех этих проблем. Но вопросам национальной культуры и науки стали уделять особое внимание, что открыло новые возможности. Тем более что условия для этого существовали.

Одной из особенностей Татарстана являлась пестрота его национального состава, своеобразное распределение на территории различных национальностей и значительное различие в культурном и экономическом уровне русских, татар и национальных меньшинств.

Другой особенностью ТАССР, определявшей содержание и характер краеведческой работы, являлась сложившаяся под совокупным действием географических и социальных факторов роль города Казани как крупнейшего на востоке РСФСР культурного центра.

Революция 1917 года, образование ТАССР в 1920 году и дальнейшие изменения в республике привели к поиску наиболее эффективных форм организации научных исследований. В Татарии, как и в других национальных республиках и областях, оживляется работа по изучению истории, культуры края. Этот процесс сопровождался в дальнейшем созданием и деятельностью научных обществ, научно-исследовательских учреждений и т.п.

Одним из первых опытов такого рода стал научный отдел Наркомпроса ТАССР. Впервые вопрос о научной коллегии (гыйльми гаят) обсуждался в мае 1918 года в Казани на III Всероссийском съезде учителей-мусульман по докладу Фатыха Сайфи-Казанлы⁶. В решении съезда были определены основные задачи коллегии — подготовка новых программ и учебников для татарских школ, издание научно-педагогического журнала и т.д.⁷. В 1920 году отдел был создан уже при Наркомпросе ТАССР. На одном из его заседаний принимается решение «принять все дела научной коллегии и средства, сохраняя их назначение»⁸. Таким образом, научный отдел начал свою деятельность при Наркомпросе ТАССР, являясь в то же время преемником научной коллегии. Об этом свидетельствует участие в деятельности научного отдела видных специалистов, работавших ранее при коллегии, а также сходство поставленных перед обеими организациями задач, с той лишь особенностью, что у отдела они были более обширными и разносторонними.

Научный отдел поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу организации всей научной деятельности республики для планомерного изучения края, его естественных богатств, социальных, исторических и этнографических особенностей. Функции отдела определялись Положением об организации народного образования в ТАССР от 26 ноября 1920 года⁹. По этому документу отдел:

1. Организует и содействует организации научных поездок и экскурсий различного рода.
2. Учреждает и содействует организации научных станций, лабораторий, обществ, институтов и пр.
3. Поручает разработку тех или иных научных вопросов специальным комиссиям, учреждениям и отдельным лицам.
4. Командирует отдельных лиц для изучения того или иного вопроса как в пределах ТАССР, так и за ее пределами¹⁰.

Для более четкой и планомерной работы научный отдел имел свою структуру и был поделен на подотделы:

1. Физико-математических наук.
2. Естественных наук.
3. Социальных наук.
4. Историко-филологических наук.
5. Археологических и этнографических наук.
6. Прикладных наук.

7. Восточной культуры.
8. Редакционный.
9. Переводческий.
10. Научных экспедиций и съездов¹¹.

С момента организации заведующим отдела был назначен Б.Н.Вишневский, ученым секретарем — Е.И.Чернышев. Кроме того, заведующим подотдела физико-математических и прикладных наук был назначен Д.Н.Зейлигер; зав.подотдела историко-филологических наук, археологии и этнографии — М.Г.Худяков. Все вышеперечисленные кандидатуры были представлены Б.Н.Вишневским и утверждены с 15 октября 1920 года, о чем свидетельствует протокол заседания коллегии Татнаркомпроса¹².

Какую же работу смог провести научный отдел за этот сравнительно небольшой период своего существования? В фонде Наркомпроса ТАССР документов о деятельности отдела сохранилось мало, это объясняется коротким периодом его существования. Работа отдела отражена, например, в протоколах заседаний коллегии научного отдела Наркомпроса за 1920 год, который включает как саму работу, так и организационные моменты¹³.

Что касается тех мероприятий, которые были поставлены на очередь, то прежде всего отметим тот учет отдельных научных работников, научных обществ, кружков, лабораторий и других научно-вспомогательных учреждений, который к марту-апрелю 1921 года частично уже был произведен и постоянно пополнялся и систематизировался в дальнейшем¹⁴. По выработанному плану научный отдел учредил специальную комиссию при непосредственном участии членов отдела, которая наметила ряд тем, необходимых для разработки вопросов культурного развития Востока и татарского народа. Среди намеченных тем необходимо выделить следующие: «История татарской литературы» (выполнено), «Библиографический указатель по истории татар» (выполнено), «История хазар» (выполнено), «Этнография тюрко-татарских народностей», «История татарской культуры», «Этнология татаро-башкир», «Образцы татарской литературы в русских переводах» и т.д.¹⁵. Такая работа стала возможной лишь благодаря коллективному участию многих ведущих специалистов республики.

С целью разработки вопросов об изучении природных ресурсов и производительных сил ТАССР научный отдел поручил ряду ученых подготовить сводки о состоянии почвы, геологическом строении полезных ископаемых на территории республики как на основе уже собранного материала, так и путем организации специальных поездок и экспедиций для изучения природы отдельных кантонов. Именно к годовщине объявления автономии Татарской республики был приурочен выпуск первой части обширного труда под заглавием «Природа края»¹⁶.

Подотдел востоковедения научного отдела на протяжении всего периода своего существования занимался вопросами татарской культуры. Так, с октября 1920 года до начала 1921 года были разработаны и закреплены декретом принципы реформы орфографии татарского языка, типографского и рукописного татарского шрифта; создана комиссия по разработке и систематизации научной терминологии на татарском языке под председательством Г.Шарафа в составе М.Курбангалеева, Г.Ибрагимова, Х.Бадыги, Г.Максудова¹⁷.

Научный отдел продолжил начатое еще Мусульманской научной коллегией дело организации в Казани музея народов Востока. Открытая в этих целях выставка культуры народов Востока имела огромный успех, за короткое время ее посетило свыше 25000 человек¹⁸. Этот музей играл большую роль в повышении культурного уровня народа. Для этого было необходимо пополнять коллекции по мере возможности. Хотя существовали проблемы и чисто бытового характера, например, отсутствие помещений. Но работа велась, о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, на заседании коллегии научного отдела 10 ноября 1920 года постановили разрешить преподавателю университета Н.И.Масленникову научную поездку в г.Алатырь и с.Кученяево для сбора этнографических предметов, предназначенных в музей народов Востока¹⁹. В тот же период принимается решение о приобретении фотографий, характерных для местного края и имеющих научную ценность, для чего были даны специальные объявления в газеты. Полученные фотографии передавались в музей²⁰.

Учитывая сложные обстоятельства, связанные с гражданской войной, экономической разрухой и голодом, необходимо отдать должное тому, что скудные средства все же поступали в научный отдел, который, в свою очередь, пытался равномерно и по степени необходимости распределить их. Именно поэтому стало возможным приобретение восточной коллекции проф. Н.Ф.Высоцкого²¹. Был утвержден и оплачен счет Булатова в 7357 рублей по результатам поездки в Оренбург и доставке книг для Восточной библиотеки²², разрешена покупка литературы по Туркестану у К.Бакеева за 30 000 рублей для той же Восточной библиотеки²³.

Состояние материальной базы имело определяющее влияние на объемы пополнения коллекций и проведение любых научных работ — экспедиций, выставок, издательской деятельности. Во многом от нее зависело и развитие самой национальной культуры.

Научный отдел за короткое время смог развернуть большую издательскую работу, мобилизовать силы опытных педагогов на составление новых школьных программ, на подготовку современных учебников по ряду предметов, изучаемых в школах Татарии, Башкирии, Туркестана и ряде других районов страны²⁴. Многие научные работы проходили через данный отдел, они анализировались и выносились на слушание. Решение, которое принималось, было значимым. В случае утверждения научный труд имел в дальнейшем поддержку. Примером может служить работа П.И.Кругликова «К вопросу о сближении психологии с культурно-общественными науками», признанная «заслуживающей внимания и поддержки со стороны научного отдела»²⁵. Конечно, данный факт не означает, что научный отдел обладал абсолютными полномочиями и мог решать, что именно подходит для разработки и публикаций. В основном он курировал работы, создание которых поручалось отдельным специалистам или группе непосредственно самим отделом. Охватить же всю научную литературу он пока был не в состоянии.

Это работа — составление и разработка тем, издание соответствующей литературы и т.п., проводилась в целях распространения и популяризации научных знаний. Кроме того, большое внимание уделялось организации докладов и лекций. Последние проходили как публично — обычно это был целый цикл, посвященный одной большой проблеме, например, «об успехах науки в новейшее время»²⁶, либо в виде совещаний для работников культуры с целью некоторой информации «по вопросам татарской культуры, входящих в круг ведения научного отдела»²⁷.

За короткий период своего существования научный отдел проделал немалую работу и внес значительный вклад в культурное развитие республики. Но в основном речь идет об организационном периоде деятельности отдела. Он просуществовал всего год (1920—1921), после чего на его базе был создан Академический центр. В начале 20-х годов Татнаркомпросом проводилась огромная работа по налаживанию научно-исследовательской деятельности и были сделаны первые шаги по развитию науки в Татарской республике, особенно в области истории, этнографии, языка, социальной и национальной культуры татарского народа. Научный отдел не мог охватить всю разноплановую деятельность. Для этого у него не было ни полномочий, ни достаточного штата работников, ни средств. В результате возникла необходимость создания единого руководящего и идейного центра для развития национальной культуры. Таким органом и должен был стать Академический центр Татнаркомпроса.

§2. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА АКАДЕМЦЕНТРА

Время создания Академцентра определяется в литературе по-разному. Можно выделить три точки зрения:

1. 1920 год²⁸.
2. 19 апреля 1921 года²⁹.
3. 1925 год³⁰.

Проект создания центра обсуждался в течение всего 1921 года, но окончательно Академцентр Наркомпроса ТАССР учреждается в декабре 1921 года. Положение о нем было утверждено на заседании коллегии Наркомпроса 3 декабря 1921 года. В нем говорилось: «Академический центр ведает общим теоретическим и программным руководством научной, учебной (учебно-педагогической и учебно-технической), просветительной и художественной деятельностью Наркомпроса»³¹.

В Положении перечислялись основные задачи, которые дают представление о том, какую именно работу предстояло выполнять Академцентру:

1. Разработка общего плана народного просвещения на тот или иной период по проектам, представленным центрами и главками Наркомпроса.
2. Разработка по особому поручению коллегии Наркомпроса частных планов для какой-либо области просвещения.
3. Разработка планов и программ деятельности научных учреждений и программ для преподавания во всех типах учебных заведений ТАССР.
4. Непосредственное руководство учреждениями, ставящими своей задачей чисто научную, теоретическую и художественно-академическую работу.
5. Разработка планов и проектов по организации научных экспедиций, исследований и созыв научных конференций.
6. Приобретение научных трудов, художественных произведений, составление учебников на конкурсной основе, путем привлечения специальных коллективов и отдельных заинтересованных лиц.
7. Учет и регистрация существующих научных обществ³² и организация новых³³.

При коллегии Академцентра имелись следующие научные комиссии: 1) научно-политическая; 2) научно-техническая; 3) научно-педагогическая; 4) художественная (которая, в свою очередь, состояла

из пяти подкомиссий: литературной, театральной, музыкальной, изобразительных искусств и кинематографической). Кроме того, в состав Академического центра входили Главархив и Главмузей³⁴.

Данное учреждение управлялось коллегией из пяти человек: председатель Академцентра, председатель государственного ученого совета, председатель главного художественного комитета, председатель Главархива и Главмузея и, кроме того, представитель от Татарского совета профессиональных союзов (ТСПС)³⁵.

Следует отметить, что председатель коллегии являлся в то же время заведующим Академцентром, на которого возлагалась ответственность за всю работу. Он назначался на эту должность Наркомпросом и утверждался Совнаркомом ТАССР³⁶.

В документе представлен подробный расклад штатов Академцентра, всех его комиссий и подкомиссий. Но следует учесть, что в структуру не раз вносились изменения, начиная с сокращения количества штатных единиц, заканчивая упразднением целой комиссии. Так после нескольких месяцев работы штат переводчиков был сокращен до 6 человек³⁷. Для этого имелись свои причины. Во-первых, штат сотрудников нередко был действительно раздут³⁸. Во-вторых, сказывалось тяжелое материальное положение, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Именно по этой причине личный состав научного и музейного отделов в течение нескольких месяцев работал без оплаты. А переводческому отделу вообще были вынуждены отказать в оплате за переводы³⁹. Все это затрудняло, а иногда и вовсе затормаживало работу. Наконец, в-третьих, это связано с развитием национальной культуры в тот период. Задумывались новые проекты, создавались научные общества и Академцентр вносил новшества в свою деятельность согласно тем изменениям, которые происходили в политической, экономической и культурной жизни ТАССР.

Первым председателем Академического центра по праву считается Гаяз Максудов. В 1920 году он работал в научном отделе, а с начала 1922 года стал председателем Академцентра (он же редактор журнала «Магариф», председатель татарской и русской редколлегий, член президиума союза Рабпроса, член правления научных работников и секретарь ячейки РКП(б))⁴⁰. Следует учесть, что Академцентр начал свою организационную и практическую деятельность с 1921 года. Можно предположить, что работа первоначально велась без председателя. Это вполне вероятно, так как организационные моменты зачастую решались на заседаниях президиума Татнаркомпроса или, как свидетельствуют архивные материалы, работа шла под руководством бывшего председателя научного отдела, а затем заместителя председателя Академцентра Б.Н.Вишневого. Об этом говорит то, что именно он возглавил совещание заведующих отделами Академцентра 20 сентября 1921 года⁴¹. Среди присутствующих были зав.архивным отделом Е.И.Чернышев, зав.общим отделом Касаткин (он же секретарь), зав.переводческим отделом Юсупов, зав.музейным отделом П.Е.Корнилов⁴². Это был первый состав, который в дальнейшем претерпел изменения.

Г.Максудов немало сделал для налаживания научно-педагогической и культурной работы в первые годы существования Татарской республики. Однако период деятельности Академцентра с 1921 по 1924 год можно назвать организационным, временем его становления. Как уже отмечалось, разработанная структура не раз видоизменялась. Некоторые комиссии, например научно-техническая, так и не успели развернуть свою деятельность. Этот период характеризуется существованием временных комиссий Академцентра, которые создавались для решения первоочередных задач. К примеру, временная комиссия по решению вопроса о восточном музее⁴³, организационная комиссия по учреждению исследовательского института татароведения⁴⁴, временная музейная комиссия⁴⁵, которая позже переросла в постоянную, и т.д.

В 1922—1923 годы на заседаниях коллегии Академцентра решались разнообразные вопросы. Лишь позже, когда все комиссии и подкомиссии станут более упорядоченными, основные вопросы начнут рассматриваться в тех комиссиях, которым поручалось разрешение того или иного вопроса. Так, на заседании коллегии было принято постановление о создании редакционных коллегий, с условием, что их сотрудники не включаются в число штата Академцентра⁴⁶, или решение по поводу оплаты рецензий. В результате каждая рукопись отдавалась на просмотр специалисту, чья работа оплачивалась по общему тарифу. Во многом именно рецензия решала дальнейшую судьбу работы. Например, книга проф.Н.Н.Фирсова «Чтения по истории России. Развитие самодержавия в XV—XVI вв. и революционная эпоха в начале XVII века» была одобрена и передана в Госиздат для публикации⁴⁷.

Задуманному с большим размахом Академическому центру требовались на содержание большие финансовые затраты. Несмотря на тяжелое экономическое положение в стране и республике, определенные средства для учреждения выделялись. Так, общая смета Академцентра на 1922 год включала следующие расходы: для научно-технической комиссии выделялось 2135 рублей, художественной комиссии (со всеми ее подкомиссиями) — 3750 рублей, естественно-исторической комиссии — 3970 рублей, научно-политической комиссии — 4400 рублей. Кроме того, на переводческую деятельность выделялось 5000 рублей, на канцелярские, почтовые расходы — 500 рублей, на оплату труда комиссии по разработке отдельных заданий Академцентра — 5000 рублей⁴⁸.

Академцентр существовал не только за счет субсидий, но также благодаря своей практической деятельности. За тот же 1922 год его доходные поступления были приумножены за счет:

- 1) продажи печатных изданий;
- 2) подготовки справок метеорологического и гидрологического характера;
- 3) научных отзывов и консультаций;
- 4) проведения анализа и экспертиз;
- 5) изготовления приборов, инструментов, препаратов, моделей и т.п.;
- 6) оплаты за посещение выставок, музеев;
- 7) оплаты за проведение экскурсий;
- 8) продажи каталогов и путеводителей⁴⁹.

Начиная с 1924 года можно говорить о плановой и детальной проверке Наркомпроса ТАССР и его местных органов, в том числе Академического центра⁵⁰. Обследования по постановлению Президиума ВЦИК имели целью выяснить состояние народного образования республики. Главная задача состояла в детальном изучении и выявлении основных дефектов, с дальнейшим анализом и выводами⁵¹.

Из доклада о результатах обследования сотрудником РКИ Г.Г.Покровским от 21 марта 1924 года за № 531 следует, что «фактически деятельность Академцентра Татнаркомпроса не получила столь широкого идейного значения при настоящих условиях и ограничилась руководством деятельности Татгосиздата в части научной, педагогической, художественной и политической разработки учебных планов и программ всех учебных заведений, кроме ВУЗов; регистрацией и проведением учета научных обществ, организацией новых»⁵².

Вся работа Академцентра строилась на основе структуры, сложившейся к 1923 году. Стали действовать научно-педагогическая комиссия с научно-методической подкомиссией нацменьшинств, редакционные коллегии — русская, татарская, нацменьшинств. В татарскую редколлегия вошли репертуарная подкомиссия, восемь коллективов по составлению учебников, комиссия по выработке научных терминов и «тройка» по терминологии, далее музейная комиссия, Общество татароведения (см. приложение №1). Кроме того, сюда же вошли редакции журналов «Магариф», «Безнен юл» и «Вестник просвещения». На практике из этих организаций постоянно функционировали при Академцентре лишь научно-педагогическая комиссия и редакционные коллегии. Остальные находились вне стен учреждения и собирались по мере надобности. Но и тот факт, что вышеуказанные комиссии работали при Академцентре, еще не свидетельствует о том, что их деятельность была поставлена на широкую ногу. Среди общих недочетов можно выделить следующие: во-первых, отсутствие общего производственного плана затрудняло учет работы, особенно посередине операционного года (проверка Татнаркомпроса проходила примерно с марта по октябрь 1924 года), когда были еще не готовы отчетные данные; во-вторых, из включенных в состав Академцентра комиссий по производственному плану работали лишь научно-педагогическая комиссия (выполнено приблизительно 40%), русская и татарская редколлегия и Общество татароведения, чья «научная работа не поддается учету»⁵³. Другие комиссии, как, например, музейная или редколлегия нацменьшинств, работали в тот период без плана, т.е. имели случайный характер, обычно от них не зависящий.

Как уже отмечалось, при татарской редакционной коллегии находилось несколько комиссий, на которых хотелось бы остановиться и рассмотреть их деятельность на протяжении всего периода существования Академцентра Татнаркомпроса:

1. Комиссия по выработке научной терминологии на татарском языке. Следует заметить, что научная терминология формировалась в процессе подготовки литературы по той или иной отрасли знаний. Это давало возможность проверить их на практике. К примеру, когда Х.Муштари было поручено составление учебника физики для школ II ступени на татарском языке, то обязательным условием для него стало предоставление в Академцентр по завершении работы списка употребленных терминов для просмотра. С одной стороны, это облегчало их анализ, отдельно от текста, с другой — могло стать полезным в дальнейшем при составлении словаря.

Выработка научной терминологии — одна из самых актуальных проблем двадцатых годов, которая давала о себе знать почти ежедневно. Если проанализировать документы, касающиеся работы редакционных коллегий, особенно татарской, то сталкиваешься с такой ситуацией, когда практически каждая рукопись грешила техническими недоработками и орфографическими ошибками. Поэтому часто в рецензиях отмечалось, что «орфография нуждается в исправлении»⁵⁴.

Деятельность данной комиссии развивалась не так быстро, как этого требовало время. Не раз центральная комиссия по реализации татарского языка при ЦИКе обращалась в татарскую редколлегия Академцентра с просьбой ускорить издание словаря административных терминов.

Учитывая тот факт, что при составлении различных бумаг официального характера (заявлений, отношений, удостоверений, протоколов) также встречаются проблемы, было принято решение добавить схемы заполнения наиболее распространенных документов. В результате работа завершилась

изданием словаря социально-политических и административных терминов. К 1928 году были полностью выработаны научные термины по следующим областям: физике, математике, ботанике, родному языку, управлению государством, анатомии, физиологии, общей биологии, правовым наукам, обществоведению, истории и финансово-экономическим наукам — всего в общей сложности более 9000 терминов⁵⁵.

В 1929 году наиболее актуальным и часто обсуждаемым вопросом стал вопрос о полном татарском словаре. Это объясняется переходом на «яналиф». Еще в 1926/27 году издается I том словаря на арабском шрифте Д.Валидова (22 п.л.)⁵⁶. В связи с новыми условиями вводится ряд новшеств. Во-первых, словарь было решено выпустить в 3 томах, объемом 111 печатных листов. Во-вторых, печатать исключительно на «яналифе», даже части, уже изданные ранее на арабском шрифте. В-третьих, отложить работу по разделам букв А и Б и выпустить их самостоятельно, как первая часть первого тома, но после выпуска всего материала в целом⁵⁷.

Это был сложный и объемный труд, но параллельно Академцентр решал еще одну задачу — привлечение к своей работе широких «масс» в целях придания общественного характера составлению татарского словаря, а также в целях подготовки и привлечения к этой работе новых сил. Поэтому было решено наладить связь с Обществом изучения Татарстана, в особенности с его секцией «Культура и быт», чтобы в дальнейшем организовать целый кружок по составлению словаря⁵⁸. Действительно, связь с обществом — необходимый и весьма полезный шаг. Но что касается организации кружка, на наш взгляд, это задумывалось лишь с одной целью — показать, что Академцентр развивает свои отношения и держит связь с периферией, т.к. отсутствие последней часто ставилось ему в вину.

Всю предстоящую работу взяла на себя обновленная комиссия в составе 7 человек: М.Сагидуллин (председатель), М.Курбангалеев, Д.Валидов, Г.Тулумбайский, С.Бурганов, А.Рахим и И.Рамеев⁵⁹.

К сожалению, эта деятельность была прервана после ликвидации самого Академического центра и в дальнейшем возобновлена уже другими учреждениями на другом историческом этапе.

2. Репертуарная комиссия регулировала вопросы, касавшиеся репертуара татарских театров, а именно: а) анализировала пьесы с точки зрения их пригодности для постановки; б) вырабатывала определенный репертуар, особенно для Татарского государственного театра⁶⁰. Данная комиссия работала в следующем составе: Ф.Бурнаш, Г.Ибрагимов, И.Кулеев, Л.Гумеров, под председательством К.Тинчурина⁶¹.

Вся работа осложнялась недостатком театральных произведений, доступных пониманию широкой массы трудящихся, а главное, соответствующих пролетарской идеологии. Это вынудило Академцентр объявить в 1924 году конкурс на татарские театральные произведения⁶². Выдвигаемые условия дают представление о том, какие именно пьесы требовались в первую очередь. (В то же время создается впечатление, что стирается грань между понятиями «творчество» и «агитационная пропаганда», которые воспринимались как тождественные понятия.):

1. Пьеса должна соответствовать пролетарской идеологии по своему построению и содержанию.

2. Сюжет может быть: а) революционный; б) из жизни рабочего класса; в) из жизни крестьянства; г) исторический.

3. По возможности пьеса должна освещать отношения и жизнь татаро-башкир.

4. В выборе формы изложения автору предоставляется полная свобода, при условии, что все будет понятно для широких масс⁶³.

О важности этого мероприятия говорит и тот факт, что лучшие работы удостаивались денежных премий: 1-я премия — 350 рублей, 2-я — 200 рублей, 3-я — 150 рублей и три премии по 100 рублей⁶⁴. Однако надежды, которые возлагались на конкурс, не оправдались. Поэтому, когда в 1925 году Политпросвет предложил вновь объявить конкурс, Академцентр ответил отказом, сославшись на отсутствие положительных результатов⁶⁵.

Отметим, что в архивных документах работа репертуарной комиссии освещена мало. Это, на наш взгляд, объясняется его нерегулярной деятельностью. Так из всех годовых отчетов Академцентра о репертуарной комиссии упоминается лишь в одном из них. Речь идет о создании ряда пьес, одна из которых — «Ил кучкэндэ» («На перевале») признавалась выдержанной во всех отношениях⁶⁶. Здесь же объясняются причины слабой работы, в том числе «некоторая монополия известных кругов, а также отсутствие материальной заинтересованности, т.к. пьеса не составляет для автора доходной статьи»⁶⁷.

Таким образом, о какой-то планомерной работе репертуарной комиссии говорить не приходится, что неудивительно, если учесть работу в этой области самого Наркомпроса, на которое было возложено общее руководство Татарским управлением зрелищных представлений (ТУЗП)⁶⁸. Но так дело обстояло лишь на бумаге. К 1928 году все руководство выразилось в мелкой хозяйственной опеке, и даже это не всегда оборачивалось пользой для театра (и татарского, и русского). Как свидетельствуют материалы проверки НК РКИ, «Наркомпрос наводнял ТУЗП предложениями о выдаче бесплатных пропусков. Послал весной 1927 года в Москву совершенно некомпетентного человека для формирования труппы, чем заставил ТУЗП выбросить на ветер 409 рублей»⁶⁹.

Несмотря на трудности, многие из которых так и остались неразрешенными в двадцатые годы, были и достижения. Одно из них — постановка татарских спектаклей, хотя и медленно, но набиравшая обороты. Это давало возможность повысить культурный уровень, кругозор татарского населения, приобщить его к новому, ранее неизвестному.

3. Более конкретно, в отличие от репертуарной комиссии, в документах освещена деятельность музыкальной комиссии Академцентра. Одна из ее основных задач — сбор и фиксирование татарских мотивов⁷⁰. В состав комиссии входили композиторы С.Габяши, В.И.Виноградов, С.Сайдашев, исполнитель башкирских и татарских песен Г.Альмухамметов⁷¹.

Всю деятельность музыкальной комиссии можно условно разделить на 3 основных момента:

1. Работа татарских композиторов над музыкальными произведениями. В 1921 году была написана «Татарская сюита» для симфонического оркестра В.И.Виноградова⁷². В 1924 году — музыкальная картина того же автора «Жихан» («Время»)⁷³. Созданные в 1925 и 1930 годах оперы «Саня» и «Эшче» получили отклик в зарубежной прессе⁷⁴.

В юбилейные дни 1925 года в Казани была поставлена первая опера на татарском языке «Саня», прошедшая с большим успехом. До этого времени народные мотивы татарской музыки были известны только в разрозненном виде. Опера вобрала в себя популярные татарские и башкирские народные мелодии. «Саня» поставлена в художественно-реалистических тонах и, как отмечали современники, особенно живо была представлена сцена народного гулянья⁷⁵.

Историческая ценность всех произведений в том, что они стали первым опытом создания крупных жанров в профессиональной музыке. В них использована национальная тематика, современные образы, широко применены подлинно народные песни.

2. Большим шагом вперед стало участие в 1926/27 году на международной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне, куда в качестве экспонатов были направлены партитура оперы «Саня» и ноты ряда других татарских мелодий⁷⁶. Кроме того, опера «Эшче» была показана на Всесоюзной олимпиаде национальных театров в Москве в 1930 году⁷⁷.

3. В области написания и сбора татарских и башкирских мелодий проделана значительная работа. Если к 1925 году было создано около 15 татаро-башкирских мелодий, то к 1928 году — свыше 50 (в том числе и для многоголосого хора)⁷⁸. Хотелось бы отметить и теоретические монографии, например изданный в 1927 году на русском языке «Конспект истории музыки народов Приуралья» проф.Никольского, который вполне мог использоваться как учебное пособие и для ознакомления с музыкой других регионов⁷⁹. Кроме этого, комиссия занималась приобретением музыкальных произведений у частных лиц. В частности, был приобретен сборник трехсот сохранившихся татарских мелодий; сборник нот, включавший около 250 татарских мотивов, многие из которых были уже позабыты, поэтому представляли большую историческую ценность⁸⁰.

Музыкальная жизнь республики в 20-е годы была определена стремлением достичь новых рубежей, воссоздать и развить национальную культуру. Всему этому весьма способствовала систематическая и планомерная деятельность музыкальной комиссии.

В целом, возвращаясь к Академическому центру Татнаркомпроса в 1923 году, следует отметить, что он, как часть государственного аппарата, нуждался в уточнении своей структуры, основных направлений деятельности, усилении своей руководящей роли и повышения авторитета. Для этого требовалось развивать его деятельность не только внутри организации, но и устанавливать связь с главками, учреждениями и научными обществами. К примеру, из существующих к 1924 году в Казани 28 научных обществ и кружков Академцентр имел более или менее тесную связь лишь с 5 из них⁸¹, в первую очередь с теми, кого он поддерживал материально.

Если на протяжении первых нескольких лет продолжался период становления Академцентра, то с 1925 года начался период наиболее активной и плодотворной деятельности, когда работа научных комиссий стала более упорядоченной и системной. Во многом это связано с работой нового председателя Академцентра. С января 1925 года во главе учреждения встал видный ученый и общественный деятель Галимджан Ибрагимов⁸². Без сомнения, можно согласиться с мнением, что «ни до, ни после Ибрагимова во главе Академцентра не было столь авторитетной и творческой личности»⁸³. Именно под его руководством Академический центр развернул исследования практически по всем основным направлениям культуры и науки в Татарии. Не случайно в литературе ряд авторов ошибочно предполагают, что 1925 год стал временем создания Академцентра⁸⁴, а Г.Ибрагимов был его первым руководителем⁸⁵.

В целом каких-то больших изменений в структуре Академцентра при Г.Ибрагимове не произошло. Но корректировки были внесены в саму работу, приняты меры к упорядочению, пересматривались многие организационные вопросы. Так, например, был выработан порядок заседаний президиума Академцентра и подведомственных ему комиссий: президиум собирался каждый понедельник в 13.00; научно-педагогическая комиссия — во вторник в 12.00; татарская редакционная коллегия — в четверг в 13.00; подкомиссия по составлению учебных программ — в субботу в 13.00. Русская редакционная

коллегия и комиссия нацменьшинств собиралась по мере накопления материала⁸⁶. Так как часы заседаний комиссий различных главков Татнаркомпроса нередко совпадали, принимается решение о согласовании времени, в случае если один и тот же человек входил в состав нескольких комиссий, что было весьма частым явлением. Кроме того, контроль со стороны Академцентра стал более четким и упорядоченным. Это проявилось в установлении проверок за ходом работ и исполнения постановлений Академцентра и его органов⁸⁷. Учитывая сложности, возникавшие в прошлом из-за отсутствия рассыльного, и, следовательно, частые срывы заседаний, в результате неинформированности специалистов, этот вопрос также был поставлен на повестку, как наиболее важный⁸⁸. Казалось бы, незначительные вопросы несли за собой большие проблемы. Например, задержка печатания и отправления протоколов Академцентра отражалось на поддержании связей не только в республике, но и за ее пределами. Поэтому было решено по мере возможности практиковать сверхурочное печатание и заблаговременное отправление документов, циркуляров и т.п.⁸⁹.

Ряд изменений был внесен и в состав работников. При Академцентре учреждена должность инспектора по переподготовке «просвещенцев», что давало возможность получать информацию «из первых рук». С этой целью на эту должность был переведен инструктор Соцвоса О.Дмитриевский⁹⁰.

Начиная с 1926 года центральный аппарат Наркомпроса ТАССР находился в стадии реорганизации⁹¹. Хотя в этот период перестройка аппарата еще не носила ярко выраженного характера, но по функциональным разделам своей работы он начал переход от системы главков (всего их было восемь) к более простой системе отделов. По сути это и явилось основным достижением всего реорганизационного процесса Наркомпроса ТАССР. Работа проводилась согласно положению о Народном комиссариате просвещения ТАССР, утвержденного Президиумом ЦИК ТАССР от 5 октября 1926 года⁹².

На фоне этих изменений некоторым исключением в смысле четкости построения являлся Академцентр, структура которого, оставаясь после реорганизации аппарата в целом прежней, выглядела следующим образом: а) научно-педагогическая комиссия; б) татарская редакционная коллегия; в) русская редакционная коллегия; г) редакционная коллегия национальных меньшинств; д) отдел охраны памятников старины, искусства и природы; е) бюро краеведения. С отделом охраны памятников старины, искусства и природы связаны 6 кантональных музеев, Казанский центральный музей. С бюро краеведения связаны 3 работающих в Казани общества: Общество археологии, истории и этнографии, Общество любителей природы и Общество татароведения. Кроме того, на местах функционировали 12 объединений, преследующих краеведческие цели. При татарской редколлегии на правах подкомиссий продолжали работать 8 коллективов под руководством заместителя председателя Академцентра. Научно-педагогическая комиссия поддерживала связь с учительской массой на местах через кантонные и волостные методические бюро (см. приложение № 2).

Все входящие в основной аппарат Академцентра комиссии, подотделы, редколлегии и т.д. возглавлялись президиумом, состоящим из: 1) председателя Академцентра Г.Ибрагимова (он же председатель бюро краеведения); 2) председателя научно-педагогической комиссии Г.Линсера; 3) ученого секретаря З.Норкина⁹³. Очень часто тот или иной вопрос обсуждался на заседании президиума, а уже потом спускался в комиссию для доработки. Так, на одном из таких заседаний решался вопрос об объявлении конкурса на составление букваря по американскому методу. Букварь — необходимая учебная литература, поэтому было решено издать в 1925/26 году 2 букваря в обязательном порядке (по плакатной системе и по американской методике), а на будущее объявить конкурс. Все присланные работы должны были просмотреть и доработать члены научно-педагогической комиссии. Практиковалась и обратная система, когда окончательное решение принимали члены президиума. Например, на заседании президиума была окончательно сформирована комиссия по просмотру книг для чтения. В ее состав вошли М.Курбангалеев, З.Норкин, Ф.Сайфи, Х.Бадиги⁹⁴.

На посту председателя Академического центра Г.Ибрагимов проработал два с небольшим года (с 7 января 1925 г. по 17 марта 1927 г.). Серьезная болезнь вынудила его покинуть Казань и уехать в Крым⁹⁵. Преемником Г.Ибрагимова стал М.Х.Тагиров, проработавший на этом посту до конца 1928 года. За этот период было проделано многое и достигнуты неплохие результаты, о чем и было отмечено на заседании бюро Татарского обкома ВКП(б). В частности говорилось, что можно «констатировать улучшения, имеющиеся в работе Академцентра за последнее время»⁹⁶. Это выразилось: а) в оживлении учебно-методической работы и вовлечении в эту работу учительских масс; б) в разработке программ, приспособленных к условиям Татарской республики по основным разделам работы Наркомпроса; в) в некотором упорядочении работы по составлению и изданию учебников, пособий и руководств для школ Соцвоса; г) в оживлении работы по краеведению, по охране памятников искусства, старины и природы и т.д.⁹⁷. Но, наряду с положительными сторонами, были выявлены и недочеты. Во-первых, не на должном уровне оказалась работа по руководству подготовкой и выдвижением научных работников из татар. Во-вторых, нужно отметить слабую работу Дома татарской культуры и руководство деятельностью научных обществ. Дальнейшая работа должна была

быть направлена на исправление вышеперечисленных замечаний. Поэтому одним из основных условий деятельности Академцентра считалось «усиление его идеологического воздействия и руководства деятельностью всех научных организаций Татарской республики, обеспечение наибольшего привлечения татарской интеллигенции к хозяйственному и культурному строительству Татарской республики, лучшую подготовку научных сил и более быстрое создание новых кадров советской интеллигенции»⁹⁸.

Судя по некоторым источникам, в конце 1927 года для Академцентра наступили тяжелые дни. В этот период над ним нависла угроза закрытия как самостоятельного учреждения, по крайней мере вопрос об этом стоял. Так, отмечая недостатки в работе, коллегия АПО ОК считала, что «основной и главной причиной этого явилось отсутствие соответствующего внимания и твердой, четкой линии по этим вопросам со стороны Татнаркомпроса, а также невыполнение предложения ОК о сохранении Академцентра и укреплении его аппарата и органов лучшими работниками»⁹⁹. Председатель Академцентра М.Х.Тагиров отметил неправомерность действий бывшего руководства Татнаркомпроса. По его мнению, «фактическая и юридическая ликвидация с их стороны Академцентра, формально основанная на необдуманных предложениях РКИ, в то время как резолюции ЦК и ОК предлагают совершенно противоположное»¹⁰⁰, не отвечает требованиям времени. В данном случае претензии к РКИ по поводу его «необдуманных предложений» были оправданы. Рассмотрим ситуацию более подробно. Как уже отмечалось, одна из плановых проверок Наркомпроса ТАССР прошла в 1924 году. В обследовании приняли участие сотрудники РКИ Г.Г.Покровский и Н.Соловьев. Проанализировав работу аппарата Татнаркомпроса с точки зрения выполняемых им функций, было отмечено, что в самой структуре и в работе не выдержаны административные и производственные функции¹⁰¹. Г.Г.Покровский предложил собственную структуру Наркомпроса ТАССР, где определенная роль отводилась и Академцентру. В частности, отмечалось: «В интересах устранения громоздкости аппарата, делающего его мало доступным для пролетарских масс, а также удорожающего его содержание и мешающего четкой и правильной работе, необходимо рационализировать аппарат по структурной части в отношении более точного разграничения функций управления и производства, а также обслуживания, относя их к трем главным пунктам: 1) нарком и центральная коллегия; 2) учебная часть; 3) обслуживание (снабжение, учет и связь). Такие учреждения, как Главлит, по существу своему не имеющие никакого отношения к народному просвещению, или Академцентр и Совнацмен, лишь усложняющие схему ТНКП и являющиеся излишеством в своем роде, должны быть выброшены из структуры совершенно (Главлит) или влиты в соответствующие отделы учебной части (Академцентр в виде бюро консультаций и Совнацмен — в Главсоцвос)»¹⁰². Действительно, некоторая громоздкость существовала (в дальнейшем уже упомянутая реорганизация структуры Татнаркомпроса имела своей основной целью переход к более простой и дееспособной схеме). Наслаивание друг на друга массы подразделений в виде комиссий, коллегий, отделов и подотделов вела к параллелизму в работе. Однако, судя по деятельности, Академцентр не входил в категорию мешающих учреждений. Видимо, такого же мнения придерживался Татарский обком ВКП(б), который не считал нужным рассматривать Академцентр как усложняющий элемент Татнаркомпроса. Поэтому понятно стремление М.Х.Тагирова «скорее и полностью реализовать решение нового состава ТНКП¹⁰³ об укреплении Академцентра, в смысле расширения его прав, материальной базы, улучшения его технического аппарата и органов (ДТК, центральный музей)»¹⁰⁴.

В 1927 году структура Академцентра была утверждена и уточнена в следующем порядке:

- а) научно-педагогическая комиссия, занимавшаяся работой по линии социалистического воспитания (Соцвос), профессионального образования (Профобра) и Политпросвета;
- б) научно-издательская комиссия, работавшая совместно с представителями редколлегий журналов «Магариф», «Безнен юл», а также Татиздата;
- в) совет Дома татарской культуры, занимавшийся разработкой научных вопросов через свои общества и кружки¹⁰⁵.

Весь состав данных организаций составлял совет Академцентра под председательством наркома просвещения, созывавшийся по мере надобности по вопросам, имевшим широкое общественно-научное и педагогическое значение¹⁰⁶. Судя по источникам, деятельность данного органа не приобрела масштабного значения. Его работу можно проследить только за 1927/28 год¹⁰⁷.

Что касается президиума Академцентра, то к 1928 году он численно увеличился и был утвержден в следующем составе: председатель Академцентра (М.Тагиров), председатель научно-педагогической комиссии (Н.Надеев), заведующий ДТК (З.Мухсинов), заведующий отделом старины, искусства и природы (В.Егерев), секретарь (М.Фазлуллин) и представители Соцвоса, Профобра и Политпросвета¹⁰⁸.

После принятого решения об укреплении Академцентра в целях более рациональной постановки работы и привлечения авторитетных и квалифицированных работников был уточнен штат сотрудников и их обязанности:

1. Председатель Академцентра — М.Х.Тагиров:

а) общее руководство всей работой учреждения и состоящих в его непосредственном ведении организаций, как-то: ДТК, Татарский академический театр, институт повышения квалификации, база переподготовки и т.д.;

б) представительство в различных учреждениях и органах правительства;

в) непосредственное руководство работой эпизодического характера, как-то: юбилеи, научные и художественные выставки и т.д.;

г) планирование и распоряжение всеми кредитами, предусмотренными сметой ТНКП на мероприятия по линии Академцентра, согласно квартальному или месячному расписанию кредитов.

2. Председатель научно-педагогической комиссии — Н.Надеев, он же заместитель председателя Академцентра, в качестве которого выполнял часть административно-финансовых обязанностей, а также являлся представителем от Академцентра в различных учреждениях и организациях.

3. Коноплев — инспектор-методист по Соцвосу.

4. Абдульханов — инспектор-методист по Профобру.

5. Перов — инспектор по линии национальных меньшинств.

6. О. Дмитриевский — инспектор по линии повышения квалификации учительских кадров.

7. М.Фазлуллин — председатель научно-издательской комиссии, одновременно ученый секретарь, выполнявший всю техническую работу Академцентра (вел протоколы заседаний президиума и проводил постановления последнего в жизнь под руководством председателя или его заместителя)¹⁰⁹.

Помимо этого штата сотрудников по мере надобности приглашались отдельные специалисты для участия в работе комиссий, подкомиссий, каждый раз по особому списку и за пожетонную плату¹¹⁰.

В целом 1927/28 год характеризовался активной работой в области привлечения научных сил. Для сравнения, в 1926/27 году актив Академцентра (научные работники, выполняющие определенные задания по разработке отдельных вопросов в научно-исследовательской, краеведческой, педагогической и др. областях) составлял 57 человек: татар — 28, русских — 27 и нацменов — 2. Из них партийных 6 человек, или 10,5%.

В 1927/28 году этот актив увеличился почти в 2,5 раза и составил 126 человек. По национальной линии: татар — 64, русских — 50, нацменов — 12. Партийных — 26 человек, или 20,6%. Из общего числа: профессоров — 11, доцентов — 13, аспирантов — 17, инженеров-архитекторов и пр. — 10, остальные — преподаватели, имеющие научные труды, но не имеющие ученых степеней¹¹¹.

Частичные преобразования вновь произошли в начале 1929 года, когда новым председателем Академцентра стал С.Атнагулов¹¹². Эти изменения касались кадровых перестановок.

В президиум Академцентра вошли Атнагулов, Надеев, Быков, Таймасов и Якимов. Рабочий аппарат состоял из 3 человек: председателя (Атнагулов) и двух его заместителей (Надеев и Быков)¹¹³.

1927/28 год стал последним, когда Академцентр отчитался за проделанную работу в полном объеме. В дальнейшем его функции сокращаются, что ведет к постепенному спаду активности и потере своей роли как координирующего и руководящего «идейного средоточия развития национальной культуры». С 1928 года его деятельность охватила в основном две области: научно-педагогическую и частично издательскую. Поэтому характерной чертой завершающего периода существования Академцентра (1927/28—1930-е годы) стало подробное распределение обязанностей между всеми сотрудниками. Так, при С.Атнагулове функции каждого были распределены следующим образом:

1. С.Атнагулов вел общее руководство Академцентром, добровольными обществами и учреждениями, находившимися под его ведомством.

2. Н.Надееву и Г.Усманову поручалось руководство работой по линии Соцвоса.

3. На Быкова возлагалось руководство вузами и рабфаками, а также руководство школами повышенного типа (последний концентр), педагогическими обществами.

4. Таймасову поручалось руководство профобразованием и политпросветработой.

5. Якимову, кроме нацменовской работы, была дана определенная нагрузка по линии профобразования.

6. Усманову — разработка материалов для методбюро по линии Соцвоса.

7. Яфарову — разработка программно-методических вопросов татарского языка (фамилии без инициалов — так в документе.— Г.Ф., Р.В.)¹¹⁴.

К 1930 году деятельность Академцентра практически прекратилась, хотя этот процесс наметился еще раньше. Созданный в 1927 году Дом татарской культуры имел своей целью «способствовать развитию культуры и науки, привлекая к активному участию в этом широкую общественность; с этой целью объединить вокруг ДТК для коллективной работы научные общества и кружки, способствовать созданию кадров научных сил из татар; вести научную деятельность путем организации массовых докладов, лекций и диспутов; дать татарской интеллигенции общественно-политическое воспитание»¹¹⁵. Это неизбежно вело к параллелизму в работе и постепенному ослаблению позиций Академцентра. Создание же на базе ДТК в марте 1930 года Татарского научно-исследовательского экономического института с целью «планового исследования экономики и хозяйства республики,

культуры и быта татар в союзном масштабе и для объединения всей работы, которая проводилась научными и хозяйственными обществами и отдельными лицами»¹¹⁶, привело к исчезновению Академцентра Татнаркомпроса. Именно к исчезновению, т.к. документов, фиксирующих его закрытие, обнаружить не удалось. Можно предположить, что по этой причине в работах некоторых авторов, затрагивающих ту или иную область деятельности Академцентра, нет документально подтвержденных фактов. Так, К.Р.Синицына в работе «Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20 — начале 30-х годов» отмечает, что Академцентр был ликвидирован в 1932 году¹¹⁷, а в Татарской энциклопедии упоминается 1933 год¹¹⁸. Существует еще одно предположение, авторы которого связывают прекращение научной деятельности Академцентра с образованием Общества изучения Татарстана в 1928 году¹¹⁹. Мы же склонны считать, что это произошло в 1930 году, с образованием вышеупомянутого ТНИЭИ, который в дальнейшем был реорганизован¹²⁰. Об этом свидетельствует и тот факт, что одним из отделений института являлся отдел культуры и быта края. Он выполнял функции гуманитарного исследовательского учреждения. А заведующим данного отдела стал именно С.Атнагулов, председатель Академцентра, его заместителем — З.М.Мухсинов, ученым секретарем — Н.И.Воробьев¹²¹.

Политическая ситуация в стране, безусловно, отразилась и на культурной жизни республики. Академический центр Татнаркомпроса — орган, сконцентрировавший в своих руках значительную часть издательской, педагогической, краеведческой деятельности. Это, в свою очередь, привело к объединению в его стенах видных ученых, писателей, культурных деятелей — цвет национальной интеллигенции. Постепенно Академцентр занимал все более устойчивую позицию. Сей факт не мог не насторожить руководство республики. Не случайно к 1929 году практически вся работа Академцентра сконцентрировалась лишь вокруг методической работы (подготовка и издание учебных программ для школ I и II ступени). Как уже отмечалось, все остальные функции были разделены и переданы в иные научные учреждения.

Конец 20-х годов — новый этап в истории научных обществ и учреждений. В это время отчетливо проявляется тенденция к регламентации деятельности самостоятельных научных объединений, выражавшаяся в попытках изменения принципов деятельности обществ, их целей и задач, членского состава, а также в усилившейся критике их работы. «Перестройка» работы добровольных обществ — одно из проявлений общей политики в отношении советской науки в новых политических условиях курса на индустриализацию¹²².

Все возрастающий контроль советских и партийных органов над деятельностью общественных и краеведческих обществ и организаций, с одной стороны, и естественные поиски наиболее оптимальных форм организации научных исследований — с другой, привели к ликвидации Академического центра Татнаркомпроса, который на протяжении 10 лет руководил развитием татарской культуры.

Глава II. Научно-методическая и педагогическая деятельность Академцентра

§ 1. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ

В двадцатые годы бурно обсуждались многие вопросы, связанные с различными аспектами национальной культуры: об отношении к культурному наследию прошлого, о путях и главных направлениях дальнейшего развития, о сущности и характере национальной письменности и т.д. Но среди всех проблем одной из наиболее важных и актуальных оставалась работа в области просвещения.

Надо отдать должное Академическому центру Татнаркомпроса, который с первых дней своего существования стал проводить активную деятельность в этой области через научно-педагогическую комиссию с научно-методической подкомиссией. Последняя занималась вопросами образования национальных меньшинств.

До октября 1922 года научно-педагогическая комиссия представляла собой разрозненную организацию. Вся работа протекала в отдельных главках Татнаркомпроса. Поэтому комиссия не имела какого-либо разработанного материала, за исключением двух-трех программ, составленных отдельными лицами для школ I ступени, и некоторых случайных материалов, переданных ей Соцвосом¹. Только с октября 1922 года работа получила определенное направление в сторону централизации всей научно-педагогической деятельности Татнаркомпроса и в сторону ориентации на центральные научные организации РСФСР (например, ГУС) с учетом местных условий². Для достижения централизации было выработано положение, по которому в состав комиссии входили полномочные члены, представители всех главков Татнаркомпроса (Соцвоса, Политпросвета, Профобра

и т.д.) и союза работников просвещения. А для специальной работы каждый раз приглашались видные специалисты — педагоги-практики и профессора высших учебных заведений для более или менее длительных работ в секциях по определенным заданиям комиссий³.

Перед научно-педагогической комиссией Академцентра были поставлены сложные, но чрезвычайно необходимые задачи:

1. Приспособление учебных планов и программ главного ученого совета (ГУС) с учетом местных условий и самостоятельная разработка новых планов и программ для всех типов учебных заведений республики, подчиненных Татнаркомпросу.

2. Рассмотрение и разрешение всех вопросов программно-методического характера, вносимых учреждениями, подведомственными Татнаркомпросу.

3. Общее руководство работой городских, кантонных методических объединений.

4. Организация конференций, совещаний, подготовка и разработка материала к ним, как-то: типовые планы, тезисы, конспекты и т.д.;

5. Учет и обобщение всей научно-педагогической работы ТАССР; изучение аналогичного опыта соседних областей, губерний и автономных республик путем обмена печатными изданиями, переписки и т.п.;

6. Общее руководство учебно-методической работой опытно-показательных учреждений ТАССР;

7. Разработка и рассылка инструктивно-методических писем для низовых органов и учреждений Татнаркомпроса;

8. Консультационное обслуживание всех учреждений и организаций по вопросам педагогики и методики;

9. Руководство научно-педагогическим отделом журнала «Магариф»⁴.

К 1923 году комиссия вобрала в себя научно-педагогическую работу по линии Соцвоса (разработка учебных планов, программ для школ I и II ступени, учет педагогической работы в школах, подготовка учебных пособий и т.д.) и аналогичную работу по Профобру и Политпросвету⁵.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу деятельности научно-педагогической комиссии, несколько слов хотелось бы сказать об условиях школьного строительства в республике в первой половине двадцатых годов, наложивших отпечаток и на деятельность комиссии. Школьное строительство в Татарской республике в рассматриваемое нами время характеризовалось своеобразием, связанным с полиэтничным составом населения. Принципиальные программные основы школы в Татарии были те же, что и в РСФСР, т.е. школа должна была быть единой трудовой, но языковые особенности населения диктовали необходимость открытия школ, в первую очередь татарских и лишь затем русских, чувашских, мордовских.

Строить новую советскую школу в Татарии приходилось в невероятно трудных условиях. Значительная часть ее территории была захвачена фронтами гражданской войны, а после ее окончания последовали засуха и голод. В начале нэпа из-за недостатка денежных средств школы по всей стране были переданы в местный бюджет. Татарская республика, пережившая многие трудности, в первой половине двадцатых годов очень мало отпускала денег на школьное строительство. Таким образом, политика Наркомпроса была направлена на восстановление и расширение сети школ. Реальные же результаты говорили об обратном — шло фактическое сокращение школ. Лишь с 1925 года можно говорить об увеличении школьного строительства, когда было ассигновано 40—60 тыс. рублей (1926 г. — ок. 166 тыс., 1927 г. — ок. 1 млн.)⁶. Если рассматривать процентное соотношение обучающихся детей за 1925/26 учебный год, то получается следующая картина: школы I и II ступени Татарии в общереспубликанском масштабе обслуживали 29% детей школьного возраста татарской национальности, 33% — русской и 38% — национальных меньшинств⁷. Что касается города Казани отдельно, то здесь обучалось до 75% детей школьного возраста⁸.

Изменения в организации школьного строительства произошли и в кантонах. Так, в 1926 году были открыты новые школы-семилетки. В Буинском кантоне — одна смешанная, с уклоном для чувашей; в Елабужском — две школы: татарская на Бондюжском заводе и в кантоне — смешанная, с уклоном для марийцев; в Свияжском — одна смешанная, с уклоном для кряшен; в Челнинском — одна смешанная; в Лаишевском и Мамадышском — по одной школе для татар⁹. Это свидетельствует о том, что постепенно налаживалась работа по организации учебной деятельности.

Увеличение сети школьных учреждений требовало немалых материальных расходов. Например, если в 1926/27 учебном году в Старо-Шешминской волости Чистопольского кантона было 11 школ с двадцатью школьными работниками, то в 1927/28 учебном году школьная сеть значительно расширилась. Были открыты четыре новые школы, обслуживаемые 28 работниками¹⁰. Соответственно с этим увеличились и ассигнования на народное образование по волостному бюджету. В 1926/27 году было выделено 15 842 рубля, что составило 31,7% общего волостного бюджета, а на следующий год расход составил 44,5%, т.е. 21 595 рублей, от общего бюджета¹¹.

Но и здесь существовали свои трудности, особо обострившиеся в период реализации плана всеобщего обучения. Среди первоочередных задач стоял вопрос рационализации существующей сети школ как в городе, так и в кантонах. Были также волости и районы в городах, где детей школьного возраста насчитывалось около 70—80%, тогда как рядом не было ни одной школы или же они охватывали лишь 10—20% детей¹². Сразу же отметим, что к 1926 году в Казани эта проблема была менее ошутима. Поэтому основная работа сконцентрировалась в сельских местностях¹³.

Возвращаясь к проблеме возрождения и развития общеобразовательной школы в Татарии, следует отметить трудности идеологического характера, связанные с ролью религии, всегда игравшей важную роль в жизни людей. В этот период мусульманское духовенство, как и ранее, продолжало активную деятельность. С 1923 года началось движение за расширение сети религиозных школ среди татар, пик которого приходится на 1924—1925 годы¹⁴. В ряде мест открываются частные школы с преподаванием религии. Все это не могло не встревожить партийные органы, так как одной из важнейших задач советского правительства являлось уничтожение религии, ликвидация ее главенствующей роли. В результате, зачастую по непроверенным данным, некоторые школы стали называться рассадниками религиозной идеологии и подвергались закрытию.

В работе научно-педагогической комиссии принимали участие многие видные деятели науки и культуры. К примеру, только за 1922/23 год свыше сорока специалистов, профессоров высших учебных заведений и видных педагогов, занимались разработкой основных вопросов школьного образования¹⁵. За все время существования комиссии во главе ее стояли достаточно компетентные и преданные своему делу люди. Судя по архивным документам, до 1924 года сменилось три председателя научно-педагогической комиссии. Первым был К.И.Сотонин (1922 год)¹⁶. Вскоре его заменил М.Камшилов. Затем руководителем комиссии стал Г.Губайдуллин. Он сохранил за собой руководство до сентября 1924 года, когда по собственному желанию был переведен на другую работу, и на это место назначается Г.Линцер. К этому времени он уже являлся постоянным работником Академцентра¹⁷. И, наконец, последним председателем научно-педагогической комиссии стал Н.Надеев, возглавлявший ее до конца 20-х годов. Имеющиеся материалы не дают возможности определить точно, когда Н.Надеев начал руководить работой комиссии. Можно лишь отметить, что в 1928 году он уже подписывал документы как председатель научно-педагогической комиссии¹⁸.

Научно-педагогическая комиссия проводила разноплановую работу, но одной из самых важных задач явилась разработка учебных программ. Основными методами работы по данному направлению являлись заседания комиссии, работа в специальных секциях, проведение конференций, съездов в городе Казани и кантонах. Всем этим достигалась наибольшая связь с широкой массой работников просвещения.

Что касается достижений, они появились в первые же годы (1922—1923) и выразились в разработке программ для школ I и II ступени. Эта трудоемкая работа стала основой для дальнейшей деятельности в этом направлении, поэтому остановимся более подробно на разработке этих программ.

Первым шагом в этой области стала организация комиссии из представителей союза Рабпроса, представителей всех главков Татнаркомпроса и отдельных специалистов, собравшей и рассмотревшей самые разнообразные программы¹⁹. Комиссия тщательно изучила московские, петроградские программы; программы дальневосточной республики и даже некоторые кантонные. Однако все программы являлись продуктом старой школы, не устраивавшей новую систему. Приняв все же за основу материал, указанный в программе семилетней школы Центра (Госиздат, 1921) для первых четырех лет обучения, комиссия наметила принципы построения программ для школ I ступени. Она установила новое деление школы по ступеням: для школы I ступени — 4 года обучения, для школы II ступени — пять лет, выделив в них два концентрира: первый в три года и второй в два года. Данное решение было утверждено на основе декрета от 31 мая 1923 года «О делении школы по ступеням»²⁰.

В двадцатые годы вопрос о комплексном построении программ обсуждался и анализировался практически постоянно. Данные программы не стали исключением. При детальном рассмотрении можно выделить ряд основных моментов:

а) ввиду новизны материала по русскому языку и отчасти по математике комиссия не решилась нарушить уже принятые задачи этих дисциплин, основное направление которых заключалось в развитии «технических» навыков учащихся. Поэтому комплексность коснулась лишь «общего развития»;

б) программа по общему развитию «Природа и культура» явилась следствием ее практической проработки в одном из детских учреждений. Она построена на трех основах: природа, природа на службе человека (культура) и третья основа, которую изучают на последнем году обучения,— общественная жизнь. Интересно отметить, что хотя в это время комиссии был еще неизвестен так называемый «принцип стержневого построения программы» ГУСа, он нашел свое отражение в программе;

в) в основу построения программы по общему развитию была положена идея изучения всего «мира в целом». Материал был заимствован из программы-семилетки (первые четыре года) с небольшими изменениями и дополнениями, необходимыми для цельного и полного изучения. По сути, программа не ставила каких-то специальных вопросов, рекомендовала пользоваться хрестоматийным материалом;

г) наконец, все части программ объединены двумя основными идеями: идеей «синтеза», дающего научное освещение вопросов, и идеей «организации», сообщающей новый живой дух трудовой школе;

д) программа по математике заимствована из программы для школ-семилеток. Хотя введен ряд новых, ранее не изучавшихся проблем: общее знакомство с алгебраическими формулами и обозначениями, решение простейших уравнений с графическим изображением;

е) кроме того, в сборнике помещены программы татарского языка для русских, русского языка для татар (на тат.яз.) и родного татарского языка²¹.

Все программы были опубликованы и рассмотрены на многочисленных конференциях в г.Казани и кантонах. Опыт работы показал, что при общем их признании были и нерешенные вопросы. Особые трудности вызвали программы первого года обучения по русскому языку и арифметике, т.к. дети поступали в школу совершенно неграмотными.

В январе 1923 года комиссия приступила к составлению программ для школ II ступени²².

Программы школ II ступени ТАССР, как и ранее программы школ I ступени, в это время находились на стадии подготовки. Поэтому работники образования руководствовались в своей деятельности самым разнообразным материалом, вплоть до появления программы семилетней школы (Госиздат, 1921), частично упорядочившей процесс первых лет обучения в школах. Прежде чем приступить к работе, комиссия должна была учесть несколько моментов. Во-первых, ориентируясь на семилетку Центра, она вместе с тем должна была самостоятельно разработать материал программы для последних двух лет обучения. Во-вторых, необходимо было учесть весь опыт и теоретическую разработку вопросов за период времени с 1921 по 1923 год и ввести новый материал и новое освещение даже в программы первых годов обучения школ II ступени. В-третьих, так называемое «стержневое расположение материала в схеме программ» ГУСа не могло не остаться без обсуждения в комиссии и не оказать влияния на ее работу. Наконец, необходимо было приспособить программы к местным особенностям.

Если в центральной программе-семилетке 1921 года закладывалась предметная система, а в схемах ГУСа было предусмотрено осуществление полного комплекса, то, в отличие от них, программы научно-педагогической комиссии Академцентра были связаны общностью методов, вопросов и образовывали отдельные циклы: общественно-литературный (обществоведение, теория марксизма, литература, русский и татарский язык), натурматематический (естествоведение, химия, физика, математика), отдельно стояла география, а затем шел цикл практических дисциплин и навыков (Конституция СССР, РСФСР и ТАССР; вопросы организации, физическое развитие, искусство, труд, экскурсии). Введение в философию заменялось теорией марксизма²³.

Идею комплексного обучения предполагалось проводить постепенно, включая в тот или иной образовательный цикл²⁴.

Если в программах для школ I ступени проводилось первоначальное ознакомление с миром в целом, то в школе II ступени, в первом концентре, был принят принцип тематической разработки материала, и только во втором концентре осуществлялось систематическое изучение²⁵.

Программы-пятилетки для обоих концентров школ II ступени были построены таким образом, что первый концентр занимал 3 года (что вместе со школой I ступени составляло семилетку) и давал вполне законченный круг знаний и развития, благодаря тематическому расположению и изучению материала.

Разработанные в 1922/23 учебном году программы для школ I и II ступени являлись первым опытом научно-педагогической комиссии. На основе всего собранного материала комиссия попыталась использовать отчасти комплексное построение, отчасти предметную систему. Но основная работа еще предстояла, поэтому уже с 1924 года комиссия приступила к разработке новых программ.

На протяжении всего периода деятельности Академцентра, вплоть до 1930 года, составление учебных программ являлось одной из основных его работ. Вопросы по данной проблематике разрабатывались в комиссии, выносились на обсуждение на заседаниях, дебаты шли и на страницах печати в журналах «Магариф», издаваемом на татарском языке, и «Вестнике просвещения» — на русском.

К 1925 году Академцентр уже разработал программы для первых двух лет обучения как сельских, так и городских школ I ступени. Признавая методологическую и методическую целесообразность комплексной системы построения программ, научно-педагогическая комиссия взяла за основу вторую редакцию программ, составленных ГУСом НКП РСФСР, поставив себе целью приспособить их к местным условиям и детализировать²⁶. По этому поводу были разработаны специальные тезисы, в которых говорилось, что «Академцентр Татнаркомпроса признает, что комплексная система

преподавания как в идеологическом, так и в методическом отношении — самая современная система построения учебного материала. Идеологически она ценна тем, что не отрывает единичное явление от связанных с ним других явлений... Таким образом, рассматривает все явления во всеобщей связи...»²⁷.

Первая татарская методическая конференция, созванная в июне 1925 года, одобрила основные принципы, положенные в основу программ²⁸. Одновременно участники конференции приняли план перехода школ на новые программы, выработанный Соцвосом и Академцентром. Было принято решение перевести в 1925/26 году на комплексную систему школы первого и второго года обучения: а) городские, б) сельские опорные, в) те, которые будут признаны КОНО подготовленными к осуществлению подобного перехода²⁹. Особо подчеркивалось, что переход должен совершаться осмотрительно, дабы не дискредитировать новую «систему обучения»³⁰. Всем остальным школам предлагалось придерживаться пока старой программы — четырехлетки.

Постепенность и частичность перехода объясняется, во-первых, недостаточной методической подготовкой учителей для работы с новыми программами; во-вторых, отсутствием необходимой учебной литературы на татарском языке.

Разумеется, Академцентр и Главсоцвос Татнаркомпроса были весьма заинтересованы в результатах перехода (к тому времени программы работали уже около трех месяцев). Только при двусторонней связи можно было говорить о реальных достижениях и постигших неудачах, т.к., несомненно, у педагогического состава установилось определенное отношение к новшествам, основанное на практических наблюдениях, появились свои вопросы и предложения, которые следовало учесть. Для этого проводились различные мероприятия. Так, с целью анализа работы педагогического состава на места направлялись инспектора-методисты.

Таким образом, одним из основных моментов деятельности комиссии являлось побуждение учительства к обмену впечатлениями и поддержанию связи с Татнаркомпросом. Чтобы облегчить это дело, придать ему более стройный и систематический характер, научно-педагогическая комиссия выработала анкету, которой и рекомендовалось пользоваться³¹. Вопросы были составлены точно, подробно, а главное — доступно. Это давало возможность получить полную картину по интересующей проблеме. Например, один из пунктов спрашивал: «Сколько школ в кантоне перешло на комплексную систему обучения (указать в отдельности: сколько городских, сколько районных, сколько деревенских)?» и требовал «указать количество работников в школе и количество групп. Отметить случаи, когда одному работнику приходилось работать с двумя-тремя группами»³².

Данная анкета была разослана всем методическим бюро, педагогическим техникумам, работникам школ I ступени в деревне³³. Ей предшествовала объяснительная записка, где, в частности, говорилось: «В надежде, что учительство откликнется на настоящий призыв, научно-педагогическая комиссия Академцентра и Соцвос Татнаркомпроса надеются, что товарищи безусловно откровенно, с строго деловой точки зрения подойдут к этому вопросу и сообщат нам без всякой утайки о всех недостатках и достоинствах программ, о всех трудностях, с которыми пришлось столкнуться при осуществлении их на практике»³⁴.

К 1926/27 учебному году была полностью закончена работа над программами для всех годов обучения школ I ступени. Так, для первых двух лет обучения была принята за основу вторая редакция программ ГУСа. Для третьего года — программа Академцентра (автор — Коноплев, в источнике без инициалов.— *Г.Ф., Р.В.*) с обязательным сокращением темы «Наш край». Для четвертого года — программа ГУСа со значительными сокращениями³⁵.

Если в области работы школ I ступени в Татарии четко и определенно выявилось стремление к переходу на комплексную систему построения учебного материала, то о школе II ступени этого сказать нельзя.

Школа II ступени за годы революции в республике испытала то же самое, что и аналогичные школы в РСФСР: она попросту была забыта. Школы I ступени, рабфаки, профтехническое образование, вузы — вот те важные педагогические задачи, которые находились в центре внимания, школа же II ступени оказалась на периферии³⁶. С 1925 года ситуация изменилась. Толчком послужила Первая Всероссийская конференция для работников школы II ступени (5—10 июля 1925 года), прошедшая с большим подъемом. На ней были выдвинуты важнейшие вопросы, в том числе и по Татарии, особенно проблема учебных планов и программ³⁷.

До 1925/26 учебного года дело обстояло из рук вон плохо: не было ни твердо установленных учебных планов, ни обязательных программ. Каждая школа работала на свой лад. И если некоторое руководство городскими школами II ступени и было, то в сельской местности они оставались совершенно «беспризорными».

Пестрота и хаотичность учебных планов и программ была повсеместной: почти каждая школа имела свою индивидуальную сетку часов. Многие школы работали по программам Академцентра, ГУСа, смешанным и своим собственным. Поэтому, когда была разработана «программа для школ II ступени Татреспублики» (издана в 1926 году) под редакцией Г.Линсцера и С.П.Сингалевича, в

предисловии сразу же оговаривалось, что «нормы недельных часов для отдельных годов обучения безусловно твердые и никакое превышение норм в этом направлении допущено быть не может. Частичные изменения могут быть внесены в сетку отдельными школами в смысле переброски части часов с одного предмета на другой или с одного года на другой, но не иначе как с согласия на такие изменения в каждом случае со стороны Наркомпроса ТАССР»³⁸. Такая строгость была вполне оправдана. ГУС в своих программах «для первого концентратора школ II ступени» по поводу приведенной им недельной часовой сетки заявил: «Считаем необходимым отчетливо подчеркнуть, что это только ориентировочная сетка, ни в коем случае не имеющая характера обязательности; не следует ее также рассматривать как жесткую сетку»³⁹. Но Наркомпрос ТАССР не мог встать на такую «либеральную позицию» в этом вопросе, как ГУС. Да оно и понятно: ГУС свою схему недельного количества часов по определенным предметам давал для огромной территории РСФСР и автономных республик и областей, в том числе и для Татарии, территория которой значительно меньше, а условия работы школ и культурное состояние населения более или менее однообразны. Поэтому с уверенностью можно сказать, что это был шаг вперед к стройной, упорядоченной системе образования.

Что касается программ, то комиссия для их составления была организована еще весной 1925 года, до выхода в свет гусовских комплексных программ для первого концентратора школ II ступени. В состав комиссии вошли почти исключительно работники-методисты Восточного педагогического института (ВПИ), а именно профессора С.П.Сингалевич, В.П.Брюханов и доценты Н.П.Пономарев, Д.И.Адо, Н.И.Медянцева, М.Д.Бушмакин и Г.Линцер⁴⁰.

Краткие схемы программ были заслушаны и обсуждены на методической конференции, состоявшейся в июне 1925 года. В течение всего 1925/26 года шла, с большими перерывами и задержками, дальнейшая работа над программами. Наконец, весь материал — часть в более (обществознание и литература), часть в менее разработанном виде (математика, естествознание и физика) был вынесен для обсуждения и разработки на очередную конференцию, состоявшуюся в мае-июне 1926 года⁴¹. Профессор С.П.Сингалевич в своем докладе отметил: «Признавая огромную идеологическую и методическую ценность системы, совещание полагает, что наступило время к решительному сдвигу, в смысле проведения ее в жизнь»⁴².

На практике же проведение комплексной системы в условиях работы школ II ступени оказалось проблемой значительно более сложной, чем в условиях работы школ I ступени. Это объяснялось в первую очередь тем, что учебный материал, прорабатываемый в этой школе, был в значительно большей степени дифференцирован и усложнен по сравнению с материалом, изучаемым в школах I ступени, что не давало возможности сосредоточить преподавание всего материала в руках одного преподавателя.

Несмотря на то, что программа вводилась частично (коррелятивная разновидность комплексного преподавания), на конференции было высказано полное согласие с мнением методистов ГУСа, что «комплексность материала должна происходить около одного основного стержня, которым является труд, причем труд берется не в аспекте истории, а в установке на современность, как определенная, конкретная трудовая данность (фабрика, деревня, железная дорога)»⁴³.

С 1923/24 учебного года в сельских местностях развиваются школы крестьянской молодежи (ШКМ), в учебный план которых, кроме обычных общеобразовательных предметов, были введены основы агрономии, садоводства, пчеловодства. А в рабочих районах Казани стали создаваться фабрично-заводские школы. Их программные материалы по физике, химии, математике предусматривали изучение производства⁴⁴. Например, в фабрично-заводской школе при заводе им. М.Н.Вахитова в 1924 году обучалось 30 человек, дополнительно изучавших химию, токарно-слесарное дело⁴⁵.

Разработка учебных программ для вышеуказанных школ также входила в компетенцию Академцентра и была начата еще в 1922/23 учебном году. Основной принцип работы школ крестьянской молодежи развивался главным образом в двух направлениях: 1 — программы по полеводству, 2 — программы по животноводству. В фабрично-заводских школах по главному производственному принципу проектировались и разбирались программы четырех типов:

1. Химического производства.
2. Механического производства.
3. По обработке дерева.
4. По обработке волокнистых веществ⁴⁶.

Работа по подготовке учебных программ из-за их особой важности (имеется в виду не только учебный характер, но и подготовка сознательного пролетариата на основе этих школ, что было наиважнейшей задачей) выходила далеко за пределы работы в комиссиях. Вовлечение широких масс рабочих и крестьян и вместе с тем привлечение крупных технических сил из соответствующих учреждений путем организации конференций — вот путь, избранный для данной работы

Академцентром⁴⁷. Другой путь — постоянная связь с предприятиями с целью оживления практической стороны программ.

Помимо работы над программами для массовой школы и школы повышенного типа (II ступени), а также работы по политехнизации школ научно-педагогическая комиссия принимала участие в разработке специальных программ как по отдельным дисциплинам, так и по целым циклам. Были разработаны и изданы программы для татарских школ I ступени; программы русского языка для татарских школ; программы татарского языка для русских школ II ступени, техникумов и ФЗУ; методическое письмо об учете школьной работы на татарском и русском языках; материалы I Всесоюзной конференции преподавателей татарского языка и литературы; программы татарского языка для курсов ответственных работников, для курсов-кружков при советских учреждениях и предприятиях республики; программы по физкультуре, гигиене, для воскресных школ и др.⁴⁸.

Школа выступала решающим звеном культурного строительства, одним из массовых просветительных учреждений, так как закладывала основу культуры. Поэтому на Академцентр, как на часть этой структуры, падала одна из основных задач — разработка и анализ учебных программ, приемлемых для Татарской Республики. Причем с самого начала закладывалась формула непрерывности. Вся система образования имела законченное построение: дошкольные детские учреждения, начальная школа, школа II ступени и высшие учебные заведения. Никакого разрыва в программах и учебных планах между всеми звеньями народного образования быть не должно. Под руководством Академцентра шла работа по наиболее важной и неразработанной области просвещения (учебные программы для школы I и II ступени), имевшая свои особенности. С одной стороны, в основу программ закладывалось получение общих теоретических знаний, основанных на практической трудовой деятельности. А с другой, и это нельзя сбрасывать со счетов, внедрялась марксистская теория, поскольку являлась основной идеей того времени. Поэтому комплексная система принималась как наиболее целесообразная и выдержанная с точки зрения марксистской идеологии и методики.

§2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Восстановление и дальнейшая организация новых средних школ, техникумов настойчиво выдвигали задачу подготовки новых кадров и повышения квалификации школьных работников, уже трудившихся на поприще просвещения. Если новые кадры для учебных заведений готовились в институтах и университете, то значительно сложнее обстояло дело с переподготовкой школьных работников. Вместе с тем это была необходимая работа, получившая большой размах в Татарской Республике при непосредственном участии Академического центра и его научно-педагогической комиссии. Среди наиболее распространенных форм работы в этой области можно выделить следующие:

1. Долгосрочные педагогические курсы (годовые и двухгодичные).
2. Краткосрочные педагогические, методические и общеобразовательные курсы.
3. Конференции.
4. Кружковая и семинарская работа.
5. Индивидуальное самообразование.
6. Заочное обучение.

Кроме вышеперечисленного, существовали и другие формы, встречавшиеся реже, например, прикомандирование «просвещенцев» к педагогическим учебным заведениям, экскурсии, педагогические выставки. Всю эту работу старались активно внедрять в жизнь. Некоторые из них пользовались успехом с самого начала, другие были введены чуть позже, в ходе работы, по мере накопления опыта. Наиболее прижившейся и эффективной формой можно считать педагогические курсы (2-недельные и 3-месячные).

Идея создания курсов по переподготовке возникала не раз, и их необходимость чувствовалась особенно остро. Летом 1922 года в Казани уже функционировали трехмесячные курсы по повышению квалификации школьных работников-татар. Это был первый опыт такого рода. Еще многое предстояло сделать и систематизировать.

Итак, именно с 1922 года возникла идея проводить такие курсы регулярно. Забегая вперед, отметим, что за первые пять лет существования Татарской автономной республики 1922/23 учебный год явился наиболее плодотворным периодом в этой области.

Результаты прошедшей в январе 1923 года казанской конференции школьных работников I ступени были неудовлетворительными. Уровень квалификации школьных работников был крайне низок. Особая комиссия Татглавсоцвоса, совместно с представителями Академцентра, Татполитпросвета и Татглавпрофобра, приступила к составлению общего плана курсов на летний период и сметы на их организацию.

Центральные курсы Соцвоста получили следующее задание: во-первых, поднять политическое самосознание школьных работников и глубже осветить основы марксистского мировоззрения. При установившемся общественно-политическом строе данная задача была одной из основных в любой сфере деятельности. Во-вторых, по возможности дать фактическую проработку программы для школ I ступени четырехлетки, разработанной Академцентром⁴⁹. Указанная программа и была положена в основу организации учебного плана курсов.

Что касается курсов Политпросвета, как центральных, так и кантонных, то в них было решено по возможности полностью провести программу, намеченную Наркомпросом СССР для губернских и кантонных курсов⁵⁰.

Академцентр Татнаркомпроса, Восточный педагогический институт и местные педтехникумы были привлечены к организации учебной части курсов, которые предоставили не только свои преподавательские силы, но и учебно-вспомогательные учреждения.

Как уже отмечалось, работа основывалась на учебной программе, анкетах, вопросниках, разработанных Академическим центром. Рассмотрим всю эту систему на примере трехмесячных казанских педагогических курсов по переподготовке работников школ I ступени в 1922/23 учебном году.

Со стороны Татнаркомпроса курсы были признаны всеобщими. Сразу были намечены сроки их проведения — с 15 июня по 15 сентября. При обсуждении вопроса было высказано мнение о необходимости привлечения на курсы главным образом наиболее развитых и подготовленных работников из среды учительства. Это было, на наш взгляд, верным решением, т.к., во-первых, делало возможным заменить обычный лекционный метод преподавания на курсах лабораторным или семинарским с относительно малыми группами — не более 37 человек (7—8 групп); во-вторых, необходимость переподготовки — одна из первоочередных задач, поэтому эффективней было подготовить более сильных учителей.

Курсы были рассчитаны на 200 школьных работников. Первоначально предполагалось вызвать 100 учителей татарской национальности, 80 русских и 20 нацменьшинств. Позже соотношение национальностей было несколько изменено. Школьных работников из татар было вызвано 130, из русских — 50 и из нацменьшинств — 20⁵¹.

Вследствие задержки слушателей занятия были передвинуты на конец июня, когда из кантонов и других городов прибыло 147 и из Казани 9 учителей. В июле прибыло еще 39 учителей: из кантонов — 22 и из Казани — 17. Всего собралось 195 учителей⁵². Более подробно состав слушателей казанских трехмесячных педагогических курсов по переподготовке школьных работников школ I ступени определяет таблица 2.1.

Таблица 2.1

Состав слушателей*

Как показывает анализ таблицы, наименьшее число слушателей прибыло из других городов. Это объясняется тем, что, во-первых, такие же курсы проводились в Чистополе; во-вторых, по плану в дальнейшем такая работа намечалась в ряде крупных городов.

Кроме лиц, командированных из кантонов, много заявлений было подано от вольнослушателей, желавших быть зачисленными на курсы. Пока была возможность, они допускались. Преимущество отдавалось тем, кто уже работал в области народного образования или готовился к этому, т.е. учащимся педагогических техникумов, желавшим повысить свое образование. Всего было принят 21 вольнослушатель, из них 12 школьных работников, 4 руководителя детдома и 5 учащихся педтехникума⁵³. Прием желающих продолжался вплоть до 15 июля.

Академическим центром была выработана особая анкета, которую слушатели заполняли при поступлении на курсы. Помимо социально-демографических (возраст, социальное положение, партийность, образовательный ценз и педагогический стаж) были вопросы общественно-политического и педагогического характера, на основании которых выяснялся общий уровень развития, опыт работы, запросы к данным курсам каждого слушателя. Для разработки и анализа полученного материала была создана особая комиссия. Для школьных работников-татар вопросы были переведены на родной язык, и ответы давались преимущественно на татарском языке, за исключением одиннадцати человек, свободно владевших русской речью⁵⁴.

На основании анкеты слушатели были подразделены на три группы. Первую наиболее сильную группу из татар составили слушатели, обучавшиеся в свое время в медресе, например, в средних классах «Галии». Преподавание для них велось на русском языке. В первую русскую группу вошли лица с законченным средним образованием (8 классов гимназии, учительской семинарии или школы со значительным педагогическим стажем — не менее 5 лет). Ответы слушателей обеих первых групп отличались точностью и четкостью изложения. Их интересовали вопросы общего образования. Важным для них было расширение и развитие кругозора, раскрытие принципов трудовой школы, изучение новейших методов преподавания применительно к условиям современной школы⁵⁵.

Вторую группу составили слушатели, не имевшие законченного среднего образования, но желавшие его пополнить; лица, окончившие среднюю школу недавно и не имевшие достаточного педагогического опыта; лица со значительным стажем, но слабо разбиравшиеся в педагогической и методической литературе.

В третью группу вошли учителя, практически не владевшие русским языком. Для этой группы пришлось изменить намеченный учебный план и увеличить количество часов для общеобразовательных предметов, особенно математики, за счет сокращения кружковых занятий⁵⁶.

Вся подготовительная работа, рассмотренная выше, требовала больших усилий и подготовки. В числе основных задач была необходимость быстрого и правильного распределения по группам всех прибывших. Реальную помощь в этом оказали анкеты, которые помогли выяснить уровень образования слушателей. Результаты были обработаны благодаря точно и понятно сформулированным вопросам. Конечно, не обошлось без сложностей — не хватало материальных средств, квалифицированных педагогов, особенно для татарских групп. Сложность организационных, программных и методических вопросов, связанных с проведением курсов, потребовала организации курсового совета, в состав которого вошли заведующий курсами, ответственные руководители по каждому циклу, представители Главсоцвоса, Академцентра, ВПИ и представители от слушателей курсов⁵⁷. В круг ведения курсового совета были включены следующие вопросы: объединение деятельности предметных комиссий, окончательное допущение лекторов и т.п.

Преподавание на курсах включало всего 6 направлений:

1. Политграмота. В данной области лекции читали Н.Н.Бронштейн (ректор ТКУ) «О политической роли учителя», И.Ш.Рахматуллин (завуч ТКУ) «История материализма», Н.С.Беляев «Народное хозяйство в России и экономическая политика советской власти» и т.д.

2. Педагогика. А.А.Любимов преподавал «Теорию и практику трудовой школы», «Психологию» и «Психологию детского возраста» для татарской группы «А», А.А.Илларионов — те же дисциплины для татарской группы, не владевшей русским языком, и т.д.

3. Родной язык. Проф.Е.Ф.Будде — «Формальные основы грамматики и синтаксиса в русском языке», Г.Шараф — «Основы нового правописания в татарском языке», М.Курбангалеев — «Татарский язык для русских» и т.д.

4. Математика. Н.П.Пономарев — «Начертательная геометрия для всех групп», Н.И.Медянцеv — «Методика арифметики» и т.д.

5. Природа и культура. Д.И.Адо — «Ботаника», М.П.Камшилов — «Материальная и духовная культура» и т.д.

6. Местный край. Н.Н.Фирсов — «История Поволжья», Г.С.Губайдуллин — «История татар», М.С.Губайдуллина — «Этнографии татар»⁵⁸.

При разработке проекта плана курсов основной идеей явилось: а) укрепление синтетического преподавания в школе I ступени в связи с развитием организационных навыков учащихся; б) ликвидация политбездграмотности шкрабов (школьных работников)⁵⁹.

Еще в апреле 1924 года на одном из заседаний научно-педагогической комиссии создается новый курсовой комитет в составе Г.Магдеева (пред.) и М.Камшилова⁶⁰. Вся работа по проведению курсов передается данному комитету. По КОНО, вся организационная часть курсов была возложена на курсовое бюро в составе председателя местного методического бюро или Соцвоса (там, где бюро не было организовано), представителя союза, под председательством заведующего КОНО⁶¹.

Очень серьезно и тщательно Академический центр занимался подбором педагогического состава. По сути, именно от кадрового состава во многом зависело успешное проведение мероприятий и их конечные результаты. Эта работа составляла одну из основных задач Академцентра. Недаром часто среди слушателей проводились различные анкетирования, дискуссии. Так как основная часть учителей были приезжие из кантонов, зачастую очень отдаленных, то эти мероприятия были важными в нескольких аспектах. Во-первых, с практической стороны (важно знать их мнение) во-вторых, это была своего рода связь со всеми кантонами. Необходимо было заинтересовать, донести основную идею до каждого работника. Во многом именно от вернувшихся преподавателей зависела дальнейшая педагогическая деятельность кантона, ее направленность (практическая и идеологическая)⁶². И в-третьих, играли роль интересы самого Академцентра, его авторитет как «идейного руководящего органа», в чем и заключалась его первоочередная задача.

К работе на курсах привлекались организации (ОК, кружок антирелигиозной пропаганды), учебные заведения (пед.техникум, коммунистический университет) и отдельные лица. Так, ВПИ, как учреждение, занимавшееся в тот момент подготовкой школьных работников II ступени, не могло участвовать в работе этих курсов, но ряд специалистов приняли участие как руководители того или иного профиля. Среди них И.Ф.Победоносцев («Народное хозяйство ТАССР»), С.П.Сингалевич («О самоуправлении и связи с современностью»), Н.И.Медянцеv (практические занятия по математике) и т.д.⁶³.

Тенденция привлечения на центральные курсы более сильных школьных работников сохранилась и в 1923/24 году, и в последующие годы. Всего на курсы в Казань прибыло 306 человек. Из них татар — 200, русских — 56, нацменьшинств — 50 человек⁶⁴.

Работа в кантонах развернулась по принципу объединения вокруг наиболее культурно развитых центров республики, какими тогда являлись Чистополь и Елабуга. Академцентр попытался сгруппировать данный вид работы вокруг этих двух указанных районов. Здесь собирались работники школ I ступени со средней подготовкой. Курсы проводились смешанные, но с выделением национальных секторов — татарского и русского.

Чистопольские курсы объединили преподавателей I ступени из Чистопольского, Бугульминского, Спасского, Тетюшского и Буинского кантонов в количестве 122 человека, из них половина была татары и половина — русские⁶⁵. Елабужские районные курсы сгруппировали работников из Елабужского, Челнинского, Мензелинского, Агрызского и Мамадышского кантонов в количестве 89 человек — 36 татар и 50 русских⁶⁶.

Таким образом, общий процент обслуживания национальностей был следующий: татар — 60%, русских — 30%, нацменьшинств — 10% (более подробно план разверстки на курсы см. в приложении № 3). Хотелось бы лишь отметить, что Арский, Лаишевский и Свияжский кантоны имели право отправлять в Казань большее число представителей, т.к. эти кантоны на районных курсах представлены не были. К сожалению, работа с национальными меньшинствами не была поставлена на должную высоту. Но сдвиг все же был и работа постепенно налаживалась, благодаря созданной в мае 1923 года научно-методической комиссии⁶⁷.

Характерной особенностью работы «нацменовской комиссии» явилось то, что приходилось учитывать существующие объективные условия в республике. Учитывая отсутствие подготовленных педагогов, литературы на языках нацменьшинств, преподавание на родном языке вводилось только для первых двух лет обучения в школах I ступени. Далее все преподавание велось на русском языке. Родной язык оставался как предмет. Комиссия признавала это временной мерой, пока не будут устранены основные трудности. В то же время было понятно, что для этого понадобится не один месяц.

В 1923/24 году научно-педагогическая комиссия практически полностью взяла на себя контроль за организацией этих курсов. Из-за материальных трудностей стало невозможным развернуть кампанию по летней переподготовке во всем объеме по плану Академцентра. Было решено провести в первую очередь двухмесячные курсы для работников школ I ступени: центральные в г.Казани и объединенные районные курсы в Чистополе и Елабуге⁶⁸.

Среди всей запланированной работы Академцентру поручалось:

1. Установить принцип пропорциональности в составе слушателей курсов по национальной принадлежности.

2. Разработать учебную часть курсов, как центральных, так и районных.

3. Совместно с финансовым отделом в кратчайшие сроки составить смету на содержание курсов⁶⁹.

Кроме того, кантонам и волостям предоставлялось право через КОНО организовать курсы по переподготовке, конференции и кружки «при наличии местных средств и сил... и при условии неперемного идейного руководства со стороны Академцентра»⁷⁰.

Академцентр и финотдел по поручению Наркомпроса ТАССР (см. пункт 3) составили исполнительную смету с расчетом содержания одного курсанта на сумму 8 рублей, оплаты за лекционный час в Казани 1 руб. 50 коп., в кантонах — 1 руб. Общая сумма, перечисляемая на курсы по линии Татнаркомпроса, составила 15 000 рублей⁷¹. Это была довольно малая сумма, но приходится учитывать сложное положение в республике. Кроме того, было принято решение «войти с ходатайством в Совнарком о субсидировании курсов ввиду ограниченности средств в Наркомпросе»⁷².

В целом задачей курсов, проводимых с 1922 года, являлось, с одной стороны, поднятие педагогической квалификации (уяснение идей трудовой школы, современных методов преподавания, наконец пополнение общих знаний); с другой стороны, политическая переподготовка преподавателей. В основу работы была положена изданная научно-педагогической комиссией Академцентра программа школы I ступени четырехлетки. Ставка на сильных, т.е. вызов из кантонов наиболее развитых и активных школьных работников, была сделана с целью, чтобы они сами на местах могли вести работу в качестве инструкторов с массовым учительством, устраивая кружки, съезды, конференции и т.п. В результате Татнаркомпрос сохранял связь с преподавателями и по окончании курсов.

В последующие годы эта работа была продолжена. На 1925 год разрабатывается план зимней кампании по переподготовке «просвещенцев» в кантонах. По нему предполагалось устройство 33 кружков, проведение 30 кантональных конференций, организация весной трех больших районных конференций в Чистополе для Чистопольского, Мамадышского и Лаишевского; в Мензелинске — для Мензелинского, Бугульминского, Елабужского и Челнинского; в Казани — для Арского, Свияжского, Тетюшского, Спасского и Буинского кантонов. И, наконец, проведение 26 лекций⁷³.

В целом динамику мероприятий по повышению квалификации работников народного образования в период с 1922 по 1925 год иллюстрирует таблица 2.2*.

Таблица 2.2

Как показывает анализ таблицы, постепенно центр тяжести работы по переподготовке переместился с курсов на конференции и кружки, число которых непрерывно росло вместе с числом их участников.

Работа Академцентра по организации и проведению курсов продолжалась и во второй половине двадцатых годов, вплоть до 1929 года. Судя по источникам, проводились курсы Политпросвета, центральные для учителей школ I ступени, для школ повышенного типа, курсы работников ШКМ, а также многочисленные методические недели по обществоведению, естествознанию и т.п.⁷⁴. Однако постепенно данная форма повышения квалификации теряла свое значение.

Научная работа Академцентра в области просвещения особенно возросла в 1925 году, когда во главе него встал Г.Ибрагимов. Он привлек в высшие и средние учебные заведения Казани многих видных ученых-татар и активно содействовал Академическому центру в налаживании научно-исследовательской работы. Так, были приглашены в Татарскую республику на постоянную работу А.Сагди, Т.Алпаров, А.Шанаси и др., начавшие свою деятельность как в Академцентре, так и в учебных заведениях г.Казани⁷⁵. Большим шагом вперед стало открытие в 1925 году аспирантуры в высших учебных заведениях⁷⁶. Но проблема продолжала оставаться актуальной.

Если рассмотреть состав работников просвещения по кантонам ТАССР (по образовательному цензу и в национальном разрезе) за 1925/26 учебный год, то ситуация выглядит следующим образом. Лиц с высшим образованием почти нет. Школа I ступени на 3123 учителя имеет их только 7; в школах крестьянской молодежи (ШКМ) на 1088 учителей приходится лишь 33 работника, окончивших ВУЗ. Даже среди школ повышенного типа и учреждений профобра из 687 работников лишь 141 человек имеют высшее образование. Основная масса учителей имела среднее образование. Их более 50%. Но еще значительная часть «просвещенцев» оставалась с начальным образованием. На 3123 работника I ступени приходилось 975 лиц с начальным образованием, что было весьма значительно⁷⁷. Особенно это касалось татар (см. приложение № 4).

Приведенные цифры говорят сами за себя. Конечно, работа проводилась, но этого было недостаточно. Острой проблемой оставалась подготовка преподавательского состава для вузов Татарской республики. О том, что трудности не были разрешены и к 1927 году, свидетельствует доклад председателя Академцентра М.Х.Тагирова, в котором, в частности, говорилось, что «работа по подготовке научных работников идет не по плану, нет точного учета сил и потребностей, не знаем, в чем нуждаются, где и при каких кафедрах нужно оставлять и сколько... необходимо придать этой работе плановость, установить очередь в деле подготовки научных работников... и нужно это сделать не на один год, а на несколько лет»⁷⁸. М.Х.Тагиров особо отмечал, что имеются люди более или менее подготовленные и с определенной практикой, но без диплома, поэтому не могут считаться научными работниками. По его мнению, к этой работе следовало привлекать и наиболее одаренных студентов⁷⁹. К тому же и средства по линии Наркомпроса отпускались. Например, в 1927/28 году на поддержку научных работников было отпущено 10—12 тысяч рублей и 2 тысячи рублей на всевозможные научные командировки⁸⁰. Всего за этот период было командировано 19 человек. Из них 15 — в Казань, 2 — в Москву и 2 человека в Ленинград⁸¹. Характерно, что из оставшихся в Казани 10 человек (все женщины) были приняты в клинический институт, и лишь 5 в университет⁸².

Дальнейшую деятельность в этом направлении характеризует принятый в 1928 году пятилетний план, предусматривавший подготовить за это время 300 научных работников, главным образом для работы в вузах, что составляло 15% от общего числа⁸³.

Таким образом, проблема подготовки научных работников оставалась сложной. Но, наряду с этим, имелись и результаты. Среди работников высшей школы Казани было немало ученых, своими трудами заслуживших уважение со стороны общественности. К их числу следует отнести профессоров Н.Н.Парфентьева, Н.Н.Фирсова, А.А.Остроумова, А.Е.Арбузова, Н.А.Ливанова, А.В.Вишневого и многих других⁸⁴.

Научно-педагогическая комиссия являлась центральным руководящим и консультирующим методическим органом республики. В 1924 году в кантонах организуются методбюро, задача которых сводилась к регулированию методической работы на местах⁸⁵. В 1924/25 учебном году были организованы аналогичные комиссии при всех главках Татаркомпроса. А с 1925/26 года в значительной части кантонов начали работать волостные методбюро⁸⁶.

Что касается методической деятельности, то она была налажена не во всех кантонах, часто проводилась эпизодически и без плана⁸⁷. Хотя созданное 2 июня 1925 года первое всетатарское методическое совещание, на которое прибыли представители методбюро всех КОНО и видные методисты из кантонов, констатировало ряд улучшений. Особенно выделялись Чистополь, Лаишево, Спасск, Бугульма и Тетюши, где работа приняла плановый характер⁸⁸. В этом отношении связь с

кантонами являлась одной из важнейших задач научно-педагогической комиссии, заключающейся в сборе и анализе всей информации с мест для дальнейшей разработки. Начиная со 2-й половины 20-х годов в этом направлении наметились сдвиги. Особенно это проявилось в организации систематической и планомерной подотчетности Лаишевского, Мамадышского, Тетюшского, Елабужского, Спасского и Арского кантонов⁸⁹.

Центральное методическое бюро ГУСа НКП РСФСР разработало план организации методической работы в губерниях, округах, областях. Основная цель состояла в планировании и связи всей методической работы Центра с местными органами, в вовлечении в нее всей «просвещенной массы» и привлечении партийных, хозяйственных и общественных организаций⁹⁰.

Исходя из этих соображений, научно-педагогическая комиссия Академцентра выработала свой план организации методической работы в ТАССР, включавший в себя все местные учреждения, кружки и т.д.

Низовые кружки являлись первичным объединением «просвещенцев», создаваемые ими для организации работы по повышению своей квалификации. Далее следовали волостные объединения учителей, объединенных в районные кружки, в масштабе определенной волости. Здесь выбиралось волостное методическое бюро, которое и являлось исполнительным органом «самоорганизующегося учительства»⁹¹.

Следует отметить, что некоторые изменения в этой области произошли в 1928 году. Инструктивное письмо Татнаркомпроса «Об организации методической работы на местах» извещало, что «в соответствии с принятым Наркомпросом РСФСР положением, существовавшие до сих пор волостные методические бюро упраздняются. Вся методическая работа на местах сосредоточивается в опорных культурно-просветительных учреждениях под руководством инспекторов. При отсутствии последних работа сосредоточивается в опорных учреждениях областного центра...»⁹².

Кружки и волостные комиссии представляли низовую организацию, на помощь которой приходили кантонные методические бюро и Татнаркомпрос. Данная структура содействовала налаживанию более тесных, а главное, двусторонних контактов (см. приложение № 4).

Результаты не замедлили сказаться. Кружковая работа стала одной из самых приспособленных для ведения работы в волостях. Научно-педагогическая комиссия рассылала инструктивные письма с подробными указаниями. По замыслу Академцентра в эту работу должны были быть втянуты в первую очередь средне- и малоквалифицированные работники⁹³. Этот шаг, по нашему мнению, был оправдан, т.к. в дальних районах, находившихся вне центральных кантонов, процент слабо подготовленных работников был выше, особенно среди татарского и нацменовского учительства. Поэтому Академцентр считал более целесообразным открывать кружки именно в таких «глухих местах», с низким уровнем образования, при условии, что найдутся соответствующие руководители (педагоги-методисты)⁹⁴. Но и здесь были свои недочеты. Если в 1925/26 году в Казани работало 20 кружков, то в кантонах кружки возникали периодически и опыт их работы не был учтен⁹⁵.

В том же году Академцентр разослал по всем КОНО и методическим бюро информационно-инструктивное письмо, в котором представлял примерный план тем. Вся работа рассчитывалась на 6 месяцев с двумя месяцами каникул⁹⁶.

Наиболее эффективной формой занятий считалась семинарская. Несомненной заслугой работников Академцентра являлось умение подробно и доступно излагать свои идеи. В частности, в письме говорилось: «...руководитель, запасаясь необходимой литературой и руководствуясь планом основного пособия или своим собственным, разобьет основную тему на подтемы и раздаст для проработки членам кружка, заранее снабдив их соответствующей литературой»⁹⁷. По истечении трех месяцев в научно-педагогическую комиссию представлялся краткий отчет о деятельности кружка, который включал четыре основных пункта: 1) проработанный материал, 2) перечень сделанных докладов с краткой характеристикой, 3) отношение участников кружка к работе, 4) недочеты⁹⁸. Конечно, существовала вероятность субъективной точки зрения руководителя, особенно по двум последним пунктам. Однако это был достоверный материал «из первых рук», на основе которого, учитывая достижения и ошибки, строилась дальнейшая работа.

Кроме того, научно-педагогическая комиссия оказывала посильную помощь в пополнении необходимой литературой волостным методическим пунктам и отдельным школам. Другим путем являлось развитие консультационной деятельности. С этой целью в 1925 году создается Центральное консультационное бюро⁹⁹. За 1927/28 год были даны ответы на 300 с лишним обращений работников с мест¹⁰⁰. Это было значительным достижением, если учесть, что еще в 1926 году оно действовало формально, т.к. не было ни одного запроса¹⁰¹. Вся эта работа оказывала помощь и в деле самообразования учительства.

Со второй половины двадцатых годов увеличилось число проводимых методических конференций. По городу Казани в 1926/27 году в работу горметодобъединения было втянуто около 50%, на следующий год — 75% «просвещенцев»¹⁰². Обслуживание массовых учреждений по всей ТАССР за тот

же год охватило до 80% работников школ I ступени и 40% работников школ повышенного типа (Буинск, Чистополь, Спасск)¹⁰³.

В целях подготовки учительской массы к более активной работе на конференциях Академцентр периодически издавал тезисы докладов на русском и татарском языках, рассылавшиеся непосредственно по методическим бюро. Среди наиболее важных вопросов, которые должны были обсуждаться уже на самих конференциях, были следующие: подведение итогов годовой работы в части достижений и недочетов; очередные задачи и перспективы на предстоящий учебный год; обсуждение целого ряда методических и педагогических вопросов, устанавливающихся заранее. К примеру, на конференциях 1927—1928 годов обсуждались такие вопросы, как: краеведческая программа для школ I ступени, учет педагогической работы в школе II ступени и состояние работы по профессионализации; работа школы с населением и родителями; организация детского досуга и внешкольной жизни учащихся¹⁰⁴.

В архивных документах очень часто отмечается полное «удовлетворение учительской массы конференциями». Это неудивительно, если вспомнить состояние народного образования в бывшей Казанской губернии. В области народного просвещения она занимала одно из последних мест среди губерний европейской России. По данным 1896 года, во всей губернии насчитывалось всего 1192 правительственные начальные школы с количеством учащихся в 52,3 тысячи человек, иными словами, на каждые 1840 душ населения и на каждые 47 кв.верст территории приходилась одна школа. Грамотность среди мужского населения составляла 25% против 32,6% по европейской России¹⁰⁵.

Правительственные школы обслуживали исключительно русское население, просвещение же татар и нацменьшинств в задачу царского правительства не входило. Поэтому можно не сомневаться в том, что учительские массы охотно открывали для себя новые возможности, которых были лишены ранее. Однако наряду с этим оставалось еще много недочетов как в организационной, так и в практической работе, к которым следует отнести:

- а) недостаточную проработку результатов конференций со стороны КОНО и РАЙОНО;
- б) нехватка материальных средств для размножения материалов;
- в) слабо налаженный учет со стороны Академцентра, в особенности тех конференций, которые проходили без участия его представителей¹⁰⁶.

Что касается последнего пункта, Академцентр пытался, по мере возможности, отправлять своих инспекторов, о чем телеграфировалось в КОНО. Так, на зимние конференции 1927 года инспекторами были назначены: в Буинск — Садретдинов, Лаишево — О.Дмитриевский, Арск и Чурилино — Н.Надеев, Тукаевск и Ново-Кашим — Гузаиров, Калининск и Пестречинск — В.М.Горохов¹⁰⁷ (так в источнике. — *Г.Ф., Р.В.*). Но, как уже отмечалось, не на всех конференциях присутствовали сотрудники Академцентра. Так, на запрос Теньковского РОНО был послан ответ: «...Академцентр сообщает, что на методическую конференцию от нас инспектор командирован быть не может. Основание: резолюция тов.Н.Надеева»¹⁰⁸. Однако точная причина не указывалась. Можно предположить, что это были сложности, во-первых, финансовые, во-вторых, отсутствие сотрудников, и в-третьих, просто не посчитали нужным и не столь важным.

Итак, конференции стали более распространенной формой работы со второй половины двадцатых годов. У них были свои преимущества. Во-первых, конференции могли проводиться во многих кантонах одновременно, куда Академцентр посылал своих инспекторов, т.е. обеспечивался большой охват. Во-вторых, конференции, в отличие от курсов, было легче провести силами самого Академцентра. В-третьих, материальная сторона, требовавшая меньших затрат, в отличие от курсов. Кроме того, это позволило расширить возможности и организовать курсы по другим направлениям. Так, особенностью 1927/28 года стала организация курсов: 1) для дошкольных работников на 600 человек, на период с 1 по 20 декабря 1927 года; 2) для пионервожатых, 45 человек, 10/II—15/III 1928 года; 3) для волактива, 60 человек, 1/III—1/IV 1928 года¹⁰⁹.

Как уже отмечалось, существовали и другие формы повышения квалификации. Среди них командировка работников школ повышенного типа в ВПИ для усовершенствования по узкой специальности. Директивное письмо Татнаркомпроса от 1 августа 1928 года за № 5674/а¹¹⁰ определяло основные условия командировок. Во-первых, командируемые должны были иметь уровень знаний по определенной специальности не ниже средней школы. Критерием проверки служили контрольные анкеты, построенные на основе программы средней школы. Во-вторых, предписывалось не снимать командированного с должности до 1 октября, т.к. была вероятность возвращения в случае, если кандидат не проходил установленной проверки. В том и другом случае КОНО могло отправить одного, двух кандидатов на замену (при разверстке на два человека — 50%, при разверстке на 1 человека — 100%). В-третьих, обозначенный первоначально возраст до 32 лет не считался предельным, если прибывший удовлетворял всем остальным требованиям. Данная директива была незамедлительно отправлена во все КОНО и районы за подписью заместителя председателя Татнаркомпроса —

Колосова, председателя Академцентра — М.Х.Тагирова и уполномоченного по переподготовке — О.Дмитриевского¹¹¹.

Эта работа не носила массового характера, т.к. физически было невозможно принять столько людей, как, например, на курсы и конференции. Так, в 1927/28 году для повышения квалификации по определенной специальности было откомандировано всего 20 человек¹¹². Однако данная работа внесла свой вклад и давала возможность наиболее подготовленным преподавателям повысить свой уровень и приобщиться к научной работе.

* * *

Таким образом, вся деятельность научно-педагогической комиссии строилась по двум направлениям.

1. Разработка учебных программ для массовых школ ТАССР. За основу были взяты программы, составленные ГУСом НКП РСФСР, детализированные и приспособленные к местным условиям. Кроме того, принята комплексная система обучения с опорой на трудовую деятельность;

2. Организация переподготовки работников народного образования, которая активно развивалась наряду с подготовкой новых кадров. Эта довольно сложная задача в условиях Татарской республики обострялась из-за отсутствия у большого количества учителей не только педагогической, но и общеобразовательной подготовки. Лишь постепенно, в ходе работы, эта область деятельности научно-педагогической комиссии приобрела ясность и систематичность. Работа велась в двух направлениях — «эпизодическая» (курсы, конференции) и «постоянная» (кружки, самообразовательная система и т.п.). Так называемая «эпизодическая» работа распадается на два вида: а) доподготовка — главным образом, для татарских работников, не имевших среднего и высшего образования, а также для «малоподготовленных политпросвещенцев». План «доподготовки» предусматривал освоение учителями массовых школ программу-минимум в объеме педагогического техникума, работниками школ повышенного типа — курса педагогического института (по узкой специальности), работниками политпросвещения — объема партийной школы II ступени; б) переподготовка сводилась к ознакомлению работников, имеющих среднее и высшее образование, с новыми достижениями в области педагогики и методики. Однако реальное положение дел отличалось от программных требований. На одних и тех же курсах использовались элементы «доподготовки» и переподготовки путем деления работников на более сильные и слабые группы.

Глава III. Издательская и краеведческая деятельность Академцентра

§ 1. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Большую роль Академический центр сыграл и в развитии книгоиздательского дела. Об его издательской деятельности можно говорить с 1922 года. Фактически в пределах Татарской республики все издания научного или учебного характера, кроме большинства периодических изданий и специальных изданий Областкома, Татцика, Совнаркома, Наркомзема и других комиссариатов, выпускались лишь после одобрения со стороны Академцентра¹. Для рассмотрения и редактирования поступивших рукописей были созданы несколько редколлегий: русская, татарская и работавшая с изданиями, написанными на языках других народов Поволжья. Всего за 1922/23 год состоялось 42 заседания коллегий. Для сравнения, за 1925/26 год прошло 72 заседания, из них: 48 в татарской редколлегии (продолжительность заседания — 3 часа, с участием 5 человек, с оплатой 1 руб. за 1 час), 12 заседаний в русской редколлегии (4 платных участника), 12 — в нацменовской редколлегии (4 платных участника)². В их составе были видные работники, ученые и специалисты, такие, как языковед, профессор М.Курбангалеев, видный общественный деятель Ш.Ахмадиев, писатели И.Рахматуллин, Ф.Сайфи, Г.Максудов, М.Парсин, Г.Тулумбайский, Али Рахим и др.³

Обычно решение выносилось после предварительного просмотра и рецензирования работы соответствующими специалистами. Так, резолюция о труде В.А.Богородицкого «Об изучении художественных литературных произведений», на основании доклада М.В.Нечкиной, гласила: «Книгу эту переиздать и напечатать необходимо, но на татарский язык переводить не нужно»⁴. Конечно, ответ не всегда был положительным. «Отклонить на основании рецензии», такое решение принимается на книгу А.Айдашева «Математика для взрослых» (рецензия С.Нигмяти)⁵. Были и такие случаи, когда редакционная коллегия Академцентра отказывала автору в издании ввиду ограниченности материальных средств, но оговаривала, «если ее примет Татгосиздат, то можно издать вне плана». Именно такое решение было принято по поводу рассказа для детей «Ученый заяц» (перевод с русского языка Н.Мухамедова)⁶. Среди причин для отказа, на наш взгляд, можно назвать 4 основные: 1)

материал в тот период был не столь актуален; 2) рукописи, имевшие существенные фактические ошибки; 3) нехватка материальных средств, что вело к отсеиванию работ; 4) по политико-идеологическим причинам.

Какая же литература издавалась, что было необходимо в первую очередь, мы рассмотрим чуть позже.

Для подготовки и издания книг на родном языке решением Академцентра было создано 8 авторских коллективов (см. приложение № 2), чья работа проходила в форме периодических заседаний. Об объеме работ редколлегий Академцентра некоторое представление дает таблица 3.1.

Таблица 3.1

Объем работ редколлегий за 1922/23 год*

Проведенный нами анализ таблицы свидетельствует, что из рассмотренных в течение 1922 года 124 названий книг одобрено к печати 85 названий — из них 76, или 89%, на татарском и 9, или 11%, на русском языке. Небольшое количество изданий на русском языке объясняется тем, что потребности русского населения Татреспублики практически удовлетворялись продукцией центральных издательств. Татарскому же издательству оставалось дополнить рынок литературой, имеющей местное значение, — научными трудами по краеведению, татароведению, тюркологии, а также научной литературой, ориентированной на программы краеведческих школьных курсов. Так, на одном из заседаний коллегии Академцентра от марта 1923 года было представлено сочинение А. Максудова «Татарстан — самоучитель татарского языка для русских». Заслушав материал, присутствующие постановили: «Ввиду крайней нужды в подобной литературе и при отсутствии учебников татарского языка для русских, книга признана желательной для печатания»⁷.

К книгам, издававшимся на татарском языке, предъявлялись следующие требования: употребление нового татарского правописания, латинских и греческих букв для обозначения математических, химических, физических понятий, употребление общемировой символики (формул, знаков действий, цифр и т.д.)⁸.

Для более планомерного проведения работы по подготовке учебной и научной литературы составлялся производственный план. Впервые план по издательству был составлен Академическим центром Татнаркомпроса в середине 1922 года⁹. С тех пор ежегодно, за год вперед (с октября по октябрь) разрабатывался такой план. Это давало возможность составить представление о необходимой в первую очередь литературе.

Характерной чертой первых лет стало невыполнение производственного плана Академцентра, когда часть заданий автоматически переходила на следующий год. Так, в 1922/23 году намечалось издать 1189 печатных листов изданий на татарском языке (не считая таблиц по родному языку, естествознанию и математике) и 419 печатных листов — на русском¹⁰. Основная часть плана состояла из учебников для школ I ступени, марксистской литературы, научной и художественной литературы. Подготовка же учебной литературы для образовательных учреждений других типов по техническим причинам (отсутствие профессиональных наборщиков, в особенности, татар) была взята частично, а основная часть отложена. Итог всей работы выглядел следующим образом: на русском языке было просмотрено и направлено для издания в комбинат издательства и печати 231,5 печатных листа, или 56% от общего плана, на татарском языке 383 печатных листа и 100 таблиц, или 37%¹¹. Кроме того, из отданных на разработку и просмотр коллективам и отдельным специалистам материала, было подготовлено 382 печатных листа, или 33% плана¹². Таким образом, охвачено 56% плана на русском языке и 70% — на татарском.

Производственный план каждого года имел свои отличительные черты, связанные с потребностью времени. Особенностью 1923/24 года, в отличие от предыдущего, явилось включение плана Агитпрома ОК (110 п.листов), истпартотдела ОК (10 п.листов), а также, кроме издания учебников и пособий для школ I и II ступени, в план были включены материалы для партшколы, в общей сложности 87 п.листов¹³. Вся издательская работа велась в тесном контакте с научно-педагогической комиссией.

К сожалению, трудности технического и материального характера усложняли работу и в дальнейшем. В 1925 году из плана в общем объеме 3250 печатных листов была совершенно исключена литература в объеме 655 печатных листов, куда вошли:

1. Книги, включенные в план, но издававшиеся другими издательствами;
2. Книги, намеченные к переизданию, но еще имевшиеся в запасе и выставленные в продажу¹⁴. Эти книги были отнесены ко 2-й категории и перенесены в план следующего года¹⁵.

Задержка с изданием влекла за собой еще одну проблему. Часто материал просто устаревал, либо в него требовалось внести какие-либо дополнения, как в случае с Х.Муштари, который указал в письменном заявлении: «Учебник алгебры на татарском языке, переданный комбинату издательства и печати ТАССР для набора, все еще не издан не по вине автора. Между тем, в связи с новыми программами ГУСа, теперь представляется желательным внести в учебник некоторые материалы производственного характера, применительно к особенностям татарской школы»¹⁶.

Период с 1922 по 1926 год характеризовался изданием книг разного характера, под непосредственным руководством Академического центра. Это научная и научно-популярная, общественно-политическая, антирелигиозная, краеведческая и детская литература.

В 1922 году, несмотря на тяжелое экономическое положение края после ужасов голодного года, был издан целый ряд произведений. Прежде всего, наблюдался отход от агитационных брошюр к более серьезным произведениям. Например, «Великая Октябрьская революция и диктатура пролетариата» Г.Ибрагимова (147 с.), «Великая французская революция» Ф.Сайфи (157 с.), «Научный социализм» Г.Кудоярова (11 п.л.), «Политическая экономия» Г.Баимбетова (20 п.л.), «Женщина Востока и социальная революция» С.Атнагулова (около 90 с.)¹⁷. По истории и литературе в 1922 году вышли: «История России» Ф.Сайфи, «История татар» Г.Губайдуллина и Али Рахима ч.III (12 п.л.)¹⁸. Кроме того, были изданы два литературных и один юбилейный сборники под редакцией Г.Ибрагимова: 1) сборник стихов молодого поэта Ш.Бабича, с его биографией и кратким обзором творчества; 2) второй сборник «Ярдэм», изданный, как и предыдущий (1921 г.), в тесном сотрудничестве коллектива писателей и типографских рабочих, в помощь голодающим; 3) критико-биографический сборник, посвященный 20-летию со дня смерти татарского ученого и писателя Каюма Насыри¹⁹.

В 1923 году из более крупных произведений политического характера были напечатаны: сборник под названием «Компартия и национальный вопрос» (390 с.) под редакцией Б.Мансурова, «Ближний и средний Восток и европейский империализм» М.Амирханова (112 с.). Из научных сочинений в том же году вышла 2-я часть «Истории татарской словесности» (15 п.л.), а из изданий литературного характера сборник избранных стихотворений молодых татарских поэтов «Песни борьбы» под редакцией Ф.Бурнашева (300 с.). На русском языке были изданы три значительные научные работы: «Искусство Востока» Б.П.Денике, «Старый и новый Сарай» Ф.В.Баллода и «Очерки из истории Казанского ханства» М.Г.Худякова²⁰.

В 1924—1925-е годы издание произведений политического характера продолжало набирать обороты. Отметим, что после учебной литературы, данная специфика являлась наиболее распространенной.

В 1924 году большое внимание было уделено изучению ленинизма. Среди наиболее крупных работ — два коллективных сборника в память Ленина, дискуссионный сборник «О борьбе Троцкого против ленинизма» и т.д.; из других работ политического характера просмотрены и напечатаны: перевод «Обществоведения» З.И.Вольсона под редакцией И.Ш.Рахматуллина, «Научный коммунизм» Г.Кудоярова²¹. Учитывая отсутствие детской литературы на татарском языке, Академцентр начинает выпуск серии «Детская библиотека». В 1924 году вышло 10 книг этой серии. На русском языке в этом же году был издан сборник татарских сказок, собранный М.А.Васильевым²².

В 1925 году в мире татарской литературы замечается оживление. Например, только за 4 месяца вышли следующие книги: «Капитал» Борхардта в переводе З.Норкина (22 п.л.), перевод «Истории русской культуры» И.М.Покровского под редакцией Ф.Сайфи (20 п.л.), сборник статей Г.Ибрагимова под названием «Вопросы орфографии, языка и литературы», «История татарских классов» Г.С.Губайдуллина, «Экономическая политика» Г.Кудоярова и т.п.²³.

С каждым годом издательское дело в Татарской Республике заметно улучшалось, что выражалось в объединении разных категорий изданий в определенные серии. Кроме уже упомянутой «Библиотеки детской литературы» по линии Академцентра, следует отметить еще одну: «Библиотека татарской литературы»²⁴. По замыслу ее составителей в эту серию вошли как памятники народной словесности и древнетатарской письменности эпохи феодализма, так и избранные произведения выдающихся татарских беллетристов и поэтов. Уже к 1 мая 1925 года вышло около 10 выпусков этой библиотеки²⁵. Тем самым Академический центр не только сделал важный шаг в области просвещения населения, но и решил практическую задачу. Это давало возможность специалистам и любителям, изучавшим историю родной литературы, пользоваться необходимым материалом, что избавляло от поиска старых изданий, некоторые из которых уже превратились в библиографическую редкость.

Кроме вышеуказанного, с 1922 года налажился выпуск периодических изданий. По линии Татаркомпроса издавалось три журнала: 1) «Магариф» — научно-педагогический журнал на татарском языке; 2) «Безнен юл» — общественно-политический журнал на татарском языке; 3) «Вестник просвещения» — научно-педагогический журнал на русском языке. Заметим, в этот период не отмечалось появление новых журналов (наоборот, «Вестник просвещения» перестал издаваться в 1924/25 году), зато тираж выпускаемых периодических изданий увеличивался с каждым годом. К примеру, журнал «Магариф» в 1923/24 году выпустил 7 номеров, в 1924/25 году — 10 номеров, в 1925/26 году — 12 номеров²⁶.

Первая половина двадцатых годов характеризовалась усиленным выпуском массовой политической и антирелигиозной литературы. Научная тематика присутствовала, но ее подъем начинается с 1925 года в связи с общим улучшением книгоиздательского дела в республике²⁷. По краеведению, истории, языкознанию, а также литературе по антирелигиозной пропаганде («Зарождение религий»

И.Ш.Рахматуллина, «Отделение церкви от государства», «Религия татарина» Ф.Сайфи и т.д.) издавались главным образом оригинальные труды татарских ученых²⁸. Следует учесть и то, что издание научной литературы в Татарии было хорошо поставлено и до революции. Поэтому имелись прочные традиции, позволявшие наладить выпуск научных изданий в короткий срок. Как свидетельствует анализ источников, главная особенность 20-х годов заключалась в увеличении выпуска трудов на татарском языке²⁹.

После революции 1917 года на первый план культурного развития вышли вопросы народного образования. Одной из наиболее актуальных проблем переустройства народного образования была проблема учебной литературы, без решения которой школа не могла функционировать и развиваться в новых условиях. Поэтому координация выпуска всей учебной литературы, проводившаяся редколлегией Академцентра, перевешивала издание любой другой литературы. Эта работа проводилась в тесном контакте с научно-педагогической комиссией, в частности, издание учебных программ и методических писем³⁰. Судя по источникам, одним из вопросов, который наиболее часто обсуждался на расширенных объединенных заседаниях в 1924—1925 годах, был вопрос о составлении учебников для школ I ступени (по родному языку, математике) на конкурсной основе. В работе принимали участие многие специалисты: Г.Максудов, З.Норкин, А.Рахим, С.Нигматуллин, Х.Каримов, И.Кулеев и др.³¹. Первоначально было принято решение совместить проведение конкурса с работой коллективов, т.е. учебники, подготовленные последними, также участвовали в конкурсе³². Однако на практике проведение конкурса оказалось нереальным делом, в первую очередь из-за ограниченного срока. Как отмечалось «времени осталось недостаточно и мало надежды на успешность конкурса» (исключением стал конкурс на разработку азбуки)³³. В связи с этим принимается решение подготовить учебники по плану, на основе программ ГУСа. В состав коллектива были включены: М.Курбангалеев, Х.Бадиги, М.Фазлуллин, Г.Богданов, Р.Газизов, Х.Каримов, З.Норкин, К.Эмири, Г.Линсцер, Г.Тулумбайский, Г.Галеев, Х.Фазлуллин, Х.Рафикова, Х.Валеев³⁴.

В дальнейшем Академцентр отказался от проведения конкурсов. Если и проходил отбор материала на конкурсной основе, то лишь по определенной тематике и среди специалистов, которые получали задание непосредственно от редакционной коллегии³⁵. Стало очевидным, что для такой объемной работы Академцентр не располагает достаточным временем. Своевременное обеспечение школьных учреждений учебниками и пособиями являлось первоочередной задачей, требовавшей привлечения к этой работе наиболее подготовленных специалистов.

В период с 1921 по 1927 годы основное место в издании учебной литературы занимали учебники на родном языке для начальной и средней школы по всем дисциплинам: по природоведению «Учебник ботаники» Ф.Абдулханова, «Краткая биология» Г.Шанаси, «Минералогия и геология» Г.Файзи; по географии «Географический атлас ТАССР» Н.Б.З.Векслина, «Краткая география Европы» М.Курбангалеева и Х.Исхакова, «География внеевропейских стран» Ф.Сайфи, «География Татарстана» С.Ахмада, «Тетрадь для практических работ по географии» Г.Нугайбека и К.Фахрутдинова; по физике «Учебник физики» Г.Шанаси; по истории и обществоведению «Русская история», «История татар» Ф.Сайфи, «Очерки обществоведения» Г.Губайди, «Обществоведение» Г.Нигмати и С.Шарафутдинова³⁶. Учебники по географии, естествознанию, геометрии в основном были переводными, с частичными изменениями, применительно к условиям обучения в местных татарских школах³⁷.

Большое количество учебников и учебных пособий издавалось в тот период для обучения родного языка в татарских школах. Среди них: «Учебник родного языка» М.Курбангалеева, Г.Ибрагимова и Г.Кудоярова, «30 таблиц по грамматике» Р.Газизова, «Татарстан — самоучитель татарского языка для русских», составленный по индуктивному методу и десятичной системе А.Максудовым³⁸. Следует особо выделить издание букваря, как самой необходимой книги в начальной школе. Например, буквари Г.Шарафа по методу целых слов для татарских школ — «Новая деревня» и для крышенских школ — «Светлый путь»³⁹.

С каждым годом среди изданных Татиздатом книг росло число оригинальных учебников, созданных татарскими авторами. Некоторые из них переиздавались из года в год, что говорило об их стабильности («Краткий учебник алгебры» Г.Максудова). Иногда, по одному предмету выпускалось сразу несколько учебников («История татарской литературы» Г.Газиза и «История татарской литературы» Г.Сагди), что свидетельствовало о постоянном поиске наиболее эффективной и пригодной литературы⁴⁰.

Забегая вперед отметим, что педагогическая комиссия по просмотру учебной литературы в 1929 года констатировала заметное улучшение состояния учебников, издаваемых на татарском языке, как в Казани, так и в Москве, и в Башкирии⁴¹. Однако отмечались и серьезные недостатки: учебники не всегда соответствовали требованиям Гусовских программ, например, материал располагался непропорционально; стиль изложения, литературный язык, доступность содержания требовали серьезной корректировки; учебники составлялись как сельский вариант, потому не подходили для городских школ⁴². Что касается учебной литературы по отдельным предметам, то учебник по

математике был более пригоден как задачник для взрослых, т.к. недоступен детскому пониманию и слишком объемён. По отношению к книгам для чтения комиссия отметила следующее: а) все книги носят энциклопедический характер; б) ощущается недостаток художественного материала; в) язык и стиль изложения не соответствуют детскому восприятию⁴³. Точно также, учебники по природоведению, географии, не могли использоваться в качестве учебного материала без основательной переработки.

К 1929 году эти проблемы не были разрешены. В своем отчетном докладе С.Атнагулов отмечал, что «учебники на татарском языке не соответствуют учебным программам ГУСа»⁴⁴. Пытались найти выход из создавшейся ситуации и на совещании представителей из двух республик — Татарской и Башкирской⁴⁵. В результате было принято ряд решений. Во-первых, перейти к новому типу учебников «рабочей книге», на основе новых программ ГУСа, выход которых ожидался. В связи с переходом на новый шрифт учебники должны были печататься на яналифе. Во-вторых, если прежде учебники составлялись в комиссиях по несколько человек, что вело к повторениям, то в 1929/30 году решено было создавать коллективы по 25 человек. Ответственность и авторское право возлагались на весь коллектив. В-третьих, в связи с повышенным объемом и подорожанием себестоимости, учебники рекомендовались к изданию в количестве не более 160 листов.

Конечно, принятые изменения не могли решить все проблемы разом, но шел поиск наиболее оптимального пути в области учебной литературы.

Вся эта работа начнется и закончится для Академцентра в 1929/30 году. А в середине 20-х он по-прежнему осуществлял контроль за большей частью литературы в республике, распространявшийся не только на территорию республики, но и за ее пределами. Рассмотрим для примера, как были распределены издания комбината за 5 месяцев: с 1 октября 1924 года по 1 марта 1925 года*.

Итак, если округлить, 43% всех изданий были распределены по Татарской республике, 20% по Башкирии, 22% по РСФСР, 12% в Киргизию, и лишь 3% во все остальные регионы. Конечно, приходится учитывать, данные даны всего за 5 месяцев, но можно предположить, что за год изменения происходили только в сторону увеличения тиража.

Общую динамику редакционно-издательской работы Академцентра иллюстрирует таблица 3.2.

Сильное сокращение количества названий книг, просмотренных в 1926/27 году объясняется тем, что в том году на Академцентр был возложен просмотр только учебной и методической литературы. Просмотр же остальной, занимавшей значительное место в татарском издательстве литературы (художественной, пионерской, общественно-политической и антирелигиозной), был передан другим учреждениям. Следует заметить, что с этого времени, вплоть до своего закрытия, Академцентр более не занимался просмотром перечисленной литературы. Он продолжал руководить работой Татиздата по части издания учебной и научной литературы, что являлось его основной задачей⁴⁶. Что касается детской литературы, то она не получила такого распространения, как ожидалось. Об этом свидетельствуют действия, предпринятые Академцентром Татнаркомпроса в 1929 году, когда было решено выяснить количество и тираж детской литературы, изданной к этому времени⁴⁷. Конечно, работа в этом направлении велась, но она, на наш взгляд, не была систематизирована.

Наметившийся с 1927 года спад издательской деятельности Академцентра, был связан с изменением общественно-политической обстановки. Непосредственно это проявилось в затруднениях, связанных с параллелизмом деятельности Дома татарской культуры (ДТК) и Академцентра, а также в финансовых трудностях, приведших к сокращению изданий. Так, в 1928 году Академцентром было издано 11 книг, всего 40 печатных листов; в 1929 году — 11 книг, в общей сложности 50 печатных листов, в план 1930 года было включено издание литературы порядка 80 печатных листов⁴⁸. К сожалению, документов, представляющих работу учреждения за 1930 год, в том числе, его издательской деятельности, обнаружить не удалось. Представленные цифры еще раз подтверждают спад, а к 1930 году и прекращение издательства под руководством Академцентра. Для сравнения, только в области учебников, учебных пособий и руководств в 1924 году было издано 25 книг⁴⁹, в 1925/26 году — 75 книг⁵⁰.

Но и в этой обстановке Академцентр оставался органом, на протяжении 10 лет координировавшим издательскую деятельность в Татарской республике.

§2. НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И УЧРЕЖДЕНИЯ

Временем рождения и становления советского краеведения стали 20-е годы. В декабре 1921 года в Москве была организована первая конференция научных обществ по изучению местного края, созванная Академцентром НКП РСФСР. Уже через год создается Центральное Бюро Краеведения (ЦБК), которое в 1923 году возглавил академик Д.Н.Анучин, после его смерти — академик С.Ф.Ольденбург, с 1927 года — П.Г.Смидович. Краеведческое движение развивалось и в

национальных районах страны. От Татарии в ЦБК вошли профессора М.Э.Ноинский и К.В.Харлампович, а с 1924 года — Н.И.Воробьев⁵¹.

Характерной чертой этого периода являлось возникновение ряда новых научных обществ востоковедческой направленности. Восстановление государственности татарского народа подтолкнуло к научным исследованиям национальной культуры. Поэтому работы отдельных специалистов, занимавшихся изучением различных отраслей краеведения, вызвали естественную потребность в объединении и создании общего организованного центра. Предполагалось, что в нем будут происходить: обсуждение текущих вопросов науки, обмен мнений и выработка очередных задач татароведения. Попытка создания такого центра была сделана в 1922 году, когда при Восточной Академии организуется научное Общество Татарской республики по изучению Востока России⁵². Вскоре Восточная Академия была закрыта, а возникшее при ней общество было преобразовано в научное Общество татароведения при Академическом центре Татнаркомпроса. Его первое торжественное заседание состоялось 30 мая 1923 года в присутствии целого ряда татарских и русских ученых⁵³. Именно 30 мая считается датой создания НОТ, однако по архивным документам можно установить и другую дату.

Так, в апреле 1923 года на заседании комиссии по организации Общества татароведения было установлено, что «ввиду существования в Казани утвержденного Главнаукой научного Общества по изучению Востока России, признать, что задачи, которые должны были бы входить в программу Общества татароведения, целиком входят в задачи научного Общества по изучению Востока России»⁵⁴. Проанализировав работу, комиссия постановила переименовать научное Общество по изучению Востока России в Общество татароведения. Таким образом, датой создания НОТ можно считать 22 апреля 1923 года⁵⁵.

Следует отметить, в этот же период была попытка создания целого исследовательского института по татароведению, основная задача которого сводилась к руководству, «охране и исследованиям татарской старины». Такое решение принимается в марте 1923 года на совещании при Академцентре⁵⁶.

Для организации института была выбрана специальная комиссия в составе: Г.С.Губайдуллина, Али Рахима, Г.Максудова, М.Г.Худякова, Н.И.Воробьева, Г.Шарафа и Н.Н.Фирсова⁵⁷.

Институт задумывался как специальное научно-исследовательское учреждение для археологических исследований Татарстана и охраны археологических заповедников. В этом направлении уже начались определенные работы. Ряд ученых получили задание по выработке археологической карты предполагаемых заповедных мест Татреспублики. Все расходы брал на себя Академцентр⁵⁸. В дальнейшем каких-либо упоминаний о данном институте ни в источниках, ни в литературе нет, что дает возможность согласиться с исследователем А.В.Зайцевым, который отмечает: «Можно предположить, что его задачи и функции были переданы научному Обществу татароведения, принимая во внимание одинаковый состав учредителей, а также сходство поставленных перед обеими организациями задач»⁵⁹.

На первом же заседании Общества был заслушан доклад М.Г.Худякова, знакомивший с основными выводами его труда по истории Казанского ханства. Доклад этот вызвал оживленный обмен мнений, где были затронуты некоторые дискуссионные вопросы татарской истории. В целом первое заседание было удачным началом широко развернувшейся в дальнейшем деятельности Общества, сумевшего за короткий срок внести значительный вклад в изучение все еще мало исследованных тюркских культур Союза⁶⁰. Какова же была общая программа этой организации? Целью Общества являлось «объединение в ТАССР лиц, научно работающих в области всестороннего изучения татар и татарской культуры, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде»⁶¹.

Административный орган Общества состоял из председателя, секретаря и возглавляемого ими правления, число членов которого уставом не ограничивалось. Правление Общества, его председатель и секретарь избирались на срок не менее одного года общим собранием членов. С первых дней своего существования общество возглавил профессор Н.Н.Фирсов. Секретарями в разное время были М.Г.Худяков, Е.И.Чернышев и А.Рахим⁶². В целом Общество состояло из действительных и почетных членов и сотрудников-корреспондентов⁶³.

С первого же момента своего существования Общество татароведения поддерживало тесную связь с Всероссийской Ассоциацией Востоковедения, представитель которой профессор И.Н.Бороздин присутствовал при открытии общества. Прочная связь наладилась у Общества также с Саратовской комиссией по изучению татарской культуры, осуществляющей разработку проблем татароведения на территории Нижнего Поволжья⁶⁴. В целом к 1930 году Общество имело регулярную связь с более чем 120 научными учреждениями нашей страны, а также с научными учреждениями за границей⁶⁵.

Деятельность научного Общества татароведения достаточно хорошо изучена в ряде работ⁶⁶. Тем не менее мы не можем обойти этот вопрос стороной, так как Общество работало непосредственно при

Академцентре и являлось средоточием исследовательской деятельности в изучении истории Татарстана. Поэтому остановимся на некоторых моментах подробнее.

В течение 1923 года Общество татароведения имело три общих собрания, на которых кроме речи проф. И.Н.Бороздина были также заслушаны доклады Н.Н.Фирсова «Движение Разина вверх по Волге и участие в разинщине татар», М.Г.Худякова «Из истории болгаро-татар» и ряд других.

На этих же собраниях было установлено направление деятельности Общества и принят следующий план работы:

I. Работа по истории.

1. Разработка истории татарского народа на основе исторического материализма. Следует отметить, что на первый план ставилось изучение жизни Казанского края в новую и новейшую историю;
2. Изучение хозяйства, промышленности, кустарного производства и торговли татар, классового состава татарского населения;
3. Разработка и изучение вопросов татарского языка и искусства;
4. Изучение этнографии и природы Татари.

II. Работы по статистике и экономике.

III. Работы по литературе.

IV. Работы по искусству.

V. Работы по этнографии.

VI. Работы по природе.

VII. Составление библиографии по татароведению.

Это показывает, что план работ был достаточно обширен и разнообразен. Однако в своей практической деятельности Общество не сумело выполнить данную программу. Хотя на первый план ставилось изучение актуальных вопросов современности, изданные материалы показывают, что большее их число посвящалось изучению старины.

Работа Общества татароведения затруднялась отсутствием материальных средств. Именно это помешало осуществить намеченные археологические работы, произвести раскопки в районе Казанского Кремля (хотя план раскопок уже был выработан М.Г.Худяковым) или в местах болгарских развалин, где намечалась большая работа. Вместе с тем, несмотря на трудности, определенные результаты все же были достигнуты. Во-первых, председатель Общества Н.Н.Фирсов совершил поездку в Москву и Ленинград для ознакомления с материалами по истории татар и Казанского края в целом, а в Москве, в Центральном Государственном Архиве, было организовано копирование документов по истории Поволжских татар⁶⁷. Во-вторых, М.Г.Худяковым была составлена археологическая карта Татарской республики. Кроме этого, Г.Ибрагимовым была начата работа в Казанских архивах с целью изучения новейшей истории татар, истории массовой борьбы, революционного и рабочего движения среди татар в XX веке. Результатом кропотливого труда Г.Губайдуллина в этот период стал библиографический указатель литературы по татароведению⁶⁸.

Период наиболее активной деятельности Общества татароведения начинается с 1925 года: заметно участились общие собрания, на которых обсуждались научные доклады; Общество стало предпринимать самостоятельные научные экспедиции в кантоны Татреспублики; издавать свой орган «Вестник научного общества татароведения».

Так, с 22 июля по 2 августа 1925 года под общим руководством Н.И.Воробьева состоялась поездка в Мамадышский кантон ТАССР членов Общества татароведения М.С.Губайдуллиной, К.С.Губайдуллина и С.Г.Вахитова. Цель данной поездки заключалась в обследовании кантона в историческом (древние камни, городища, книги, рукописи) и этнографическом отношении⁶⁹.

Материальные средства Общества составлялись из членских взносов, поступлений от продажи своих изданий, регулярной субсидии Татнаркомпроса и, наконец, из случайных дотаций местных и центральных правительственных органов. Основную часть средств составляли субсидии Академического центра Татнаркомпроса, а впоследствии, Дома татарской культуры⁷⁰. Однако этого было недостаточно, что затрудняло проведение практических работ. Поэтому основная деятельность Общества сосредоточилась на теоретической, кабинетной работе его членов. Результатом этой деятельности явилось около 20 научных докладов, сделанных их авторами на общих собраниях за 1923-25 годы. В целом, за отчетный срок состоялось всего 10 общих собраний Общества, причем последние 4 собрания были проведены совместно с Обществом археологии, истории и этнографии. Отмечало Общество и юбилейные даты — 150-летие с момента казни Пугачева и годовщину смерти Ленина⁷¹.

Как уже упоминалось ранее, с 1925 года начал выходить «Вестник научного общества татароведения». На его страницах помещались важнейшие научные доклады, прочитанные на общих собраниях Общества, а также отдельные работы исследовательского характера. Именно «Вестник научного общества татароведения» явился тем органом, с помощью которого Общество поддерживало

регулярную связь с научными, учебными учреждениями и обществами краеведческого характера по всей территории СССР и за рубежом.

Первые номера «Вестника» включали материал следующего характера:

1. Статьи небольшого размера научного, популярно-организационного и методического характера;
2. Материалы по краеведению и татароведению;
3. Научно-краеведческая хроника;
4. Библиография⁷².

Всего в свет вышло 10 номеров журнала. В основном преобладали публикации по истории (25), далее по лингвистике, этнографии, искусству, фольклору и культуре.

Научный вес печатного органа Общества татароведения постепенно возрастает. Это доказывает и то, что наиболее известные татарские научные работники в области татароведения выступали со своими трудами на его страницах. Журнал Общества печатался тиражом в 500—600 экземпляров и распространялся, в основном, в порядке обмена на издания научных обществ и учреждений Союза. В результате налаженных связей и обмена изданиями у Общества постепенно стал накапливаться ценный библиотечный фонд с краеведческой тематикой. С другой стороны, были и недочеты. Все работы объединяла одна особенность — ограниченность территориальными рамками Татарской республики, что вело к узкой направленности и оставляла без внимания татарское население в других поволжских республиках.

Кроме издательской деятельности Общество продолжало работу по организации экспедиций. В целом за период времени с 1925 по 1929 годы от имени Общества было организовано 7 экспедиций и поездок с научной целью в различные кантоны ТАССР⁷³.

При всей скромности ассигнований эти экспедиции дали значительный научный материал, часть из которых была опубликована.

По статистическим данным Общества татароведения, прослеживается увеличение общего количества членов и тенденция к изменению национального состава. Если на 1 января 1928 года Общество состояло из 78 членов, из которых 13 почетных, 58 действительных и 7 членов — сотрудников, то на 1 октября 1929 года в нем уже состояло 98 человек. Общее число членов распределялось следующим образом: 14 почетных, 74 действительных и 10 членов — сотрудников⁷⁴. Что касается национального вопроса, то количественный состав татар увеличился с 37 человек в 1928 году до 53 в 1929 году. Прослеживается факт численного роста татар. Происходило более широкое привлечение татарской интеллигенции для углубления работы по изучению истории края. С одной стороны, эта деятельность требовала больших усилий и кропотливой работы, а с другой — выдвигала целый ряд неисследованных проблем, что делало перспективной дальнейшую работу.

За время своего существования Общество провело огромную работу по изучению истории края. Но его деятельность была прервана в конце 1929 года. В обществе началась реорганизация.

Немаловажную роль, на наш взгляд, сыграла ситуация в стране в целом. С 1928 года начинается перестройка в советском краеведении. Курс на форсированный метод социалистического строительства привел к переходу на плановость, в том числе и в исследовательской деятельности. На первое место вышло решение практических задач советского строя. Девизом работы в любой отрасли стал лозунг — «максимальное содействие реализации пятилетнего плана»⁷⁵. В начале 1929 года приехавшим в Казань представителем Главнауки РСФСР — Юманкуловым, была изучена деятельность Общества татароведения. Результатом этой поездки стал доклад на одном из заседаний Главнауки. Резолюция по представленному докладу рекомендовала Обществу татароведения слиться с Обществом изучения Татарстана «ввиду создавшегося параллелизма в работе обоих краеведческих обществ», что и было сделано 3 ноября 1929 года на отчетном собрании Общества татароведения. Таким образом, к 1930 году Общество перестало существовать как самостоятельная организация и образовало новую секцию татароведения в Обществе изучения Татарстана (ОИТ), с правом продолжить выпуск «Вестника»⁷⁶. Однако работа уже не могла вестись в прежнем масштабе и постепенно сошла на нет. Этому способствовала и скорая ликвидация ОИТ⁷⁷.

В заключение отметим, что на протяжении своей деятельности Общество татароведения специализировалось на изучении различных отраслей материальной и духовной культуры татарского народа. Как уже отмечалось, материальное положение Общества не позволяло вести широкомасштабную практическую работу, но и те результаты, которые имелись, представляли большую историческую ценность, поскольку привлекали внимание широких масс к истории родного края.

Помимо научного Общества татароведения в 20-е годы существовали и другие организации краеведческой направленности. В целом этот период можно охарактеризовать как наиболее благоприятный для возникновения и деятельности различных учреждений, чему способствовала и активная политика Москвы, которая не только ратовала за развитие краеведения, но и сама в этом активно участвовала. Одним из примеров может служить краеведческий съезд в Москве в 1924 году. В

нем приняли участие около 350 человек. Казань представляли Н.И.Воробьев и К.С.Губайдуллин, избранный в президиум съезда⁷⁸.

Общий курс культурного развития в республике привел к созданию 19 мая 1925 года в Казани Татарского Бюро краеведения (ТБК). Сразу же организуется временное бюро, которое впоследствии утверждается как постоянное и становится руководящим органом ТБК. Оно состоит из председателя, им является председатель Академцентра (Г.Ибрагимов), заместителя (Г.Линцер, В.Ф.Смолин) и секретаря (Г.Зайнуллин)⁷⁹.

Следует отметить, что документально ТБК оформилось лишь 24 февраля 1927 года, когда коллегией Татнаркомпроса были утверждены: «Положение о Бюро краеведения при Академцентре Татнаркомпроса», «Положение о кантонных и районных отделениях Бюро краеведения при Академцентре Татнаркомпроса».

Несмотря на столь позднее оформление, работа велась с первых дней. Хорошим началом стало проведение в мае-июне 1925 года краеведческой конференции, где обсуждались как общие краеведческие вопросы, так и вопросы школьного краеведения. В конференции приняло участие около 700 человек⁸⁰.

Большая работа выпала на долю ТБК по организации экскурсионного дела в ТАССР. С этой целью была создана экскурсбаза, которая проработала с 18 мая по 18 августа 1926 года⁸¹. Фактически май месяц был занят организационной работой, потому экскурсии начались с первых чисел июня. Всего прошло до 65 экскурсий, в которых приняли участие около 1647 человек. В качестве экскурсоводов выступали профессора, преподаватели вузов, музейные работники и студенты-практиканты. К сожалению, на следующий год экскурсбазу не удалось открыть в связи с отсутствием средств у Академцентра.

К 1926 году наладилась связь с кантонными краеведческими организациями, которая выразилась в письменных отчетах со стороны организаций Елабуги, Тетюш, Свияжска, Арска. Для участия в краеведческом съезде в Тетюши был послан представитель ТБК. Поездка в деревню Долгая поляна близ Тетюш и в Болгары дала возможность зарегистрировать краеведческую станцию в первом случае и организовать краеведческий кружок во втором⁸². В плане научных исследований были организованы:

а) историко-этнографическая экспедиция Н.И.Воробьева в Закамские кантоны ТАССР;

б) этнографическое исследование Буинского кантона студентом Ленинградского университета К.И.Воробьевым.

Особо хотелось бы отметить материальную поддержку со стороны ТБК. В каждый кантон было послано по 100 рублей на краеведческую организацию и по 50 рублей для краевого музея. Всего расходы составили 1400 рублей⁸³.

Таким образом, этот год характеризовался активной деятельностью ТБК. Материальная поддержка местных краеведческих организаций свидетельствует о серьезном начале работы. Но так продолжалось недолго. Уже следующий 1926/27 год оказался тяжелым в экономическом плане. Это лишило возможности оказывать хоть какую-то материальную помощь местным кружкам и сократило возможности ТБК в плане экспедиций. О трудной ситуации говорит и тот факт, что была сокращена должность секретаря. Фактически, бюро краеведения работало в составе одного человека В.Ф.Смолина. Из года в год в производственных планах ТБК встречается пункт, который констатирует необходимость создания специального кабинета краеведения⁸⁴. Проект положения о кабинете действительно был разработан. В нем определялась основная цель: «сконцентрировать весь исследовательско-методологический и методический, а также экскурсионный и справочный материал по изучению местного края»⁸⁵. Однако создать такую базу не удалось. Все упиралось в отсутствие средств, а в скором времени бюро вообще прекратило существование.

Тем не менее результаты ТБК очевидны. В целях обеспечения правильной линии в работе он поддерживал постоянную связь с центральным бюро краеведения (ЦБК), информируя о своей деятельности, о чем свидетельствуют отчетные письма. В этом же 1926/27 году реальная связь была налажена с Статуправлением, Татархивом, Госпланом, Горнадзором, Наркомздравом и другими ведомствами. Кроме того, поддерживалась информационная связь с отдельными республиками — Узбекистаном, Украиной, Чувашской республикой⁸⁶.

В сфере издательской деятельности особо хотелось бы отметить работы: «Материалы по изучению Татарстана» выпуск II под редакцией Г.Г.Ибрагимова и Н.И.Воробьева; «Прошлое Татарии» Н.Н.Фирсова; «Руководство по изучению края» В.Ф.Смолина; инструкции Академцентра по собиранию фольклора и т.д.⁸⁷.

Хорошим начинанием стало проведение научно-популярных лекций по изучению края. Публичные лекции читали: Н.-Б.З.Векслин «Природа, население и хозяйство Татреспублики»⁸⁸, В.М.Ермолаев «Сельское хозяйство ТАССР» и многие другие. Тематика выступлений была разнообразной, от основных моментов развития татарской литературы до истории революционного движения в крае⁸⁹.

Еще в 1924 году одним из недочетов в работе Академцентра был слабый учет существующих научных обществ и кружков. Эта проблема осталась неразрешенной и с образованием ТБК. Как следует из материалов проверки Академцентра в 1926 году, Бюро краеведения взаимодействовало с 3 научными обществами, работавшими в Казани: Обществом археологии, истории и этнографии (ОАИЭ); научным Обществом татароведения (НОТ) и кружком «Любителей природы». Эта связь выразилась: во-первых, в материальной поддержке научных обществ со стороны Татнаркомпроса (поэтому она регулировалась более строгой отчетностью); во-вторых, во взаимном посещении и участии на заседаниях; в-третьих, в совместной разработке вопросов национальной культуры, т.к. многие татарские ученые вели работу параллельно как в Академцентре, так и в научных обществах. Например, активный сотрудник Академцентра Н.Н.Фирсов являлся в то же время председателем двух обществ — ОАИЭ и НОТ.

Кроме того, кружок «Любителей природы» проводил свои заседания в стенах Академцентра. Именно ему принадлежит идея создания в Казани зоологического сада, которую Академцентр всецело поддержал. Всю организационную работу взяли на себя кружок «Любителей природы» и Центральный музей ТАССР. Средства на организацию зоосада добывались по частям: от комиссии по проведению пятой годовщины Татреспублики, от Татсовнаркома и, наконец, от Академцентра. Всего поступило 2929 руб. 50 коп.⁹⁰. В результате общими силами зоосада был открыт для публики 8 ноября 1925 года⁹¹. В дальнейшем вся его деятельность находилась на учете Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы.

Заслугой Бюро краеведения являлось налаживание учета и связи с кантонными краеведческими организациями. Краеведы занимались выявлением и охраной археологических, историко-архитектурных памятников, изучением истории сел и городов. Часто на местах краеведы объединялись вокруг районных музеев или способствовали их созданию и росту⁹².

В 1928 году было основано последнее научное общество — Общество изучения Татарстана (ОИТ). Оно было учреждено по постановлению Совнаркома ТАССР от 12 сентября 1928 года⁹³. В связи с созданием при Академцентре Общества изучения Татарстана ТБК было ликвидировано 1 августа 1928 года⁹⁴.

За период своего существования ТБК внес ощутимый вклад в развитие краеведения в республике. Однако вся его деятельность проходила по проторенной дорожке и повторяла то, чем занимались существующие научные общества (например, тот же самый НОТ). Перед Академцентром продолжала оставаться актуальной проблема создания краеведческой организации, которая объединила бы имеющиеся научные силы для всестороннего экономического, историко-археологического, лингвистического, этнологического и др. исследований края. Этот поиск продолжался.

Со второй половины 20-х годов краеведческое движение в РСФСР захлестнула волна государственного вмешательства. Существующие до сих пор добровольные научные общества и организации рассматривались как звено большого механизма — «социалистического строительства»⁹⁵. Поэтому стало проводиться в жизнь наиболее важное требование — массовость и плановость работ краеведческих организаций, увязка их с планами местных хозяйственных органов и наркоматов, привлечение к работе пролетариата и крестьянства⁹⁶.

В таких условиях происходило создание Дома татарской культуры, открытого 4 июня 1927 года по постановлению СНК ТАССР⁹⁷.

При создании ДТК учитывался опыт подобных ему «Дворца тюркской культуры» в Азербайджане и «Института белорусской культуры» в Белоруссии⁹⁸. Позже, в конце 1928 года, при поездке в Белорусскую республику З.Мухсинов имел возможность подробно ознакомиться с работой белорусского Института⁹⁹.

ДТК задумывался как учреждение с особым положением, объединяющим вокруг себя всю культурную работу на общественной основе, в том числе и отдельные научные общества и кружки.

В состав Дома входили: научное Общество татароведения, Общество изучения Татарстана, татарское Педагогическое общество, Ассоциация пролетарских писателей Татарстана, Общество татарских советских писателей, Кружок молодых писателей, различные студенческие научные кружки, татарская Книжная палата, татарская Академическая библиотека и разные кабинеты¹⁰⁰.

Объединение всех научных обществ в одной структуре не привело к каким-то изменениям — сохранялся состав общества, устав и исследовательская направленность, однако общества должны были строить свою деятельность в соответствии с задачами ДТК — «планового исследования ТАССР в отношении ее производительных сил, народного хозяйства, общественного движения, языка, литературы, истории, этнографии и революционного движения»¹⁰¹.

Все общества регулярно отчитывались перед Правлением, которое совместно с представителями обществ обсуждало проделанную работу.

К 1 марта 1930 года установился определенный состав сотрудников ДТК: З.Мухсинов (директор), Н.Мухитдинов (уч.секретарь), П.Дульский (уч.секретарь по массовой работе и по издательству),

И.Рахматуллин (председатель ОИТ), С.Атнагулов (его заместитель), М.Курбангалеев (председатель Пед.общества), Г.Нигмати (председатель Общества писателей), Г.Галеев (председатель ТАПП), Р.Тагиров (временный директор Академической библиотеки), Г.Ашмасов (директор книжной палаты), Бакиров (редактор журнала «Магариф»), Г.Усманов (секретарь ТАПП) и Ш.Байчура (секретарь журнала «Татарстан»)¹⁰².

Дом татарской культуры делал достаточно много в сфере гуманитарных наук — истории, литературы, искусства. Проведение научно-популярных лекций, докладов являлось наиболее распространенной формой работы. Темы таких выступлений были весьма обширны и затрагивали различные направления. Среди них: «Культурное строительство и участие в нем интеллигенции» (А.Ахметов), «История татарской педагогики» (Н.Надеев), «Основы татарской музыки и ее развитие» (С.Габяши), «Билляр — столица Болгар» (А.С.Башкиров), «Изучение татарской этнографии» (Н.И.Воробьев)¹⁰³. Научно-популярная работа проводилась не только в самом Доме татарской культуры, но и на заводах, клубах, домах культуры и т.д.

Широкое распространение получила организация выставок — одно из самых удачных начинаний ДТК. К 1930 году было проведено 11 выставок. Наиболее масштабными стали две выставки. Одна из них, устраиваемая к 10-летию Татарской Республики, другая — к 125-летию юбилею Казанского государственного университета. Обе потребовали серьезной подготовки, о чем свидетельствуют протоколы совещаний¹⁰⁴.

Несмотря на короткий период существования, Дом татарской культуры провел активную издательскую деятельность. Именно в этой области его функции наиболее пересекались с функциями Академцентра. Решение о необходимости издания той или иной работы принималось на заседаниях президиума ДТК. С 1928 по 1930 год было выпущено около 138 листов печатной продукции. Кроме того, уже при ДТК стали издаваться три журнала на татарском языке: 1) «Безнен юл» (литературно-научный), 2) «Магариф» (педагогический) и 3) «Татарстан» (краеведческий). В этих журналах довольно полно отражалась научно-исследовательская работа Дома.

Особо хотелось бы отметить серию «Труды ДТК», включавшую монографии, научные исследования многих авторов¹⁰⁵.

С самого начала ДТК задумывался как временное учреждение. Об этом свидетельствует и выступление Шаймарданова при открытии Дома, выразившего надежду, что постепенно ДТК преобразуется в Институт татарской культуры, а затем и в Татарскую академию наук¹⁰⁶.

Длительная подготовка со стороны ДТК привела к открытию 1 марта 1930 года Татарского научного исследовательского экономического института (ТНИЭИ)¹⁰⁷. И сразу же возник вопрос о перспективах ДТК. Существовало два варианта, либо его упразднить, либо поделить функции. Первоначально было решено пойти по второму пути. Поэтому Дом татарской культуры и ТНИЭИ существовали какое-то время параллельно. ДТК продолжал вести работу научных обществ, передавая всю научно-исследовательскую работу Татарскому научно-исследовательскому институту. Однако такую работу нельзя было осуществлять по отдельности и уже осенью 1930 года Дом татарской культуры был ликвидирован по приказу Наркомпроса ТАССР¹⁰⁸.

Отметим, что, просуществовав несколько лет, Дом татарской культуры подготовил базу для ТНИЭИ. Его главная заслуга заключалась в объединении научных обществ и кружков краеведческой направленности, что давало возможность координации действий. Тенденция объединения выразилась во-первых, в финансовой зависимости всех научных обществ от ДТК. Во-вторых, их подотчетности Дому татарской культуры. Как свидетельствуют архивные материалы, указанная работа была хорошо налажена. В то же время документы служат доказательством пошатнувшегося положения Академцентра, который принимал слабое участие в координации работы обществ. В-третьих, в совместной работе правления ДТК с представителями обществ, которая выразилась в обсуждении проделанной работы. Зачастую в качестве рекомендаций проходили прямые указания, как и по каким направлениям вести дальнейшую деятельность¹⁰⁹. Так, на обсуждении отчета Общества изучения Татарстана Ф.И.Мухутдинов указывал на «преобладание историко-археологической работы ОИТ». В ответ один из членов общества доказывал, что «Общество изучения Татарстана — краеведческая организация и она должна работать по исторической части...»¹¹⁰.

Учреждение Дома татарской культуры явилось еще одной попыткой создания объединяющего научного центра. Если по Положению ДТК находился под непосредственным руководством Академцентра Татаркомпроса, то на практике он существовал как самостоятельное учреждение с достаточно большими возможностями, например, финансовыми. Поэтому часто со стороны Академцентра практиковалось руководство научными обществами, минуя органы Дома татарской культуры¹¹¹. Это можно объяснить попыткой Академцентра сохранить свое главенствующее положение, которое неминуемо ослабевало и сошло на нет к 1930 году.

Остановимся более подробно на деятельности тех научных обществ, которые работали при ДТК.

Официальной датой открытия татарского Педагогического общества является 5 декабря 1926 года. Но формирование его началось гораздо раньше. В октябре 1924 года, когда при татарском педагогическом техникуме образовался своего рода научный коллектив, который включал в число своих задач объединение научно-педагогических сил, разработку научных проблем в области педагогики, популяризацию новых научных идей, способствование повышению уровня знаний среди учащихся и т.д.¹¹². Организованное впоследствии Педагогическое общество пошло по тому же пути, придерживаясь аналогичной специфики. Создание в 1927 году Дома татарской культуры не внесло каких-то изменений в его работу.

Судя по отчетным данным, общество насчитывало около 200 человек только в Казани и намного больше за ее пределами, а именно: 240 человек в кантонах республики и 138 человек в других регионах¹¹³. Важным фактором в деле организации членов следует признать педагогический журнал «Магариф». В то же время данные цифры вызывают сомнения и встает вопрос об их достоверности. Здесь выделяются прежде всего недостатки организационного характера. Отсутствие определенной системы руководства «огромной армией своих членов» привело к полной неизвестности о положении дел на местах; к разобщенности действий педагогических сил кантонов, если такие отделения вообще существовали. Только в Бугульме и в Мамадыше, и то по инициативе местных сотрудников, были созданы два отделения общества и в ряде мест организации, которым более подходило название коллективов. Как бы они ни назывались, их объединяло одно — спонтанное создание. Педагогическое общество объясняло это явление таким образом: «основной причиной этого является то, что новый устав нашего общества еще не утвержден центром, так как по старому уставу у общества не было права организовывать отделения на местах»¹¹⁴. По сути это являлось формальной отпиской, так как новый устав общества «находился на утверждении» уже целых два года и к 1929 году так и не был принят, что само по себе признак вялости работы.

Отсутствие отделений на местах с одной стороны, и отсутствие живого руководства со стороны Совета и президиума общества с другой, привели к равнодушному, подчас скептическому отношению со стороны тех, для кого это задумывалось в первую очередь.

Вся работа Педагогического общества проходила в отдельных секциях. Среди них: 1) языка и литературы, 2) обществоведения, 3) педагогики и методики, 4) математики, 5) естествознания, 6) дошкольного воспитания, 7) преподавания русского языка татарам и татарского языка русским¹¹⁵.

Деятельность общества была обширна. Оно принимало участие в составлении учебников, издаваемых Татиздатом, чем оказала помощь методическим организациям Соцвоса, Академцентра, ВПИ¹¹⁶. Общество приняло активное участие в организации всесоюзной конференции преподавателей татарского языка и литературы, созванной с 15 по 22 июня 1927 года. На этой конференции были рассмотрены следующие вопросы: 1) «Чтение и его постановка в школах I ступени» (доклад Г.Сайфи), 2) «Основные исходные моменты метода целых слов при обучении письму и чтению» (доклад Г.Шарафа), 3) «Основы формальной грамматики и применение ее для татарского языка» (доклад Г.Алпарова) и многие другие¹¹⁷.

Вся деятельность Общества была направлена в первую очередь на решение проблем детского возраста («идеология личности», «профессиональные стремления у детей»). Работа при ДТК увеличивала эти возможности, т.к. последний сам был заинтересован в расширении педагогической работы с детьми. Свидетельством этого являются многочисленные детские выставки, встречи. К сожалению, с закрытием Дома татарской культуры работа Педагогического общества также прекратилась, оставив большую брешь в развитии педагогической науки.

При Доме татарской культуры работали три организации писателей. Одна из них — Общество татарских советских писателей (1928). С 1929 года оно проводит ряд научных конференций, встреч с научными докладами. Среди них: «Современные течения в литературе», «О перспективах кружка молодых писателей» (Мусагитов), «Отчет об экскурсии татарских писателей в Дагестан, Азербайджан, Грузию, Абхазию, Крым, Украину и Москву» (Г.Галеев) и др.¹¹⁸. Эти доклады были проведены с участием членов Общества советских писателей и Ассоциации пролетарских писателей Татарстана (ТАПП). Их отличие состояло в том, что первое включало в свой состав и «попутчиков», а ТАПП являлся организацией, принявшей устав Ассоциации пролетарских писателей, объединявшей литераторов, стоящих всецело на платформе пролетарской идеологии. ТАПП работал в составе трех секций: русской, татарской и чувашской¹¹⁹. При ТАПП существовал, кроме того, Кружок молодых писателей. Деятельность последнего состояла, главным образом, в организации в рабочих клубах и ученых заведениях массовых выступлений и обсуждений литературных произведений¹²⁰.

Со стороны писательских организаций летом 1929 года была проведена объединенная экспедиция в национальные республики с целью налаживания культурных связей. Эта экспедиция побывала в Астрахани, в Дагестане, в Азербайджане, в Грузии, в Абхазии, в Крыму, на Украине и в Москве, везде знакомясь с экономикой, культурой края, а также с его местным населением¹²¹.

В перспективах всем литературным обществам предстояло слиться в одно единое и вести свою деятельность строго по марксистской методологии. Этим планам не суждено было сбыться в связи с закрытием ДТК.

Первой попыткой организации Книжной палаты в Татарии можно считать образование в 1920 году отдела библиографии при Казанском Госиздате и создание библиографического кружка «Друзей книги», который имел свой устав и выпустил четыре номера журнала «Казанский библиофил»¹²². Однако усилий работников небольшого отдела и энтузиастов было недостаточно. Создание единого республиканского центра государственной учетно-регистрационной библиографии с архивом печати диктовалось самой жизнью. Его отсутствие отрицательно сказывалось на разработке вопросов развития национальной культуры и литературы, языка, книгопечатания и т.д. Кроме того, отсутствие единого центра хранения обязательных экземпляров произведений печати могло повлечь за собой исчезновение ценных документов.

В 1925 году вопрос о создании Книжной палаты ТАССР был поднят вновь уже секретарем коллегии Наркомпроса Р.Ш.Тагировым. Вопрос был поставлен своевременно и получил поддержку со стороны Академцентра, который поручил Р.Ш.Тагирову подготовить проект «Положения о Книжной палате ТАССР». В результате 21 декабря 1926 года данное Положение было утверждено Советом Народных Комиссаров ТАССР¹²³. Книжная палата начала свою деятельность под председательством Г.Б.Ашмасова.

Ее создание стало первым опытом организации такого учреждения в автономных республиках, входивших в состав РСФСР. Позднее книжные палаты создаются в Башкирской и Чувашской АССР.

По постановлению СНК ТАССР от 27 сентября 1927 года все типографии, находящиеся на территории Татарской республики, обязаны были доставлять в адрес Книжной палаты экземпляры всех печатаемых ими произведений печати. Кроме того, она получала все издания на татарском языке, выходящие за пределами республики как в порядке обмена с библиографическими учреждениями других республик, так и через Государственную центральную Книжную палату РСФСР. В 1929 году книжный фонд Палаты пополнился изданиями прошлых лет в результате слияния с ней старейшей татарской центральной Восточной библиотеки-музея имени М.Вахитова. В ее фондах имелись книги, журналы и газеты на татарском, русском, западноевропейских и восточных языках, начиная с XIX века. В библиотеке имелось немалое количество уникальных произведений. В 1930 году решением Академцентра Татнаркомпроса на базе части книг, выделенных из фонда центральной Восточной библиотеки была создана Академическая библиотека. Эта библиотека вместе с фондом Книжной палаты вмещала в себя около 35 тысяч томов. Из периодической печати, выходящей в СССР, сюда поступали 98 названий разных журналов и 29 газет (18 названий из последних на татарском языке). Кроме того, ДТК налаживал обмен с заграницей через посредство ВОКС. Все расходы брал на себя Академцентр. Однако библиотека просуществовала недолго и вскоре слилась с Научной библиотекой имени Лобачевского при Казанском университете.

С организацией Книжной палаты ТАССР было положено начало государственному учету всей печатной продукции в республике и изданию библиографии на татарском языке¹²⁴. Первым опубликованным трудом явилась работа библиографа С.Ш.Тагировой «Научная библиография книг на татарском языке, изданных в 1925 году»¹²⁵. Описания книг в этом труде даны применительно к «книжной летописи» РСФСР тех лет. Наряду с этим отражены и рецензии на эти книги, опубликованные на страницах русской и татарской периодики.

Постепенно в журналах и газетах появились статьи по вопросам библиографической работы. Первой из них была статья директора Книжной палаты Г.Б.Ашмасова¹²⁶. В 1929 году Библиографическое бюро ОИТ разработало «Основные положения о составлении библиографических картотек на литературу по местному краю»¹²⁷.

Заслугой Книжной палаты в эти годы следует считать развернутую пропаганду книг, что было возможным благодаря организации докладов и выставок. Так, за 1928 год прошло 20 выставок. Одна из них посвящалась дню печати и была организована из печатной продукции ТАССР и образцов печатных произведений СССР, изданных за 1928 год¹²⁸. Достижением этих же лет можно считать сбор татарских книг, изданных до образования Книжной палаты. Это была работа обязательного порядка и вносилась в план каждого года¹²⁹. В то же время существовали и свои недостатки. С 1927 по 1931 годы Книжная палата не приобрела книг на русском языке, изданных в ТАССР до 1927 года.

Самостоятельный период работы Книжной палаты (1926—1931) завершился выпуском печатного органа учетно-регистрационной библиографии в республике: в 1928 году Палата издала «Книжную летопись» татарских книг за 1925 год, а в 1931 году — за первые три квартала 1930 года¹³⁰.

В 1931 году Палата была передана в ведение Научной библиотеки Казанского университета. И лишь 22 апреля 1938 года СНК ТАССР принял постановление, по которому Книжная палата вновь стала самостоятельным учреждением и имела штат в 7 человек¹³¹.

Таким образом, Дом татарской культуры объединил научные общества и кружки краеведческой направленности, что давало возможность координации действий. Как уже отмечалось, это не внесло каких-то изменений в структуру обществ. Конечно, они были лишены доли самостоятельности и вся их деятельность была подчинена интересам ДТК, который в свою очередь являлся органом советской власти. Но в условиях 20-х годов подобный процесс был предопределен.

§3. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

В Татарии, как и в других национальных республиках и областях, наряду с оживлением работы по изучению истории, быта, культуры края, проводилась немаловажная работа по охране исторических памятников, направленная на выполнение одной из актуальнейших целей — сохранение культурного достояния прошлого.

Органом, регулирующим и занимающимся охраной памятников ТАССР в 20-е годы, являлся Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академическом центре Татнаркомпроса. Но так отдел стал называться лишь с 1925 года. Первоначально, еще 20 марта 1923 года существовавший до этого подотдел Всероссийского Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины был переименован в музейную комиссию при Академцентре Татнаркомпроса с передачей ей всех прав и обязанностей прежнего отдела. Ее первым шагом стало письменное обращение в Совнарком ТАССР с просьбой «законодательным путем дать знать властям и гражданам Татреспублики о новом учебно-административном органе, призванном охранять старину края и организовать музейное дело...»¹³². В результате постановлением СНК ТАССР были подтверждены основные задачи музейной комиссии, в соответствии с которыми «все учреждения и лица, имеющие надобность в производстве ремонта или перестроек какого-либо из старинных зданий, обязаны предварительно испрашивать на это разрешение музейной комиссии, которая сообщает о своих решениях строительному управлению Татреспублики.

Точно так же без ее ведома недопустима никакая вообще реставрация древних произведений искусства, а равно и ликвидация церковных и гражданских сооружений и учреждений, состоящих на учете комиссии»¹³³.

Еще в период реорганизации, в 1922 году (тогда работала временная комиссия), был разработан проект, включавший два основных момента:

1. Заведующий отделом назначается непосредственно Академическим центром;
2. Отдел состоит из 7 человек, но из них в штатную единицу входят 4 человека (до улучшения материального положения). Остальные приглашаются в качестве специалистов по необходимости, за вознаграждение¹³⁴.

На практике последний пункт не действовал, поэтому первый состав комиссии состоял из председателя К.В.Харламповича и одного сотрудника А.М.Миронова. Сверхштатными членами являлись В.В.Егеров и Г.С.Губайдуллин¹³⁵.

В дальнейшем численность Отдела возросла и хотя личный состав не раз претерпевал изменения, к маю 1925 года его основной костяк уже был сформирован. В него вошли:

1. Председатель Отдела (с 1924 года) В.В.Егеров — инженер-архитектор.
2. Ученый секретарь Г.Е.Корнилов — искусствовед.
3. Технический служащий В.Г.Геркен — управляющий имущественным фондом Отдела.

До этого времени в Отделе еще состояли В.Ф.Смолин, Н.И.Воробьев, К.С.Губайдуллин, которые вскоре выбыли по собственному желанию, ввиду неполучения вознаграждения¹³⁶.

В 1926 году пришло новое пополнение, в работе стали принимать участие: хранитель памятников Болгар В.М.Королев, уполномоченный Свияжска Т.И.Архарова, хранитель памятников Успенского монастыря в Свияжске М.С.Наянов и хранитель памятника «Содружество» С.Г.Гурьянов¹³⁷.

Что касается оплаты труда сотрудников, то здесь возникало немало трудностей, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки. Работу председателя и ученого секретаря с первых дней оплачивал Академцентр, Т.И.Архарова выполняла свои обязанности безвозмездно, остальные оплачивались из имущественного фонда Отдела, откуда также шли средства на научные статьи и организационно-хозяйственные нужды. В целях материального обеспечения государственной охраны культурных ценностей и памятников старины СНК РСФСР 19 апреля 1923 года постановил «представить Наркомпросу иметь по музейному отделу и подведомственным ему учреждениям специальные средства за счет получения входной платы, продажи изданий, от эксплуатации строений, не имеющих историко-художественного значения, но связанных с музеями, дворцами, монастырями и т.д.»¹³⁸. Для исполнения данного постановления в Казани была создана Межведомственная комиссия, которая передала Академцентру Татнаркомпроса ряд зданий, арендная плата с которых вносилась в отдел по делам музеев и охраны памятников при Академцентре. Это позволило организовать

специальный фонд, средства которого расходовались в основном на поддержание памятников и их реставрацию.

В целом Отдел, как один из подразделов Академцентра, должен был получать средства по госснабжению за счет Татнаркомпроса. Но на практике этого не происходило. Так, в 1924/25 году, помимо оплаты личного состава, Академцентр смог предоставить всего 909 руб. 40 коп., что естественно было недостаточно для плодотворной деятельности¹³⁹.

Судя по источникам, наиболее активный период деятельности Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы начался с лета 1926 года, только в этом году поступили средства из спецфонда, о котором говорилось чуть выше. Именно тогда Отдел смог приступить к своей планомерной работе. Конечно, это не означает, что до этого работа не велась, но она в большей степени носила эпизодический характер. Так, в 1924 году на выделенные Академцентром 100 рублей был проведен частичный ремонт Болгарского музея. К концу того же года была получена сумма в 700 рублей для необходимого ремонта болгарских памятников, однако строительный сезон уже прошел, поэтому работы были перенесены на следующий год¹⁴⁰.

Научная работа Отдела включала: осмотр и охрану памятников, регистрацию находок, пополнение музейного фонда, направление работы кантонных музеев и т.д. Материалы еженедельно обсуждались на заседаниях Отдела, протоколы которого представлялись на заключение Академцентра. Ученым секретарем проводился прием населения по вопросам охраны памятников и велась вся текущая переписка с Москвой и кантонами ТАССР¹⁴¹.

1. Охрана монументальных памятников. Включала осмотр и дальнейшую реставрацию. Среди неполного списка: Дрябловский дом, памятник «Содружество», Спасская башня, дом Осокина (студенческая квартира Л.Н.Толстого), Кафедральный собор и др.

2. Регистрация археологических памятников в Елабуге, Свияжске. Особо хотелось бы отметить первые рекогносцировочные археологические раскопки в Казанском Кремле летом 1928 года с целью выявления культурного слоя и обследования некоторых спорных вопросов топографии¹⁴². Все работы в Кремле курировала комиссия в составе В.В.Егерева, И.Н.Бороздина и А.С.Башкирова — представителя института народов Востока. Надо отметить, что вся подготовительная работа была проведена зимой того же года при Академцентре Татнаркомпроса особым комитетом из представителей научных и культурно-общественных организаций Татарии под председательством М.Х.Тагирова. Кроме того, к участию в работах были привлечены и центральные научно-исследовательские организации — Всесоюзная научная ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР и институт народов Востока¹⁴³.

3. Памятники искусства и музейный фонд. Прежде всего, это учет памятников прикладного искусства в храмах ТАССР. Например, были получены предметы древности из общины Ивановского монастыря, Семиозерной пустыни. Однако действия Отдела по отношению к церковным ценностям в целом были весьма противоречивыми. Об этом свидетельствует заключение Отдела на запрос Академцентра, в котором отмечалось, что «те предметы, которые являются памятниками старины и искусства, составляют собственность музейной комиссии, остальные же нет»¹⁴⁴. Далее шло перечисление предметов, среди которых: «1) крест Дворцовой церкви не имеет ни исторической, ни художественной ценности; 2) крест Университетской церкви значения не имеет, историческую и художественную ценность представляет лишь внутренний ансамбль церкви как памятник мasonicкой эпохи; 3) иконостас церкви второй гимназии имеет ценность как памятник прикладного искусства»¹⁴⁵. Придерживаясь тех же позиций, Отдел участвовал в работе комиссии по ликвидации Кафедрального собора, произвел изъятие музейных предметов из Петропавловского собора и т.д.¹⁴⁶. Таким образом, охрана и ремонт церковных памятников проводились по решению музейной комиссии. Однако многое было бессмысленно испорчено и потеряно, так как «не представляло» никакой ценности. К примеру, было выдано разрешение на использование под материальный склад Гостинодворской церкви¹⁴⁷.

Что касается музейного фонда, его пополнение происходило по мере возможности, в первую очередь, в зависимости от материальных средств. Среди наиболее ценных можно выделить коллекцию монет, коллекцию из 20 предметов бисерного шитья для бытового отдела, предметы старины, гравюры¹⁴⁸. Поиск исторических ценностей не прекращался. Так, на Бондюжском заводе были найдены две картины кисти И.И.Шишкина¹⁴⁹.

4. Охрана памятников природы.

В 1926 году при Отделе была организована комиссия по охране памятников природы, преобразованная в конце того же года в Ученый совет. В 1929 году (29 марта) Ученый совет по охране памятников природы был вновь переименован в Межведомственную комиссию по охране природы¹⁵⁰.

Как бы ни называлась данная комиссия, она создавалась для общего дела: «объединения, согласования и урегулирования деятельности различных ведомств в отношении охраны природы на территории республики».

В состав Межведомственной комиссии кроме научных сотрудников Отдела вошли представители Общества естествоиспытателей физмата КГУ, института сельского хозяйства и лесоводства, ВПИ,

ТБК, центрального музея, ТНКЗема, Союза охотников, студенческих кружков «Любители природы» и «Лесной»¹⁵¹.

Деятельность комиссии была разнообразной. Особо следует отметить работу, проводимую в области охраны заповедных мест в ТАССР. Например, сбор материалов, переписка с Главнаукой по поводу объявления Голубого озера заповедником республики¹⁵² или решение судьбы Раифской пустыни, переданной в ведение института сельского хозяйства и лесоводства. Проблема заповедных мест не раз обсуждалась и на страницах периодической печати. Так, в статье А.Ильинского «Хроника о краеведческой работе в Поволжье» доказывалось, что заповедник имеет огромное всесоюзное значение научного, образовательного характера, который принесет пользу «не только телу, но и душе». Автор с ноткой сожаления отмечает, что уже давно «в Америке это осознали... Поэтому целая сеть национальных парков широко раскинулась по Америке... Они легко доступны, даже для людей небогатых... У нас заповедников почти нет...»¹⁵³.

Результатом всей работы стало постановление СНК ТАССР «О татарском национальном заповеднике» от 26 марта 1929 года, изданное «в целях сохранения в неприкосновенном виде для научных исследований редкостных для ТАССР лесных насаждений естественного происхождения, а также редких растительных и животных форм учреждается Государственный Татарский заповедник в Раифской даче...»¹⁵⁴. Хотя и здесь не обошлось без последующей корректировки решений. В 1924 году Совнарком почти утвердил этот проект, но неожиданно было решено внести небольшие изменения и поместить в Раифе волисполком и еще ряд учреждений. К счастью, этого не произошло, иначе монастырь был бы безвозвратно потерян.

Помимо вышеотмеченной работы, Отдел принимал активное участие в работе по выявлению нарушений. Так, было сделано сообщение в Управление лесами ТАССР о злостной рубке леса в Семиозерной пустыни и приняты меры. Представитель Отдела принял участие в работе комиссии по урегулированию вопроса охоты в республике. Оказывалась посильная помощь, в том числе и материальная, студенческому кружку «Любителей природы» и т.п. Вся работа проводилась с привлечением населения, так как обособленно решить такие вопросы было невозможно.

5. Реставрационные работы — наиболее обширная область деятельности Отдела, которая затруднялась из-за отсутствия материальных средств. Например, в 1925 году можно выделить лишь ремонт надгробия Н.И.Лобачевского на Арском кладбище. Все работы (переложен цоколь, цементирован и выровнены повреждения, памятник окрашен) произведены на сумму 150 рублей, которые были изысканы из средств Академцентра¹⁵⁵.

Как уже отмечалось, ситуация изменилась в лучшую сторону в строительный сезон 1926 года. Завершив работу в Казани на памятниках Кремля, все внимание, все средства, накопленные с большим трудом Отдел бросил на реставрацию бывшей столицы Волжской Болгарии — Болгар (Спасский кантон ТАССР)¹⁵⁶. Однако все предпринимавшиеся меры имели небольшое значение, так как при общей несознательности населения реставрируемые памятники повреждались практически каждый год. Кроме того, свою лепту вносила и некомпетентность реставраторов. Все эти причины одинаково разрушали памятники старины.

Чтобы как-то сохранить исторические ценности на территории бывшей древней болгарской столицы от дальнейших разрушений и расхищений, Совет Народных Комиссаров ТАССР утвердил 11 сентября 1923 года постановление, по которому вся территория Болгар объявлялась неприкосновенным заповедником¹⁵⁷. Производить какие бы то ни было раскопки без разрешения Отдела, брать камни от старинных зданий для построек, как и заваливать их отбросами, категорически воспрещалось. К сожалению, не всегда данное постановление действовало и очень часто сами местные жители наносили памятникам вред. Поэтому к числу заслуг сотрудников Отдела и лично В.Ф.Смолина можно отнести просветительскую работу среди населения, которая привела к организации кружка «Любителей болгарских древностей»¹⁵⁸. Противодействовать неумолимому року времени, задержать процесс разрушения и приостановить механическое разрушение — вот неотложные задачи, которые встали перед Отделом в 1926 году.

Предварительная работа состояла в систематизации разрозненных сведений о памятниках, просмотре иконографических материалов и в выработке плана, который был теоретически составлен в Казани сотрудниками Отдела и детализирован на месте в Болгарах, куда в июле месяце 1925 года был совершен первый выезд председателя Отдела В.В.Егерев и ученого секретаря П.Е.Корнилова¹⁵⁹. В результате все охраняемые памятники Болгар были условно подразделены на три группы. К первой группе отнесены памятники, охрана которых имела своей целью поддержание их в существующем виде и предохранении от дальнейших разрушений. К этой группе принадлежали: «Четырехугольник», «Ханская усыпальница», «Монастырский погреб», «Никольская церковь» и «Малый городок». Вторую группу составили памятники, которые требовали надзора и сохранения, но естественное разрушение их было неминуемо. Сюда можно отнести: «Белую палату» и «Греческую палату». Наконец, к третьей

группе были отнесены наиболее сохранившиеся памятники, по своему состоянию нуждающиеся в реставрационных работах, а именно: «Черная палата» и «Малый минарет»¹⁶⁰.

Таким образом, по намеченному плану можно определить подход к ремонтным работам: сделать лишь необходимое. На все это выделялось не более 2000 рублей. В первую очередь намечались работы с памятниками, расположенными в черте села Болгар. Заготовка строительного материала была начата еще в апреле 1926 года. Большую помощь в этой работе оказал уполномоченный Отдела, учитель В.М.Королев. Наблюдение же за всеми работами и ведение технического надзора было поручено П.Е.Корнилову¹⁶¹.

Вся эта деятельность не могла быть завершена за один сезон, поэтому часть работ перешла на следующий. Однако план работ 1927 года переносил основной центр внимания уже на Казань. Строительный сезон 1927 года был использован Отделом для ремонта и реставрации стен Казанского Кремля¹⁶².

Кроме основной работы, Отдел по делам музеев провел ряд ремонтных работ. Например, памятник «Содружество народов», на реке Казанке. Мелкий текущий ремонт был проведен в Свияжске, а в Арске починен навес под остатками древней деревянной башни¹⁶³.

Этими работами и ограничивается весь план собственных мероприятий Отдела, который был занят и наблюдениями за восстановительными работами памятников, находящихся на его учете. Так, В.В.Егоров вел наблюдения за ремонтом главного фасада Университета, который заключался в обновлении штукатурки, побелки фасада. Другой серьезной работой этого сезона было полное восстановление здания гимназии № 1 (постройка первой четверти XIX века), которое после ликвидации самой гимназии переходило от одного учреждения к другому. Главная задача сводилась к «сохранению прежнего вида фасада, имевшего шестиколонный портик коринфского ордера»¹⁶⁴. Непосредственное наблюдение за работами по восстановлению фасадной части было поручено П.Е.Корнилову.

Отметим, что 1926 и 1927 года стали наиболее благоприятными для реставрационных работ. Уже на следующий 1928 год, по независящим от Отдела причинам не удалось развернуть работу по ремонту кремлевских стен (в местах обвала облицовок) и прочих восстановительных работ в том масштабе, который намечался планом. Однако небольшие работы по поддержанию памятников ТАССР были осуществлены.

Еще в 1927 году перед Спасской башней Кремля была разобрана часовня (пристрой XX века), портившая архитектурный ансамбль фасадной части Кремля, постройки XVI—XVII веков. В этом году башня была выкрашена в белый цвет¹⁶⁵. Весной пришлось в срочном порядке заняться восстановлением надгробной усыпальницы академика А.М.Бутлерова в деревне Бутлеровка Чистопольского кантона¹⁶⁶.

Вся деятельность Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы была своевременной и необходимой.

Центральный музей ТАССР, основанный в 1895 году являлся областным музеем всего Среднего Поволжья и самым большим по размерам своих собраний среди регионов на Волге. Основное ядро музея составили коллекции А.Ф.Лихачева и археологические находки. Кроме того, в музей вошли ряд предметов этнографического характера, а также предметы искусства. Постепенно были сформированы отделы: естественно-исторический, историко-этнографический, художественный и научно-промышленный. Естественно-исторический отдел формировался под руководством известного профессора А.А.Штукенберга. Позднее к существующим отделам прибавился учебный отдел, состоящий преимущественно из школьных учебных пособий¹⁶⁷.

С момента октябрьского переворота и до весны 1919 года музей находился в состоянии неопределенности. Он переходил из рук в руки, от Управления Коммунального Хозяйства к Отделу Народного Образования и обратно. Отсутствие научного персонала затрудняло процесс налаживания работы. Весной 1919 года во главе музея по поручению Всероссийского Отдела по делам музеев стал профессор Б.Ф.Адлер, который в первую очередь сформировал кадры научных работников, а затем приступил к обустройству самого музея.

В 1920 году состоялась выставка Народов Востока, приуроченная к годовщине образования ТАССР, после чего возникла мысль создать на основе ее коллекций специальный музей народов Востока. Работа началась с приобретения коллекций, однако материальные затруднения привели к его слиянию в 1922 году с центральным музеем и распределению коллекций по отделам последнего¹⁶⁸.

Деятельность музея была весьма разнообразна, однако и на ее пути встречались трудности. Об этом шла речь и на областной музейной конференции, которая проходила с 26 по 30 сентября 1926 года в Казани¹⁶⁹. Одна из наиболее актуальных задач заключалась в сборе материала, носившем эпизодический характер. Во-первых, из-за отсутствия материальных средств, во-вторых, большой проблемой являлось отсутствие приспособленных помещений. По этим причинам все силы были направлены на работу с громадным количеством имеющихся коллекций, их реставрацию. Так, в 1926

году в художественном отделе работал реставратор Третьяковской галереи А.К.Федоров, которым было реставрировано около 15 картин, приведены в порядок 6 икон и складней¹⁷⁰. Таким образом, коллекции музея пополнялись непланово, случайно. Например, за тот же 1925/26 год в музей поступили:

1) Портрет Н.И.Лобачевского, от Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы;

2) 5 картин местных художников¹⁷¹.

О деятельности музея можно судить по его посещаемости, которая с каждым годом увеличивалась на 10—15%. Если в 1925 году музей посетило около 27 000 человек, то в 1926 году — 30 000 человек¹⁷².

Особо хотелось бы отметить научную связь музея с учреждениями, которая осуществлялась непрерывно. Особенно активно контакты развивались с Бюро краеведения при Академцентре; с Черниговским Госмузеем по вопросу о видах старой Казани (работы Т.Г.Шевченко); по тому же вопросу с Киевской Госкартинной галереей (работы А.Раковича); с Главнаукой РСФСР, куда посылались годовые отчеты; с Всесоюзным обществом культурной связи с границей — информационный материал о центральном музее, его работе, охране памятников ТАССР; с Казанским Епархиальным управлением; Казанским университетом по поводу ремонта памятника Н.И.Лобачевского и другими учреждениями¹⁷³. Этот список с каждым годом увеличивался, что свидетельствует о постоянном поиске Центрального музея.

В кантонах ТАССР постепенно развилась целая сеть музеев, которые носили по преимуществу краеведческий характер. Их деятельность регулировалась отчасти Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы, отчасти Бюро краеведения. Обе эти организации находились при Академцентре Татнаркомпроса.

Деятельность краеведческих организаций на местах носила пестрый характер. Одни — в Свияжске, Тетюшах, Чистополе независимо от условий упорно работали, у других работа была более слабой. Во многом, наряду с отсутствием средств, это зависело и от позиции отдела по делам музеев, охраны памятников старины и искусства. Лишь 1 ноября 1930 года на утверждение коллегии Татнаркомпроса был внесен проект положения кантонных музеев ТАССР. В определенную систему были приведены основные задачи, среди них приоритетными были:

1) популяризация научных знаний среди широких кругов трудящихся кантона;

2) содействие работникам просвещения в их повседневной школьной практике;

3) содействие, по мере возможности, разработке проблем, имеющих практическое и теоретическое значение в работе хозяйственных и культурных органов кантона¹⁷⁴.

Последний пункт являлся откликом на те изменения, которые происходили в конце 20-х годов и о чем мы не раз упоминали. Если в документах еще отмечалось, что все должно проходить «по мере возможностей», то на практике вводилось строгое планирование всех научно-исследовательских работ. На первый план выходит решение «практическо-хозяйственных» задач.

Одним из наиболее крупных центров краеведческой работы можно назвать Тетюшский музей. Он был основан 1 июня 1920 года на базе материалов из Людоговского имения помещиков Сазоновых и коллекций, собранных местными любителями истории при участии Н.К.Енгурина и преподавателя рисования педтехникума К.Н.Нюберга¹⁷⁵. С первых дней музей был разбит на отделы, в которых было собрано значительное число экспонатов: 1) отдел искусства, в котором находилось 166 экспонатов; 2) историко-археологический — 260 экспонатов; 3) этнографический — 22; 4) естественно-исторический — 41; 5) отдел техники и промышленности — 98; 6) сельскохозяйственный — 1; 7) хозяйственный — 23. Кроме того, часть коллекций находилась еще в неразобранном виде. Среди них: различные предметы в количестве 69 штук и 173 книги по искусству¹⁷⁶. Таким образом, к 1923 году в музее было около 650 экспонатов, часть которых была из фондов Центрального музея ТАССР. Деятельность музея развивалась достаточно успешно, однако в 1923 году КОНО вынужден был закрыть музей из-за отсутствия средств, и до 1925 года он не работал¹⁷⁷.

После вынужденного перерыва работа была продолжена.

В первую очередь это выразилось в сборе материала, который шел довольно успешно. По сравнению с прошлыми годами, в 1927 году количество экспонатов увеличилось от 1594 до 1878. Среди них большое место занимали предметы искусства: работы Е.Е.Лансере «Куст сирени», «Сфинкс», «Пирамиды»; коллекция болгарских монет, фарфор и т.д.¹⁷⁸.

Важным моментом деятельности тетюшских краеведов стало издание печатного органа «Записки тетюшского музея», который выходил с 1927 по 1930 год. Это своего рода визитная карточка кантона, так как, во-первых, журнал являлся лучшим показателем работы и заинтересованности краеведов, во-вторых, его особенность в том, что он являлся единственным журналом в те годы, который издавался музеем кантона. Посильную помощь в издании оказывал Отдел по делам музеев, охраны памятников старины и искусства, особенно его ученый секретарь П.Е.Корнилов.

В журнале публиковались краткие отчеты и заметки о краеведческой работе в Тетюшах и в волостях, об организации и работе волостных бюро краеведения, а также отчеты о деятельности музея в эти годы и описание отдельных наиболее интересных экспонатов. Журнал стал своего рода центром, вокруг которого сконцентрировались все научные силы. В деревнях кантона работали корреспонденты, собиравшие различные материалы для музея, что давало возможность не только пополнить коллекции, но и наладить связь, повысить энтузиазм местных жителей, расширить их кругозор¹⁷⁹.

По количеству экспонатов вторым музеем в республике, после Центрального музея, считался Чистопольский музей. К 1926 году в нем насчитывалось около 4,5 тыс. экспонатов. Объединенный со школьным музеем наглядных пособий, он вел значительную краеведческую работу, о чем отмечало и Общество татароведения¹⁸⁰. Музей состоял из 4 отделов: естественно-исторического, историко-археологического, кустарно-экономического, художественного и занимал 6 комнат в помещении центральной библиотеки. Все экспозиции были сгруппированы и систематизированы. В.Ф.Смолин в своем докладе по поводу состояния Чистопольского музея особо отмечал, что «природа и этнография представлены прекрасно»¹⁸¹.

Коллекции были собраны разнообразные. Однако их значительную часть составляли археологические находки. Несмотря на то, что отсутствие помещения не давало возможность представить все экспонаты, музей хорошо посещался. В год его осматривало от 3 до 5 тысяч человек.

Во второй половине 20-х годов некоторое оживление в работе краеведов отмечалось в связи с деятельностью отделений Общества изучения Татарстана (ОИТ), которые также объединялись вокруг районных музеев. Так, Бугульминский музей практически не действовал (основан в 1919 году, закрыт в 1921 году) и был заново создан в октябре 1929 года отделением ОИТ. В музее было открыто шесть отделов, наибольшее количество экспонатов было в историко-культурном отделе (613 из 1371). Среди них: оружие, украшения, монеты и т.д.¹⁸². Свяжский кантонный музей был основан 2 июня 1921 года, в мае 1924 года был переведен в помещение Успенского собора, которое до марта 1923 года принадлежало монастырю. В музее были открыты 2 отдела: естественно-научный и церковно-художественный¹⁸³. Возросший интерес краеведов к родному краю привел к определенным результатам. С мая 1924 по 1928 год количество экспонатов возросло с 222 (154 художественных, 33 — церковная утварь, 35 — естественно-научных) до 985. Постепенно местный материал стал преобладать. Появились коллекции местных жуков и бабочек, образцы искусственных удобрений и т.д. Большую помощь в работе оказывал краеведческий кружок при музее. Кружок начал свое существование с декабря 1924 года и объединял 25 человек, в основном работников просвещения и учащихся. За 1925 год было проведено 12 собраний, на которых заслушаны доклады на различные темы: «История города Свяжска», «Татарские легенды о Свяжском кантоне», «Архитектурный стиль местного церковного зодчества», «Школьное краеведение», «Рыбный промысел в Свяжске и его окрестностях» и т.д. Точно так же, в разных направлениях, проводилась и работа кружка. Особенно хотелось бы отметить сбор материала на темы: «Местный фольклор», «Крестьянская свадьба» и т.д. Большое значение отводилось работе над новой картой кантона. Всю деятельность организовывала активный сотрудник Отдела, руководитель Елабужского кружка краеведения Т.И.Архарова¹⁸⁴.

Вышеперечисленные музеи явились наиболее активными, т.к. здесь была хорошо поставлена краеведческая работа. Важную роль сыграли и ТБК, и отделения ОИТ. Это не означает, что в других кантонах музеи не существовали, однако работа в них была более слабой, что зачастую приводило к их закрытию. Например, Мензелинский музей, основанный в 1919 году, был закрыт в 1921 году. Его основу составляли вещи из помещичьих усадеб, в Арске — основан в 1923, закрыт в 1924 году. Было собрано около 40 экспонатов, поэтому музей более походил на кабинет наглядных учебных пособий¹⁸⁵. Причин для закрытия этих музеев было несколько: во-первых, музейных экспонатов было очень мало и они носили случайный характер; во-вторых, отсутствие материальной поддержки. К этой же категории можно отнести и Елабужский музей, который был основан в 1920 году. Экспонаты в музее весьма различны: 55 картин, несколько альбомов русской живописи, фарфор и хрусталь, бронзовая статуэтка, коллекция монет, черемисские и ботские костюмы, 6 коллекций минералов, 8 коллекций насекомых, 5 таблиц растений, 2 гербария, черепа нескольких птиц и животных, кости мамонта и, наконец, экспонаты, характеризующие последний голод, пережитый кантоном¹⁸⁶. В трудные 1921—1923 годы кантисполком был не в состоянии выделить средства на музей, поэтому функционировал он в летние месяцы. Посещаемость музея каждое лето достигала 500—700 человек. На базе Елабужского музея был создан краеведческий кружок, чье первое организационное собрание прошло 3 сентября 1925 года¹⁸⁷. Члены кружка под руководством А.Сергиева проявили расторопность и одними из первых представили ответы на анкету, присланную Академцентром, которая давала возможность выяснить положение дела по изучению местного края. Кроме того, в 1926 году на запрос ТБК в срочном порядке были сообщены сведения о Бондюжском и Кокшайском заводах (историческая справка, районы распределения продукции и т.д.)¹⁸⁸. В целом вся работа проводилась в трех секциях: 1) естественно-историческом под руководством П.П.Емельянова; 2) экономическом, изучавшим производство и промышленность

(В.Н.Дунаев); 3) обществоведческом, в котором предполагалось изучение «жизни советских учреждений, партийных организаций» (Г.К.Поляков). На заседаниях секций кружка разрабатывались планы деятельности и обсуждались темы исследований: «Памятники старины в окрестностях г.Елабуги», «Флора местного края», «Насекомые края» и т.п.¹⁸⁹.

Особенностью Мамадышского музея явилась ориентация, в первую очередь, на школы, учебные программы. Хотя музей существовал с 1921 года, для широкой публики он открылся лишь в 1923 году. Занимая помещение бывшей типографии Серебрякова, в музее было открыто 5 отделов: 1) отдел искусства — 249 экспонатов; 2) естественный — 32; 3) этнографический — 35; 4) сельскохозяйственный — 32; 5) исторический — 33. Несмотря на четкое деление, сбор материала носил случайный характер, а экспонаты большей частью принадлежали помещичьим усадьбам¹⁹⁰.

Таким образом в результате экспедиционной, исследовательской и собирательской работы научных и краеведческих обществ и организаций создавался республиканский музейный фонд. Конечно, наиболее ценные коллекции передавались Центральному музею Татарии в Казани, но также систематически пополнялись и фонды районных музеев.

Конец 20-х — начало 30-х годов сложный и противоречивый период для развития краеведения и исторической науки в целом. Одно за другим ликвидируются научные общества, в ином направлении ведется работа краеведческих организаций. Это отрицательно сказалось не только на деятельности районных музеев, но и на положении Центрального музея ТАССР. Перемена взглядов на музей как социальный институт привела к формированию нового представления о музеях как «плацдарме для организованного мышления масс», да и сам Наркомпрос превращался в «штаб агитпропа», в связи с чем руководство музеями «должно находиться в опытных умелых руках партийных товарищей»¹⁹¹. Борьба с «пантюркизмом» и «буржуазным национализмом» привела к тому, что изучение татарской истории было прекращено и историками, и краеведами¹⁹². Недаром Н.Н.Фирсов писал в 1937 году: «Работа по изучению нашего края совершенно развалена»¹⁹³, что является горькой правдой нашей - действительности.

Заключение

Сложившиеся к началу 1920-х годов предпосылки привели к поискам новых форм организации научно-исследовательской деятельности. Создание Академического центра Татнаркомпроса — одно из проявлений развития национальной культуры, активно развивавшейся после Октябрьской революции.

По своей сути, Академцентр продолжил ту работу, которая была начата Научным отделом Татнаркомпроса, расширив и углубив ее. С его организацией стало возможным объединение научных сил под эгидой возрождения национальной культуры. В первую очередь сказалась государственная поддержка и та заинтересованность, которая привела к стремительному завоеванию авторитета со стороны Академцентра.

Процесс создания и деятельности Академцентра (1921—1930) можно условно разделить на три этапа:

1) 1921 — конец 1924 года, определяется как организационный. В этот период происходит формирование структуры, определение основных направлений деятельности научной организации;

2) конец 1924—1927 год — наиболее активный период деятельности. Это была пора, когда укреплялись основы национальной школы, расширялась база культуры, бурно развивались литература и искусство, организовывались первые научные учреждения. Во многом благодаря усилиям и энергии Г.Ибрагимова Академцентр превратился в действительное средоточие научных и культурных сил республики;

3) 1927 — начало 1930 года. Изменившаяся ситуация в конце 20-х годов и естественный поиск новых форм дальнейшего развития исследовательской деятельности привели к созданию Дома татарской культуры. Объединение научных обществ означало, соответственно, объединение научных сил в стенах ДТК, который проводил в жизнь государственную политику, направленную на «плановое исследование ТАССР». Все это сыграло свою роль в отходе Академцентра на второй план и постепенном его исчезновении.

В целом Академцентр Татнаркомпроса в условиях Татреспублики выполнял функции ГУСа и Главнауки, сосредоточивая вокруг себя всю научно-краеведческую, научно-педагогическую и издательскую деятельность. В период своего существования ему удалось провести в жизнь одну из основных своих задач — регулирование и координация педагогической, издательской и краеведческой деятельности в республике.

Педагогическая деятельность Академцентра — единственная область, в которой Академцентр проводил свою работу в полном объеме до своего закрытия (в отличие от издательской). К концу 1920-х годов масштабность работ, конечно, сократилась, однако основные направления были сохранены. Прежде всего, это — разработка учебных программ для массовых школ ТАССР; проведение курсов,

конференций по переподготовке учительских масс. С первых дней существования Академцентра данная деятельность была одной из основных и трудоемких. Этому способствовала и государственная политика, направленная на реализацию плана всеобщего обучения и повышение культурного уровня населения. Школа — решающее звено культурного строительства, поэтому помимо теоретических знаний, которые предоставляли курсы, важным аспектом стало налаживание постоянных связей с кантонами.

Таким образом, педагогическая комиссия сконцентрировала в своих руках всю научно-педагогическую и методическую работу как в центре, так и на местах.

Основная задача Академцентра по издательской линии заключалась в регулировании, по большей части, выпуска учебной и методической литературы, нехватка которой в 20-е годы особенно ощущалась. Практически эта деятельность держалась на сформированных авторских коллективах — главного органа координации выпуска всей учебной литературы. Такое положение решало ряд практических задач. Во-первых, собранные в одном научном центре материалы давали возможность избежать параллелизма; во-вторых, в связи с ограниченностью материальных средств это давало возможность соблюсти их экономию; в-третьих, все издания должны были придерживаться одной системы орфографии и, что немаловажно для того времени, идеологической выдержанности, так что он выполнял еще и роль «цензора».

Наиболее плодотворный период издательской деятельности приходится на 1924—1926 годы, когда под контролем Академцентра, помимо вышеуказанной литературы, находилась также литература другого характера: художественная, научная, детская, общественно-политическая, антирелигиозная.

Первая половина 20-х годов характеризуется выпуском агитационных брошюр, которые со второй половины 20-х годов постепенно вытесняются более серьезными трудами политического характера, определяющими потребности времени. Наиболее активный период издания научной литературы начинается с 1925 года. Наблюдается не только постепенный рост книжной продукции, но самое главное, книги на татарском языке стали занимать основное место. Однако данная тенденция роста прекратилась к 1927 году и роль Академцентра в издательской деятельности уменьшилась. В его ведении сохранилось лишь издание учебно-методической литературы. Этот период характеризуется активной деятельностью научных обществ — научного Общества татароведения (НОТ), Общества изучения Татарстана (ОИТ), Бюро краеведения, чья роль в деле изучения истории местных народов особенно велика. Можно без преувеличения сказать, что они стали одним из центров развития исторической науки в Татарстане.

Одной из особенностей 20-х годов был постоянный поиск наиболее оптимальных путей развития национальной культуры и науки. В этом процессе свою роль сыграл Дом татарской культуры (ДТК) — главный координирующий центр краеведческого движения.

С одной стороны, ДТК явилось учреждением, объединившим научные общества, с другой, с его возникновением начался период активной реорганизации научных учреждений, интенсификация исследовательской деятельности по изучению Татарстана.

В конце 20 — начале 30-х годов заканчивается период активной, разноплановой, научной деятельности Академцентра. Отношение властей к работе научного Общества татароведения, Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы, история их закрытия свидетельствуют о возрастающем идеологическом давлении на науку, постепенном, но окончательном подчинении ее государственным и партийным интересам. Свертывание краеведческой работы в Татарстане привело к практически полному прекращению изучения истории местного края и наложило отпечаток на развитие культуры республики в исследуемый период и на долгие годы вперед.

Не вписавшись в политическую конъюнктуру, имея собственные традиции проведения самостоятельной научно-краеведческой и учебно-методической работы, Академцентр Татнаркомпроса прекратил свою деятельность в результате административного решения властных структур.

Общественно-политические изменения в стране, произошедшие в начале 90-х годов, вновь открыли возможность для изучения развития национальной исторической науки в 20-е годы. Именно эти кардинальные перемены в оценке нашего исторического прошлого и позволили нам по большому счету объективно рассмотреть деятельность Академического центра Татнаркомпроса, выяснить его роль и значение для татарской культуры, татарского народа в целом.

Вместе с тем работа в данном направлении должна, безусловно, продолжаться. Автор надеется, что исследование поставленных в работе проблем, будет приоритетным в дальнейшей научной деятельности.

Примечания

¹ Академический центр Наркомпроса // Народное образование в Татарии за 1925—1926 гг. — Казань, 1927. — С.49.

² Советская культура. Итоги и перспективы.— М., 1924; Панфилов В.Н. За усиление темпа культурной революции.— М.; Л., 1930; Скрыпкин Н.А. Культурное строительство в СССР.— Харьков, 1931; Культурное строительство в СССР. Статистический сборник.— М., 1940; Ким М.П. 40 лет советской культуры.— М., 1957; Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928—1932).— М., 1961; Грабарь Т.Ф., Плотнокова Е.Ф. Ленинский план культурной революции и его осуществление в СССР. 1917—1937 гг.— М., 1967; Из истории советской культуры: Сб. ст.— М., 1972; Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР: Сб. ст.— М., 1987; Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917—1925).— М., 1990.

³ Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941.— М., 1988.

⁴ Хасанов Х.Х. Культурное строительство в Татарии в 1921—1925 гг. // Изв. Казанск. фил. АН СССР.— Казань, 1955.— Вып. I.— С.15—24; Гильманов З.И., Георгиевская И.А., Кузьмин В.В. Некоторые итоги изучения истории Татарии советского периода за 50 лет // Развитие филологических и исторических наук в Татарии.— Казань, 1969.— С.91—103; Багаутдинов Г.В., Камалов И.Х. Развитие экономики и культуры Татарской АССР за 50 лет // Торжество ленинской национальной политики в СССР.— Горький, 1974.— С.129—138; Культурная революция в Татарии (1917—1937 гг.) /Вахитов М.Х., Давлетшин К.Д., Гарипова З.Г. и др.— Казань, 1986; Зайцев А.В. Исторические учреждения республики Татарстан в 20—30-е годы XX века.— Казань, 1998.

⁵ История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Редколлегия: Гильманов З.И., Мухарямов М.К., Смыков Ю.И., Халиков А.Х., Хасанов Х.Х.— Казань, 1968; Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917—1995 гг. IV часть.— Казань, 1998; Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век).— Казань, 1999.

⁶ Закиев М.З. 50 лет поисков и открытий // Татары: проблемы истории и языка: Сб. статей.— Казань, 1995; Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение. Методическое пособие по истории Татарстана.— Казань, 1995; Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. История Татарстана: Трагические судьбы.— Казань, 1996.

⁷ Закиев М.З. Указ.соч.— С.149.

⁸ Там же.

⁹ Нурутдинов Ф. Г.-Х. Указ.соч.— С.181.

¹⁰ Гомфров Л. Гыйльми ызъктъ эшлнъ еллары // Совет мѣктѣбе.— 1967.— № 3.— Б.42; Хѣѣнов М. Гыйльми ызък ѣѣм Галимкан Ибраимов // Совет мѣктѣбе.— 1969.— № 11.— Б.45—47; Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов.— Казань, 1977.

¹¹ Хасанов М.Х. Указ.соч.

¹² Тутаев М.З. Развитие народного образования в Татарии.— Казань, 1970.— С.59—60.

¹³ Климов И.М. Образование и развитие ТАССР (1920—1926 гг.).— Казань, 1960.— С.257—315; Тутаев М.З. Октябрь и просвещение.— Казань, 1970.

¹⁴ Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело в Татарии (1917—1927 гг.).— Казань, 1977.

¹⁵ Тугаринов А.Я. Современность и пути краеведческой работы // Краеведение.— 1924.— № 3/4.— С.222—229; Векслин Н.-Б. Ближайшие задачи краеведческой работы в Татарии // Краеведение.— 1929.— № 1/2.— С.98—101; К итогам работы Всетатарской конференции ОИТ // Труд и хозяйство.— 1929.— № 1/2.— С.105—107; Краеведение в национальных республиках и областях // Советское краеведение.— 1931.— № 4.— С.15; Бороздин И. Современный Татарстан // Новый Восток.— 1925.— № 10/11.— С.116—137; Фирсов Н.Н. Важнейшие перспективы научной работы по изучению Татарии // Вестник научного Общества татароведения.— 1925.— № 3.— С.5—11; Самойлович А.Н. Краеведение в Татарской АССР // Краеведение.— 1925.— Т.2.— № 1/2.— С.87—90; Десять лет социалистического строительства в Татарстане.— Казань, 1930.

¹⁶ Федорович Н. Научно-исследовательская работа в Татарской республике, ее задачи и перспективы в разрезе пятилетки // Научный работник.— 1930.— № 11/12.— С.72.

¹⁷ Векслин Н.-Б. Изучение Татарстана за 10 лет (1920—1930).— Казань, 1930.

¹⁸ Абдрашитова И.М. Вестник научного общества татароведения (1925—1930) // Ученые записки Казанского педагогического института, 1970.— Вып.80. Из истории Татарии.— Сб.4.— С.204—213; Она же. Из истории научного Общества татароведения (1923—1929). Вопросы историографии и источниковедения // Ученые записки Казанского педагогического института, 1975.— Вып.150.— Сб.7.— С.101—111; Она же. Из истории создания Общества изучения Татарстана (1928—1930 гг.) // Ученые записки Казанского педагогического института, 1975.— Вып.145. Из истории Татарии.— С.63—72; Федорова Н.А. К истории «Общества изучения Татарстана» // Тезисы докладов краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура» (20—21 мая 1993 год). Секция истории.— Казань, 1993.— С.16—19.

¹⁹ Синецкая К.Р. Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20 — начале 30-х годов // Сборник научных трудов Госмузея Татарской АССР.— Казань, 1965.— Вып.2.— С.103—118.

²⁰ Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20—30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации.— Казань, 1989.— С.81—96.

²¹ Булатов А. Книжная палата Татарской АССР // Сорок лет советской государственной библиографии (1920—1960).— М., 1960.— С.251—255.

²² Хисамова А.М. 50 лет Книжной палате Татарской АССР // 50 лет государственной Книжной палате Татарской АССР. Программа и тезисы докладов к научно-практической конференции (22 декабря 1976 года).— Казань, 1977.— С.8—11.

²³ Садретдинов Г. Методическое письмо № 3 по вопросу об антирелигиозном воспитании.— Казань, 1928; Материалы к докладом на зимних методических конференциях в ТАССР. Методическое письмо № 2 / Под ред. Н.Коноплева, М.Фазлуллина.— Казань, 1929; Обучение русскому языку в нерусских школах. Методическое письмо № 7.— Казань, 1929; Программный материал по родному языку в вотской школе I ступени. Методическое письмо № 9.— Казань, 1929.

²⁴ Программа для школ II ступени Татреспублики. Первый концентр / Под ред. Г.Линсера, С.Сингалевича.— Казань, 1926; Программа третьего года обучения для школ I ступени Татреспублики (сельский вариант).— Казань, 1927.

²⁵ Материалы по изучению Татарстана: Сборник статей.— Казань, 1925.— Вып.1; За 5 лет: К V годовщине провозглашения ТССР.— Казань, 1925; Народное образование в Татарии за 1925—1926 гг.— Казань, 1927.

Глава 1

¹ Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение.— 1929.— № 9.— С.529.

² Сотонин К. Научная жизнь Казани за 1918—19 учебные годы // Научные известия.— Сб.2.— М., 1922.— С.298.

³ Там же.

⁴ Ермолаев И.П., Шапов Г.Ф. Изучение отечественной истории в Казанском университете // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья.— Казань, 1967.— С.15—43.

- ⁵ Федорович Н. Научно-исследовательская работа в Татарской республике, ее задачи и перспективы в разрезе пятилетки // Научный работник.— Казань, 1930.— № 11/12.— С.73.
- ⁶ Культурная революция в Татарии (1917—1937 гг.).— Казань, 1986.— С.112.
- ⁷ Там же.
- ⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5. Л.40.
- ⁹ Там же.— Ф.Р-732. Оп.1. Д.2. Л.3—8.
- ¹⁰ Там же.— Ф.Р-732. Л.6. 6 об.
- ¹¹ Там же.— Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5. Л.27.
- ¹² Там же.— Л.27, 40—40 об., 59, 115, 116—116 об.
- ¹³ Академический центр ТНКП использовал в дальнейшем материалы, собранные научным отделом, а также сам продолжил эту работу.
- ¹⁴ Вишневский Б.Н. Организация науки в Татарстане // Вестник просвещения.— 1921.— № 1.— С.15.
- ¹⁵ К изучению природных сил и культурных особенностей ТАССР // Вестник просвещения.— 1921.— № 3.— С.15—16.
- ¹⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5. Л.116 об.; Ф.225. Оп.1. Д.14. Л.31.
- ¹⁷ Вишневский Б.Н. Указ.соч.— С.17.
- ¹⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5. Л.115.
- ¹⁹ Там же.— Л.116.
- ²⁰ Там же.— Л.40 об.
- ²¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5.— Л.116 об.
- ²² Там же.
- ²³ См.: Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20—30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации.— Казань, 1989.— С.83.
- ²⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.5. Л.115 об.
- ²⁵ Там же.— Л.116.
- ²⁶ Там же.— Л.115.
- ²⁷ См.: Ханбиков Я.И. Общественно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды Галимджана Ибрагимова (1887—1938) // Ученые записки КГПИ.— 1968.— Вып.62.— С.86.
- ²⁸ См.: Синицына К.Р. Музейное строительство в Татарской АССР (1917—1967): Дис. ...канд.ист.наук.— Казань, 1970.— С.66.
- ²⁹ См.: Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение. Методическое пособие по истории Татарстана.— Казань, 1995.— С.181.
- ³⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.391.
- ³¹ Академический центр продолжил начатую научным отделом работу по учету научных обществ. Так, в 1923 году таковых было зарегистрировано 26.
- ³² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.391.
- ³³ Там же.
- ³⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.391 об.
- ³⁵ Там же.— Л.391 об.
- ³⁶ Там же.— Л.364.
- ³⁷ После выступления заведующего Академцентром Гаяза Максудова на одном из заседаний коллегии в феврале 1922 года были утверждены 12 человек, входящих в штатную единицу Академцентра.
- ³⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.364.
- ³⁹ Там же.— Ф.Р-990. Оп.1. Д.237. Л.179.
- ⁴⁰ Там же.— Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.358, 359, 364.
- ⁴¹ Там же.— Л.364.
- ⁴² Там же.— Д.410. Л.3.
- ⁴³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.4.
- ⁴⁴ Там же.— Л.5.
- ⁴⁵ Там же.— Л.23.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.— Д.210. Л.21.
- ⁴⁸ Там же.— Л.13 об.
- ⁴⁹ Там же.— Ф.Р-990. Оп.1. Д.303. Л.21; Д.304. Л.69 об.; Д.237. Л.3об., 7, 20—22 об., 40—40 об., 119, 171—184.
- ⁵⁰ НА РТ. Ф.Р-990. Оп.1. Д.303. Л.21.
- ⁵¹ Там же.— Д.237. Л.20.
- ⁵² Там же.— Л.3 об.
- ⁵³ Там же.— Ф.Р-3682. Оп.1. Д.943. Л.21 об.— 22 об.
- ⁵⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.943.— Л.21.
- ⁵⁵ Там же.— Л.136.
- ⁵⁶ Там же.— Д.1502. Л.24.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.— Д.1171. Л.35.
- ⁶⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.288. Л.16.
- ⁶¹ Конкурс на татарские театральные произведения // Красная Татария, 1924, 24 мая.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.690. Л.30.
- ⁶⁶ Там же.— Д.948. Л.92 об.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ О делах театральные // Красная Татария, 1928, 3 янв.
- ⁶⁹ О делах театральные // Красная Татария, 1928, 3 янв.
- ⁷⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1171. Л.35.

- ⁷⁰Самойлович А.Н. Краеведение в Татарской АССР // Краеведение.— 1925.— № 1/2.— С.87.
- ⁷²Шамсутдинова Ф. У истоков советской татарской музыки // Коммунист Татарии.— 1978.— № 5.— С.73.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Бороздин И. Современный Татарстан // Новый Восток.— 1925.— № 10/11.— С.133—134.
- ⁷⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.137.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. Л.109 об.— 110.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Нуркай З. Пять лет научной работы // Вестник НОТ.— 1925.— № 3.— С.11.
- ⁸¹ НА РТ. Ф.Р-990. Оп.1. Д.237. Л.175.
- ⁸² О нем см.: Гомфре́в Л. Гыйльми ызъктъ эшлнъ еллары // Совет мѣктѣбе.— 1967.— № 3.— 42 б.; Вѣзиева К. Ылемсез кеше // Совет мѣктѣбе.— 1967.— № 3.— 43 б.; Ханбиков Я.И. Общественно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды Галимджана Ибрагимова (1887—1938) // Ученые записки КГПИ.— 1968.— Вып.62.— С.75—147; Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов.— Казань, 1977.
- ⁸³ Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы.— Казань, 1996.— С.122.
- ⁸⁴ Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение. Методическое пособие по истории Татарстана.— Казань, 1995.— С.181.
- ⁸⁵ Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка.— Казань, 1995.— С.149.
- ⁸⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.690. Л.20.
- ⁸⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.690. Л.20.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.— Л.24.
- ⁹⁰ Там же. Д.1170. Л.110.
- ⁹¹ Там же. Ф.Р-990. Оп.1. Д.617. Л.26.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.— Л.27.
- ⁹⁴ НА РТ. Ф.Р-990. Оп.1. Д.690. Л.24 об.
- ⁹⁵ Хасанов М. Гыйльми ызък һѣм Галимкан Ибрагимов // Совет мѣктѣбе.— 1969.— 45 б.
- ⁹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.2. Д.122. Л.69.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.94об.
- ¹⁰⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.39об.
- ¹⁰¹ Там же.— Ф.Р-990. Оп.1. Д.237. Л.40.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Новый состав коллегии Наркомпроса ТАССР был утвержден в 1927 году в следующем составе: Гимранов, Мухитдинов, Тагиров, Чуринов, Корсаков.
- ¹⁰⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.95.
- ¹⁰⁵ Там же.— Д.1501. Л.25.
- ¹⁰⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1512. Л.4.
- ¹⁰⁷ Там же.— Д.1366. Л.1, 24—24 об; Д.948. Л.90.
- ¹⁰⁸ Там же.— Д.1501. Л.25; Д.1500. Л.44—45.
- ¹⁰⁹ Там же.— Д.1512. Л.9—9 об; Д.1500. Л.44.
- ¹¹⁰ Там же.— Д.1512. Л.9об.
- ¹¹¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.90об.
- ¹¹² Атнагулов Салих Садриевич (1893—1937), выпускник медресе «Галия», редактор татарских газет «Красная Армия», «Эшче» (Москва), «Кызыл Татарстан» (1925—1927), председатель Академцентра (конец 1928—1930), преподаватель ВПИ. Расстрелян.
- ¹¹³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1689. Л.78.
- ¹¹⁴ Там же.— Д.1505. Л.44.
- ¹¹⁵ Мухсинов З. Дом татарской культуры // Труды ДТК.— 1930.— Т.1. Очерки по изучению местного края.— Л.8.
- ¹¹⁶ НА РТ. Ф.439. Оп.1. Д.28. Л.43.
- ¹¹⁷ Синицына К.Р. Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20 — начале 30-х годов // Из истории Татарии.— Казань, 1965.— Вып.2.— С.108.
- ¹¹⁸ Академический центр // Татарский энциклопедический словарь.— Казань, 1999.— С.20.
- ¹¹⁹ Тутаев М.З. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива Татарской АССР по истории культурного строительства в республике в 1917—1947 годы // Ученые записки КГПИ.— 1973.— Вып.118.— С.126.
- ¹²⁰ ТНИЭИ был реорганизован 27 мая 1931 года, и на его базе были созданы два самостоятельных института: Татарский научно-исследовательский институт промышленно-экономических исследований (ТНИИПЭИ) и Татарский научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики (ТНИИСЭ). Но в их задачу не входила разработка гуманитарных проблем. Для этого в это же время был создан Татарский научно-исследовательский институт культурного строительства им.М.Горького (ТНИИКС). Его деятельность была кратковременной. Ликвидация ТНИИКС в 1933 году привела к прекращению изучения Татарстана на целых восемь лет. Возрождение исследований истории татарского народа произошло лишь в 1941 году, когда создается сектор истории при открывшемся чуть раньше, в 1939 году, Татарского научно-исследовательского института языка и литературы.
- ¹²¹ Осведомительный бюллетень ТНИЭИ.— Казань, 1930.— № 1.— С.19.
- ¹²² Зайцев А.В. Исторические учреждения республики Татарстан в 20—30-е годы XX века.— Казань, 1998.— С.108—109.

Глава 2

¹ Камшилов М. Характер основной научно-педагогической работы Татнаркомпроса // Вестник просвещения.— 1923.— № 9/10.— С.60.

² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.40.

³ Там же.— Д.1500. Л.20—20 об.

- ⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1500. Л.20.
- ⁵ В 1923—1924 годы научно-педагогическая комиссия занималась составлением программ для школ фабзауча и школ крестьянской молодежи. Кроме того, на основе постановления съезда заведующих педагогическими учебными заведениями ей было поручено составление программ для педтехникумов и отдельно составление программ для различных курсов.
- ⁶ Мухитдинов Н.К. Наши культурные достижения за 10 лет // Просвещение в Татарии. Педагогический сборник Наркомпроса ТР.— Казань, 1927.— № 1.— С.7.
- ⁷ В школах и вузах // Красная Татария.—1925.— № 200.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Школы-семилетки // Красная Татария.— 1926.— 10 окт.
- ¹⁰ Школьная сеть расширяется // Красная Татария.— 1928.— 1 янв.
- ¹¹ Там же.
- ¹² О сети казанских школ // Красная Татария.— 1926.— 28 июля.
- ¹³ Мухитдинов Н.К. Наши культурные...— С.5.
- ¹⁴ Садретдинов Г. Методическое письмо №3 по вопросу об антирелигиозном воспитании.— Казань, 1928.— С.14.
- ¹⁵ Камшилов М. Характер основной...— С.67.
- ¹⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.20.
- ¹⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.690. Л.2об.
- ¹⁸ Там же.— Д.1518. Л.30.
- ¹⁹ Камшилов М. Характер основной...— С.61.
- ²⁰ Там же.— С.61.
- ²¹ Камшилов М. Характер основной...— С.62.
- ²² Там же.— С.63.
- ²³ Там же.— С.64.
- ²⁴ Полное использование комплексного преподавания научно-педагогическая комиссия оставила для применения в производственной деятельности в школах ФЭС и подростков, работающих в крестьянских хозяйствах. К составлению программ этого типа комиссия уже приступила, стягивая для работы лучшие силы.
- ²⁵ Камшилов М. Характер основной...— С.64.
- ²⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1172. Л.27 об.
- ²⁷ Там же.— Д.1175. Л.12.
- ²⁸ Там же.— Д.1172. Л.27 об.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.— Д.940. Л.69.
- ³¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.940. Л.66—66 об.
- ³² Там же.— Л.66 об.
- ³³ Анкета на татарском языке была помещена в одном из номеров журнала «Магариф».
- ³⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.940. Л.66 об.
- ³⁵ Там же.— Д.948. Л.111 об. —112; Программа третьего года обучения для школ I ступени Татарской Республики (сельский вариант).— Казань, 1927.
- ³⁶ Программы для школ II ступени Татарской Республики.— Казань, 1926.— С.5.
- ³⁷ Программы для школ II ступени Татарской Республики...— С.6.
- ³⁸ Там же.— С.7.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.— С.10.
- ⁴¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.692. Л.20—21 об.
- ⁴² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.941. Л.20.
- ⁴³ Программа для школ II ступени...— С.15.
- ⁴⁴ См.: Культурная революция в Татарии (1917—1937 гг.) .— Казань, 1986.— С.195.
- ⁴⁵ У будущих спецов-мыловаров // Красная Татария.— 1924, 9 мая.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.42.
- ⁴⁷ Там же. Д.490. Л.32об.— 33.
- ⁴⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.112, 136; Д.1172. Л.28.
- ⁴⁹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.73. Л.48.
- ⁵⁰ На курсы Политпросвета прибыло 248 школьных работников, из них около 80 татар. Главное внимание было уделено расширению политического кругозора слушателей. Что касается педагогической работы, то она велась слабее. Практическая разработка вопросов не велась вообще, ибо не было деления на группы. С аудиторией в 200—240 человек можно было вести лишь лекционную работу.
- ⁵¹ Казанские трехмесячные педагогические курсы по переподготовке школьных работников школ I ступени // Вестник просвещения ТНKP.— 1923.— №7/8.— С.71.
- ⁵² Казанские трехмесячные педагогические курсы по переподготовке школьных работников школ I ступени // Вестник просвещения ТНKP.— 1923.— №7/8.— С.72.
- * Там же.— С.71.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.— С.72—73.
- ⁵⁵ Казанские трехмесячные педагогические курсы...— С.73.
- ⁵⁶ Там же.— С.74.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.— С.76.
- ⁵⁹ Там же.— С.77.
- ⁶⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.79, 82.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Большое количество учебных часов посвящалось политграмоте, нередко это делалось за счет сокращения часов на общеобразовательные предметы.
- ⁶³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.79 об.
- ⁶⁴ Там же.— Д.490. Л.68.

- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.44.
- ⁶⁸ Срок созыва курсов устанавливался прежний, с 15 мая по 15 июля.
- ⁶⁹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.80.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же.— Д.631. Л.209.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1175. Л.67; Д.940. Л.53.
- * Нуркай З. Пять лет научной работы // Вестник научного общества татароведения. Посвящается 5-летию Татреспублики, 1925.— № 3.— С.8.
- ⁷⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1518. Л.30, 120; Д.1502. Л.27.
- ⁷⁵ Там же.— Д.627. Л.97.
- ⁷⁶ См.: Образование и развитие Татарской АССР. 1920—1926 гг.— Казань, 1960.— С.292.
- ⁷⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д. 940. Л.3.
- ⁷⁸ Там же.— Оп.1. Д.1501. Л.10 об.
- ⁷⁹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1501. Л.10 об.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.— Д.948. Л.91.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ См.: Образование и развитие Татарской АССР. 1920—1926 гг.— Казань, 1960.— С.291—292.
- ⁸⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1172. Л.27; Д.1512. Л.6—8.
- ⁸⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1172. Л.27.
- ⁸⁷ Там же.— Д.692. Л.58.
- ⁸⁸ Там же.— Д.1172. Л.30.
- ⁸⁹ Там же.— Д.945. Л.43—46, 106, 107—107 об., 128, 161—163, 190—192; Д.944. Л.38—42 об., Д.949. Л.1—12 об.
- ⁹⁰ Там же.— Д.940. Л.11 об.
- ⁹¹ Там же.— Л.16 об. —17.
- ⁹² Там же.— Д.1518. Л.88; Д.1511. Л.227—230.
- ⁹³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.940. Л.53.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же.— Д.1172. Л.29.
- ⁹⁶ Там же.— Д.940. Л.53.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.— Л.53 об.
- ⁹⁹ Там же.— Д.1172. Л.29 об.; Д.1175. Л.53.
- ¹⁰⁰ Там же.— Д.948. Л.90 об.
- ¹⁰¹ Там же.— Д.1172. Л.29 об.
- ¹⁰² Там же.— Д.948. Л.90 об.
- ¹⁰³ Там же.— Л.38 об.
- ¹⁰⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.38 об.
- ¹⁰⁵ Хасанов М.А. Культурное строительство Татарии за 15 лет // Революция и национальности, 1935.— № 6.— С.37.
- ¹⁰⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.953. Л.26.
- ¹⁰⁷ Там же.— Д.1501. Л.16—16 об.
- ¹⁰⁸ Там же.— Д.1518. Л.140.
- ¹⁰⁹ НА РТ. Ф.Р-3682. Д.1515. Л.10.
- ¹¹⁰ Там же.— Д.1497. Л.3.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же.— Д.948. Л.38.

Глава 3

- ¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.43; Д.1500. Л.21.
- ² Там же.— Д.946. Л.1 об.
- ³ См.: Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело в Татарии (1917—1927 гг.).— Казань, 1977.— С.37.
- ⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.410. Л.23.
- ⁵ Там же.— Д.1171. Л.114.
- ⁶ Там же.— Д.943. Л.22 об.; Д.1170. Л.110.
- * НА РТ. Ф.Р — 3682. Оп.1. Д.948. Л.46.
- ⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.488. Л.3.
- ⁸ Там же.— Д.948. Л.46—47.
- ⁹ За 5 лет. К V годовщине провозглашения татарской социалистической советской республики.— Казань, 1925.— С.125.
- ¹⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.47.
- ¹¹ Татарское печатное дело до основания Татреспублики и в первые годы ее становления имело разобщенный характер. В апреле 1923 года Татгосиздат все ведомственные издательства (кроме издательства Наркомзема), полиграфтрест «Татпечать» со всеми своими полиграфическими предприятиями были объединены под единое начало. В результате данного слияния образовался комбинат издательства и печати ТАССР. Именно сюда отправлялся весь материал для печати, одобренный Академцентром. В целом, в 1921—1927 годы идет поиск наиболее оптимальных форм управления полиграфической промышленностью, издательским делом и периодической печатью. Это привело к тому, что в 1927 году, после некоторой реорганизации комбинат издательства и печати ТАССР разделился на 2 самостоятельные организации: «Татполиграф» и «Татиздат», последний вобрал в себя функции всех местных издательств по изданию всей периодической печати и издательской деятельности. «Татполиграф» подчинился Татсовнархозу, а «Татиздат» — ЦИК ТАССР.
- ¹² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.47.
- ¹³ Там же.— Д.490. Л.80.

¹⁴ В связи с низкой покупательской способностью населения Казанское отделение Госиздата проводило систему отпуска книг в кредит, с рассрочкой платежа. Отделение снабжало фабзавкомы, учреждения, предприятия и организации особыми ордерами, по которым каждый желающий мог приобрести в книжном магазине Госиздата (на Гостинодворской улице) необходимую литературу. Сумма покупок высчитывалась в течение 3-х месяцев из зарплаты.

¹⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1170. Л.89 об.

¹⁶ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.649. Л.1.

¹⁷ За 5 лет. К V годовщине провозглашения татарской социалистической советской республики.— Казань, 1925.— С.127.

¹⁸ Газиз Г., Рахим Г. Татар Һџбџбаты тарихы џчен материаллар кию џльында бер тџкџрибџ.— Казан.— Т.1—2; Гобџџдуллин Г.С. Татар тарихы.— Казан, 1923.

¹⁹ За 5 лет. К V годовщине провозглашения...— С.127.

²⁰ Там же.

²¹ За 5 лет. К V годовщине провозглашения...— С.127.

²² Там же.— С.128.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Народное образование в Татарии за 1925—1926 гг.— Казань, 1927.— С.51.

²⁷ Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело в Татарии (1917—1927) гг.— Казань, 1977.— С.82.

²⁸ Там же; За 5 лет. К V годовщине провозглашения...— С.129.

²⁹ Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело...— С.82.

³⁰ Более подробно см. деятельность научно-педагогической комиссии.

³¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.645. Л.132.

³² Там же.

³³ Там же.— Д.694. Л.14.

³⁴ Там же.

³⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.59. Л.76.

³⁶ См.: Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело...— С.73.

³⁷ См.: Курбангалеева Т.С. Книгоиздательское дело...— С.73.

³⁸ Там же.— С.74.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1518. Л.118; Д.1502. Л.3.

⁴² Там же.— Д.1518. Л.118.

⁴³ Там же. Л.18—18 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.— Д.1502. Л.3.

*За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики.— Казань, 1925.— С.125.

*НА РТ. Ф.Р — 3682. Оп.1. Д.948. Л.104.

⁴⁶ Там же.— Д.1512. Л.3.

⁴⁷ Там же.— Д.1502. Л.28 об.

⁴⁸ Там же.— Ф.Р.-990. Оп.1. Д.1274. Л.156.

⁴⁹ Там же.— Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.118.

⁵⁰ Там же.— Д.947. Л.11; Д.1170. Л.89 об.

⁵¹ Синицына К.Р. Историческое краеведение.— Казань, 1983.— С.32.

⁵² НА РТ. Ф.225. Оп.1. Д.11. Л.43.

⁵³ Бороздин И. Из истории культурной жизни Татарской республики // Вестник НОТ, 1930.— № 9/10.— С.29.

⁵⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.488. Л.13.

⁵⁵ Там же.— Л.14.

⁵⁶ Там же.— Л.6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.488. Л.6.

⁵⁹ См.: Зайцев А.В. Исторические учреждения республики Татарстан в 20—30-е годы XX века.— Казань, 1998.— С.95.

⁶⁰ Бороздин И. Из истории культурной жизни Татарской республики // Вестник научного Общества татароведения, 1930.— № 9/10.— С.30.

⁶¹ Устав НОТ при Академическом ТНКТ // Вестник НОТ, 1925.— № 12.— С.29.

⁶² Обзор деятельности научного Общества татароведения (1923—1929) // Вестник НОТ, 1930.— № 9/10.— С.202.

⁶³ Подробнее см.: Устав Общества татароведения...— № 1/2.— С.70.

⁶⁴ НА РТ. Ф.Р-3682.— Оп.1.— Д.948.— Л.31.

⁶⁵ Обзор деятельности...— № 9/10.— С.207.

⁶⁶ См.: Введение.

⁶⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.31—32.

⁶⁸ Результатом этой работы явился том рукописных материалов по истории Ногайской орды и московско-ногайских отношений в XVI—XVII веках. Этот том был передан Н.Н.Фирсовым в Академический центр на хранение, чтобы не только члены Общества, но и лица, занимающиеся изучением поволжских татар, могли бы обращаться сюда для обследования и разработки ценных архивных материалов.

⁶⁹ Бороздин И. Из истории...— № 9/10.— С.31.

⁷⁰ Хроника // Вестник НОТ, 1926.— № 4.— С.94.

⁷¹ До осени 1927 года Общество татароведения состояло при Академцентре Татаркомпроса, а с осени 1927 года, после учреждения Дома татарской культуры, оно автоматически перешло к последнему, получая средства по его бюджету и занимая его здание.

⁷² Деятельность Общества татароведения (1923—1925 гг.) // Вестник НОТ, 1925.— № 1/2.— С.58, 57.

⁷³ Отчет о деятельности научного Общества татароведения (1923—1929) // Вестник НОТ, 1930.— № 9/10.— С.276.

- ⁷⁴ Отчет о деятельности научного Общества татароведения за период с 11 апреля 1926 года по 1 января 1929 года // Вестник НОТ, 1928.— № 8.— С.274.
- ⁷⁵ Там же.— С.210.
- ⁷⁶ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.28. Л.48.
- ⁷⁷ Протокол № 39 общего собрания членов НОТ от 3 ноября 1929 г. // Вестник НОТ, 1930.— № 9/10.— С.21.
- ⁷⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.709. Л.5.
- ⁷⁹ Там же.— Д.690. Л.30; Д.1379. Л.1 об.
- ⁸⁰ Там же.— Д.970. Л.44 об.
- ⁸¹ Там же.— Д.1170. Л.38.
- ⁸² Там же.— Д.970. Л.44.
- ⁸³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.970. Л.44 об.
- ⁸⁴ Там же.— Д.1169. Л.28 об.; Д.969. Л.3.
- ⁸⁵ Там же.— Ф.Р-439. Оп.1. Д.28. Л.24.
- ⁸⁶ Там же.— Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.114; Д.970. Л.14 об.
- ⁸⁷ Там же.— Д.948. Л.107 об.
- ⁸⁸ Там же. Ф.Р-439. Оп.1. Д.969. Л.16.
- ⁸⁹ Популяризация знаний о крае // Красная Татария, 1927.— 18 января.
- ⁹⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1171. Л.52.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Более подробно о деятельности кантонных краеведческих организаций см. деятельность Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы.
- ⁹³ НА РТ. Ф.Р-447. Оп.1. Д.18. Л.8.
- ⁹⁴ Там же.— Д.2. Л.69.
- ⁹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.2. Д.1224. Л.34.
- ⁹⁶ Там же.— Л.30.
- ⁹⁷ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.29. Л.1.
- ⁹⁸ Мухсинов З. Дом татарской культуры.— Казань, 1930.— С.7.
- ⁹⁹ Помочь работе Дома татарской культуры // Красная Татария. 1929, 8 янв.
- ¹⁰⁰ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.29. Л.3.
- ¹⁰¹ Там же.— Д.24. Л.2.
- ¹⁰² Там же.— Д.44. Л.40; Мухсинов З. Указ.соч.— С.39.
- ¹⁰³ Мухсинов З. Указ.соч.— С.34—37.
- ¹⁰⁴ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.37. Л.55.
- ¹⁰⁵ Труды ДТК.— Казань, 1930.— Т.1.— Очерки по изучению местного края; Т.2.— Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар; Т.3.— Фирсов Н.Н. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина; Богородицкий В.А. Фонетика русского языка.
- ¹⁰⁶ Открытие ДТК // Красная Татария, 1927.— 6 июля.
- ¹⁰⁷ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.28. Л.43.
- ¹⁰⁸ Там же.— Д.19. Л.51.
- ¹⁰⁹ Там же.— Д.37. Л.72.
- ¹¹⁰ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.37. Л.73.
- ¹¹¹ Там же.— Ф.Р-990. Оп.1. Д.915. Л.1.
- ¹¹² Мухсинов З. Указ.соч.— С.21.
- ¹¹³ Там же.— С.22.
- ¹¹⁴ Мухсинов З. Указ.соч.— С.22.
- ¹¹⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.135.
- ¹¹⁶ В Педагогическом обществе // Красная Татария, 1927.— 6 апреля.
- ¹¹⁷ Мухсинов З. Указ.соч.— С.24—25.
- ¹¹⁸ Там же.— С.37
- ¹¹⁹ Там же.— С.28.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Хисамова А.М. 50 лет Книжной палате Татарской АССР // 50 лет государственности Книжной палаты Татарской АССР. Программа и тезисы докладов к научно-практической конференции (22 декабря 1976 года).— Казань, 1977.— С.8.
- ¹²³ Печать, радиовещание и телевидение Татарии (1917—1980). Сборник документов и материалов.— Казань, 1981.— С.196.
- ¹²⁴ Оценку ряда библиографических работ, изданных в период с 1929 по 1931 годы см.: Сигорский Н.Д. Библиография на национальных языках СССР за 1925—1932 годы // Сборник статей по библиографии и о работе научных библиотек.— М., 1933.— С.127—131.
- ¹²⁵ Тагирова С.Ш. Научная библиография книг на татарском языке, изданных в 1925 году.— Казань, 1929.
- ¹²⁶ Ашмасов Г.Б. Центральная Книжная палата приступила к работе // Кызыл Татарстан, 1927.— 25 февр.
- ¹²⁷ Основные положения о составлении библиографических картотек на литературу по местному краю // Татарстан, 1929.— № 2.— С.17—20.
- ¹²⁸ Ашмасов Г. Выставка произведений печати Книжной палаты за 1928 год.— Казань, 1929.— 12 с.
- ¹²⁹ НА РТ. Ф.Р-439. Оп.1. Д.38. Л.8.
- ¹³⁰ Булатов А. Книжная палата Татарской АССР // Сорок лет советской государственной библиографии (1920—1960).— Москва, 1960.— С.254.
- ¹³¹ Там же.— С.225.
- ¹³² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.491. Л.86.
- ¹³³ Там же.— Д.695. Л.7.
- ¹³⁴ Там же.— Д.410. Л.9.
- ¹³⁵ Там же.— Д.491. Л.86.
- ¹³⁶ Там же.— Д.1170. Л.41.
- ¹³⁷ Там же.— Л.108.
- ¹³⁸ НА РТ.— Ф.990. Оп.1. Д.998. Л.6—7.
- ¹³⁹ Там же.— Ф.Р-3682 Оп.1. Д.958. Л.13.

- ¹⁴⁰ Там же.— Д.709. Л.6.
- ¹⁴¹ Там же.— Д.1170. Л.93.
- ¹⁴² Подробнее см.: Бороздин И.Н. Из области татарской культуры // Новый Восток, 1929.— № 25.— С.185—200.
- ¹⁴³ Бороздин И.Н. Указ. соч.— С.186—187.
- ¹⁴⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.695. Л.25.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Там же.— Д.958. Л.8.
- ¹⁴⁷ Там же.— Д.1170. Л.44.
- ¹⁴⁸ Там же.— Л.42.
- ¹⁴⁹ Там же.— Д.948. Л.181.
- ¹⁵⁰ Там же.— Д.1521. Л.32.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.958. Л.45.
- ¹⁵³ Ильинский А. Хроника о краеведческой работе в Поволжье // Краеведение, 1924.— № 3/4.— С.459.
- ¹⁵⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1521. Л.26.
- ¹⁵⁵ Там же.— Д.959. Л.9, 14.
- ¹⁵⁶ Корнилов П.Е. Ремонт в Болгарах в 1926 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.— Казань, 1927.— Вып.1.— С.18.
- ¹⁵⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.695. Л.9.
- ¹⁵⁸ Там же.— Д.971. Л.3.
- ¹⁵⁹ Корнилов П.Е. Ремонт в Болгарах в 1926 году.— С.19.
- ¹⁶⁰ Егерев В.В. Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.— 1927.— Вып.1.— С.33.
- ¹⁶¹ Корнилов П.Е. Ремонт.— С.19.
- ¹⁶² См.: Егерев В.В. Стены казанского кремля и работы по ремонту их // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.— 1927.— Вып.1.— С.62.
- ¹⁶³ Корнилов П.Е. Ремонт памятников ТАСССР в 1927 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.— 1928.— Вып.2.— С.79.
- ¹⁶⁴ Там же.— С. 81.
- ¹⁶⁵ Работа Отдела в 1928 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.— 1928.— Вып.2.— С.79.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.81.
- ¹⁶⁸ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.81.
- ¹⁶⁹ Там же.— Д.1171. Л.37.
- ¹⁷⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1171. Л.39 об.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же.— Д.1193. Л.8.
- ¹⁷³ Там же. Д.1170. Л.93 об.
- ¹⁷⁴ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1511. Л.272.
- ¹⁷⁵ Там же.— Д.948. Л.81.— Д.948. Л.28.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Там же.— Д.491. Л.81, 92, 94—100; Д.957. Л.18—23.
- ¹⁷⁹ Синицына К.Р. Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20-х — начале 30-х годов // Из истории Татарии.— Казань, 1965.— Вып.2.— С.112—114.
- ¹⁸⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.28.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Синицына К.Р. Роль научных...— С.116.
- ¹⁸³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.719. Л.6.
- ¹⁸⁴ Там же.— Д.972. Л.23—24.
- ¹⁸⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.948. Л.28.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же.— Д.954. Л.5.
- ¹⁸⁸ Там же.— Л.4, 11.
- ¹⁸⁹ Там же.— Л.6, 10.
- ¹⁹⁰ Там же.— Д.948. Л.27.
- ¹⁹¹ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 годы // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.).— М., 1991.— С.137.
- ¹⁹² Исаков Д.М. Как нам писать нашу историю // Идель, 1996.— № 3/4.— С.41.
- ¹⁹³ Фирсов Н.Н. Восстановить краеведческую работу // Красная Татария, 1937.— 28 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....

Глава 1. Образование Академического центра Татнаркомпроса .....

§ 1. Деятельность научного отдела как условие создания Академцентра ...

§ 2. Основные задачи и структура Академцентра .....

Глава 2. Научно-методическая и педагогическая деятельность Академцентра ....

- § 1. Учебно-методические программы .....
- § 2. Организация переподготовки кадров .....

Глава 3. Издательская и краеведческая деятельность Академцентра .....

- § 1. Издательская деятельность .....
- § 2. Научные общества и учреждения .....
- § 3. Музейное дело .....

Заключение .....

Научное издание

Фаттахова Гузель Анваровна

Валеев Рамзи Калимович

Академический центр Татарии: 1920-е годы

Редакторы *Б.Л.Хамидуллин, М.С.Гатин*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Художник *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н.П.Клиповой*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность

№ 04184 от 6 марта 2001 года.

С оригинал-макета подписано в печать 2.12.2002. Формат 70x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура «Футурис». Печать офсетная.

Усл. печ.л. 7,02 . Усл.кр.-отг. 7,31. Уч.-изд.л. 8,13.

Тираж 1000. Заказ

Татарское книжное издательство. 420503. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Отпечатано в ООО «Интер-Графика». 420044, Казань, ул.Волгоградская, 49.